

Андрей ИСАЕВ Александр ШУБИН

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ – БУДУЩЕЕ РОССИИ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

У социализма в России множество сторонников и противников. Но очень часто то, вокруг чего кипят споры, не имеет с социализмом ничего общего. Хорошо это или плохо, но в нашей стране социализма не было. Если под социализмом понимать общество свободы и достатка, лишенное эксплуатации и угнетения. В СССР свободы и достатка было маловато.

Только после либеральных экспериментов, разоривших экономику России в 1992–1993 гг., «реальный социализм» может вызывать сейчас теплые ностальгические чувства. Но даже вспоминая о достижениях СССР, нельзя забывать, что к последующему крушению страну привел правящий класс «страны советов», и нынешний «период полураспада» является закономерным этапом в развитии «социалистической» номенклатуры.

Еще недавно, во время перестройки, много говорилось о возможности возникновения демократического социализма, «социализма с человеческим лицом». От себя добавим – только таким он и может быть. В то время социализм был в моде, о нем писали сотни авторов. Миллионам людей казалось, что демократический социализм завтра станет реальностью.

Действительно, Перестройка представляла собой гигантскую развилку для нашей страны. И была возможность миновать нынешнее торжество номенклатурного бизнеса и криминального капитала. Однако ростки демократического социализма оказались еще слишком слабы, а власть имущие настолько могущественны, что события пошли по пути «капитализма с нечеловеческим лицом».

И все же без социализма у России, да и у мира, будущего нет. Копирование западного общества не в состоянии решить вставших перед нами проблем, а возвращение назад означает повторение тех бедствий, которые мы уже пережили. Нужно искать контуры будущего мира в сегодняшнем дне. Собственно, именно этим авторы занимались с самого начала перестройки, стараясь в меру возможности помогать росткам социализма пробиваться через асфальт и грязь современного индустриального общества. И пусть сегодня влияние социалистических организаций в России невелико – в стране уже существуют мощные структуры, которые являются потенциальными носителями социалистической идеи, потому что самой сущностью своей они противостоят капиталистической логике. Это и профсоюзы, и массовые экологические и гражданские движения, и различные формы самоуправления – производственного и территориального. Этим организациям и движениям нужно помочь осознать свои стратегические интересы и двигаться вперед, в завтрашний день, который наступит неизбежно – вопрос лишь в издержках, в том – не слишком ли долго придется к нему идти. И этот день будет принадлежать демократическому социализму.

В этом сборнике Вам предлагаются статьи авторов, опубликованные в 1988–1993 гг. в журнале «Община» и газетах «Солидарность» и «Спасение».

I В ПОИСКАХ СОЦИАЛЬНОЙ ГАРМОНИИ

В ПОИСКАХ СОЦИАЛЬНОЙ ГАРМОНИИ

В необъятном идеологическом течении социализма с самого начала среди множества школ и школочек выделялись два основных направления – «государственническое» и «безвластническое». Провозглашая в качестве конечной цели социализм, строй общественной гармонии, они совершенно по-разному представляли себе содержание этого понятия и пути достижения нового общества. Социализм родился как реакция на несправедливость капитализма, как стремление уйти из мира, в котором средства

производства принадлежат тем, кто на них не работает, а работник не распоряжается продуктами своего труда. Поэтому общим для всех социалистов было стремление перейти от общества, поделенного на пролетариев и буржуа, к обществу, где «все равны». Но как достичь этого совершенства?

Виделось два пути. Можно сделать всех пролетариев наемными рабочими на службе у «всех», а точнее – законного представителя «всех» – государства, и тогда главное – это централизация управления, передача всех сфер жизни на откуп мудрому и справедливому государственному чиновничеству. А можно наоборот – стремиться к тому, чтобы сделать всех хозяевами, соединить в одном лице работника и предпринимателя, сделать пролетария собственником его средств, и тогда путь лежит через децентрализацию общественной жизни, ликвидацию государственного управления, да и самого государства.

ИСТОКИ

Оба течения в наиболее резкой форме заявили о себе еще в XVI–XVII веках. Откроем труды Т. Кампанеллы «Монархия мессии», «О царстве Божьем», «Город солнца» и приобщимся к первоисточнику государственного социализма.

«Должностные лица сменяются по воле народа, но четверо высших несменяемы, если только сами по совещанию между собой не передадут своего достоинства другому, кого с уверенностью считают сильнейшим, мудрейшим и безупречнейшим. Они действительно настолько разумны и честны, что охотно уступают мудрейшему. Но такая передача власти случается редко. Все в отдельности подсудны старшему начальнику своего мастерства – таким образом, все главные мастера являются судьями. Все, в чем они нуждаются, они получают от общины, и должностные лица тщательно следят за тем, чтобы никто не получил больше, чем ему следует. Начальники определяют, кто способен, а кто вял к совокуплению, и какие мужчины и женщины по строению больше подходят друг к другу. Производство потомства имеет в виду интересы государства».

Имея за плечами опыт XX века, мы можем сказать, к чему ведут на практике попытки не то чтобы осуществить, а хотя бы только приблизиться к подобному «царству божьему». Чуть позже родилось и второе направление социализма. Разумеется, причиной его появления были не «грехи» Кампанеллы (до прямой полемики между социалистами – «государственниками» и «безвластниками» было еще далеко). Безгосударственный социализм появился как реакция на феодально-бюрократические режимы XV–XVII вв. Один из первых его теоретиков Д. Уинстэнли писал: «Наша цель состоит в усовершенствовании общин, уничтожении гнета и устранения внешних оков, под которыми стонет Божье творение, а также тех, что внутри нас». Он считал, что путь к социуму, всеобщему братству людей лежит через самоорганизацию малых общностей – общин, и предлагал отдать власть самоуправляющимся городам и приходам, отказавшись от централизованного государства. Последователи Уинстэнли – «дигеры», «истинные уравниатели», разочарованные итогами английской революции, не стали ждать, пока власть предрержащие согласятся с выводами их учителя, а сами решили основать подобную общину и жить в ней коллективным трудом.

«И для тех, кто придет и будет работать, будет еда, питье и одежда, то есть все, что нужно человеку, а что касается денег и одежды в большем количестве, чем нужно человеку для прикрытия наготы, то в них не будет нужды. Эти люди не будут защищать себя с помощью оружия, но будут подчиняться властям и ждать обещанного им благоприятного случая, к которому они всегда должны быть готовы», – говорилось в Декларации первых дигеров. Несмотря на все миролюбие и законопослушание дигеров власти не стали ждать вместе с ними «благоприятного случая», а насильственно прервали социалистический эксперимент.

Время шло, рождались новые утопии, и хотя отголоски экстремизма Кампанеллы все реже можно было обнаружить в трудах пророков социалистической веры, основной мотив

его творчества – уверенность в том, что гармоническое и рациональное управление всеми общественными процессами возможно только из единого центра, – стала неотъемлемым атрибутом «социалистичности». К тридцатым годам 19 века государственный социализм, казалось бы, одержал окончательную победу. Его протоанархистские противники беспорядочно отступали куда-то к левому флангу буржуазного либерализма. А сами слова «социализм» и «коммунизм» настолько слились в общественном сознании с тусклой пуританской казармой, что даже будущие вожди Интернационала Маркс и Бакунин в начале сороковых годов спешили подчеркнуть свою некоммунистичность. Это было первое «всемирно-историческое» поражение демократического социализма перед социализмом казарменным. Перед нами тот редкий случай, когда поклонники свободы проиграли духовным отцам Пол Пота не на практике, а в теории. Почему? Причин много. Во-первых, провал попыток ненасильственным путем создать очаги «безгосударственности» внутри существующих государств (эксперименты Фурье и Оуэна). Правда, надо оговориться, что ни один «заговор равных», ни одна попытка госсocialистов захватить власть путем насильственного переворота на тот момент не увенчалась успехом. Но так уж повелось, что утописты, потратившие жизнь в героических, но бесплодных попытках СОЗИДАНИЯ, вызывают в обществе жалость, граничащую с презрением, хотя те же утописты, готовившие бесполезный кровавый переворот во имя грядущего счастья, неизменно восхищаются своим героизмом. Во-вторых, внутреннее противоречие между безвластием и равенством, которое до сороковых годов 19 века всеми социалистами понималось как уравнительность, то есть искусственно поддерживаемое на протяжении всего жизненного пути равенство людей, несмотря на различия в способностях. А такое с гораздо большим успехом могло произрастать на плантациях госсocialизма, чем на огородах самоуправляющихся общин.

Третья, и, пожалуй, самая главная причина неудач «безвластников» – игнорирование нараставшей кооперации труда, вышедшей за рамки изолированных общин. «Социалистическое самообеспечение» становилось невысказанным в условиях промышленного производства. В тот момент идея о том, что каждый работник должен владеть своими орудиями труда, приобрела вид какой-то реакционной утопии, противоречащей и прогрессу, и здравому смыслу. В сочинениях децентралистов усиливался мотив ностальгической тоски по старому крестьянскому и ремесленному быту. Многие, наверное, помнят приведенный в школьном учебнике истории стишок из чартистской газеты:

Хочу я домик и доход
Не больше сотни фунтов в год.
Козу, корову и лужок,
Куда б сгонял их пастушок.

ПРУДОН

Так продолжалось до тех пор, пока крестьянский сын и самоучка Пьер Жозеф Прудон не поднял знамя борьбы против «двух крайностей» – «собственности» и «коммунизма», и имя его, на миг затмившее на социалистическом небосклоне Кабе, Вейтлинга, Луи Блана и многих других, стало на вечные времена символом спасенного им от смерти учения безвластного социализма.

Вывод о том, что условием равенства, социальной справедливости и целостности общества может быть только децентрализация, и что единство общества не может основываться ни на хаосе частной собственности, ни на навязываемом сверху «порядке», был сделан Прудоном во многом благодаря совершенно новому пониманию социалистического равенства. «Равенство, заключающееся только в равенстве условий, то

есть средств, но не в равенстве благосостоянии, – писал Прудон, – которое при равных средствах должно быть делом рук рабочего, нисколько не нарушает справедливость». А равенство возможностей будет обеспечено, если каждая личность получит право самостоятельно определять условия своего участия в жизни общества.

Итак, добровольное, на основании договора объединение людей в общины, общин в округа, округов в провинции – федерализм – вот рецепт приведения частных интересов в гармонию, единственно правильный способ согласования интересов отдельных лиц и групп с интересами всего общества. Правда в прудоновской схеме есть один заведомо утопичный пункт – свобода договора предусматривает право его не заключать или из него выйти. Право не только юридическое, но и фактическое. Но не могут же несогласные легко покинуть территорию, все остальные жители которой вступили в договор! На практике за общим согласием скрывалось подчинение (разумеется, в разумных пределах) меньшинства воле большинства. Тем более, что федерализм давал блестящую возможность эту волю выявить.

Развивая мысль, теоретик демократического социализма предложил эту схему как универсальную, для всех областей общественной жизни: «Для того, чтобы народ мог стать известным единством, он должен в области религии, суда, военного дела, земледелия, торговли и финансов, промышленности, одним словом – в области всех проявлений своих сил и своей деятельности быть централизованным. Эта централизация должна идти сверху вниз, от периферии к центру, и каждая сфера деятельности должна быть независимой и управляться сама собой». Под словом «централизация» здесь понимается не бюрократический централизм, а согласование интересов, объединение автономных субъектов общества.

Логические построения Прудона выглядят излишне абстрактными. А между тем в этих «метафизических» схемах и формулах был заключен величайший переворот в понимании сущности социализма. На смену серому лозунгу всеобщего равенства пришла идея борьбы за «равенство условий» – то, что Бакунин впоследствии назовет «равенством исходной точки», такое равенство отнюдь не означало равенства результатов, ибо судьба каждого становилась «делом его рук».

Эти идеи еще не представляли собой четкой программы, и не случайно практические попытки «философа нищеты» Прудона имели весьма скромный успех. Но предложенный им путь перехода к общественной собственности и безвластию через распыление власти и собственности и объединение их на новой основе – снизу, был безоговорочно принят его многочисленными сторонниками, среди которых наиболее важную роль сыграли прудонистская фракция Парижской Коммуны и Бакунин.

КОММУНА И БАКУНИН

Борьба за наследие Коммуны началась, едва только закончилась ее героическая эпопея. Подавляющее большинство социалистов приветствовало ее и поспешило объявить подтверждение своей теории. Ревность и сегодня мешает некоторым историкам-марксистам признать совершенно очевидные вещи: наиболее крупной социалистической фракцией Парижской Коммуны были прудонисты, и все действительно социалистические мероприятия Коммуны планировались и осуществлялись по их инициативе и (уж и не знаем, плохо это или хорошо) по их программе. Партии «большинства» в Коммуне социалистическими можно назвать только с очень большой натяжкой, так как неоякобинцы вообще не видели различия между социализмом и буржуазно-демократической республикой («Социализм – не что иное, как республика в действии», писал Делеклюз), а бланкисты не имели собственной программы социалистических преобразований, так как считали, что главное – это ввязаться в драку, а там видно будет. При слабости конструктивной программы наиболее значительным «шедевром» политического творчества «большинства» явилось создание Комитета общественного спасения с диктаторскими полномочиями. Этот акт, однако, не спас

Коммуну, а лишь углубил внутренний раскол, усилил отрыв правительственного центра от самодеятельности народных масс Парижа. Поэтому мы можем с полным основанием сказать, что вся тяжесть подлинно созидательной работы в Парижской Коммуне легла на плечи прудонистов. Они, по существу, взяли в свои руки реорганизацию отношений между трудом и капиталом. Так, 16 апреля практически без прений был принят декрет, предложенный левым прудонистом Авриалем, в соответствии с которым рабочие синдикальные палаты через свою комиссию должны были разработать конкретный план скорейшего пуска брошенных хозяевами предприятий. За ним предполагалось дальнейшее продвижение в том же направлении: «Организовывать труд путем солидарных ассоциаций, коллективно владеющих неотчуждаемым капиталом», – говорилось в наказе профессиональных союзов делегатами Коммуны. Таким образом, первая пролетарская революция явно тяготела в сторону от «государственного социализма», а в качестве фундамента будущего социалистического здания закладывалась не государственная, а кооперативная собственность рабочих ассоциаций. Важной победой прудонистов явилось официальное признание Коммуной идей федерализма, коммунальной автономии и самоуправления в качестве основных принципов политического устройства будущей социалистической Франции, о чем говорилось в главном политическом документе Парижской Коммуны – декларации «К французскому народу», принятой 19 апреля.

Авторитет Коммуны был столь велик, а ее приверженность федералистским принципам столь очевидна, что это заставило многих видных теоретиков госсосоциализма пересмотреть свои прежние взгляды.

Маркс, по образному выражению Ф. Меринга, снял шляпу перед опытом Парижской Коммуны и признал принципы, ранее детально разработанные его главным оппонентом в Интернационале Бакуниным. Именно он, Бакунин, великий русский революционер, одно время считавший себя учеником Маркса, предвосхищая опыт коммунаров, первым описал модель общества с «растворенной властью» и даже придумал название – ДЕЛЕГИРОВАНИЕ.

Еще за три года до Парижской Коммуны в «Программе международного социалистического альянса» он дал не только план восстания и организации «нового революционного отечества», но и последовательное описание принципов организации и функционирования децентрализованной, федеративной системы управления. Сравнительно немногочисленные и потому хорошо знающие друг друга группы людей направляют своих делегатов (называется даже их оптимальное число – 2, минимум необходимый для контроля) с императивными мандатами для создания непосредственно вышестоящего органа. Компактность делегирующих групп делает право отзыва и замены депутатов реальностью. Делегатский совет отказывается от «всяких претензий» на вмешательство во внутренние дела создавших его групп, он занят только координацией их общих дел. Делегатский совет не создает объединенного и обособленного органа исполнительной власти, а организует «отдельные для каждой отрасли» органы управления, в основе которых – рабочие группы из самих делегатов. Сложившийся таким образом в лице Совета Коммуны коллектив делегатов делегирует в свою очередь своих представителей, так же контролируемых и при необходимости «подлежащих отзыванию», в вышестоящий Совет Федерации, который не вмешивается во внутренние дела создавших его коммун, а занимается их общими делами. К сказанному можно добавить лишь то, что, поскольку будущая федерация мыслилась Бакунину как объединение «снизу вверх» «промышленных и земледельческих ассоциаций» (говоря современным языком, трудовых коллективов), то их делегаты должны были вскоре заменить в составе Совета Коммуны делегатов от баррикад, а к ним присоединились бы делегаты от научных и творческих союзов. Вот ведь о чем мечтал объявленный врагом науки и нигилистом Бакунин: «Организация общества путем свободной федерации снизу вверх рабочих союзов, как индустриальных, так и земледельческих, как научных, так и союзов работников искусства и литературы, сначала в коммуну, потом в федерацию коммун в области, области в нации, наций в международный братский союз».

Эта система, в основе которой лежал принцип «революционной делегации», обладала рядом важных преимуществ перед парламентской представительной демократией. В книге «Анархия по Прудону» ее авторы Бакунин и Дж. Гильом прямо указали основной недостаток прямых выборов во «всенародный» парламент – некомпетентность массового избирателя: «Каким образом, например, может народ удостовериться в способности тех лиц, которых ему приходится уполномочивать! Если бы в рабочей ассоциации приходилось решать вопрос, кто из членов наиболее способен выполнить известную промышленную должность, избиратели-работники не рисковали бы ошибиться в выборе, так как приходилось бы судить о вопросах, не выходящих из их специальных ремесленных сведений. А здесь хотят, чтобы народ, то есть совокупность этих работников, каждый из которых компетентен только в своей специальности, решил сознательно вопрос, не имеющий ничего общего с его ежедневной практикой, с его знаниями».

Система делегирования снимала бы проблему некомпетентности – ведь каждый делегат избирается в малой группе. Но может показаться, что предполагаемая делегированием ступенчатость менее демократична, чем прямые выборы. Но суть делегирования в том, что всякая небольшая по составу и организованная группа избирателей посылает своего депутата только в тот орган, который в рамках предоставленных ему полномочий (императивного мандата) способен принимать решения, прямо влияющие, на судьбу данной группы. В создании более высоких «инстанций» группа избирателей уже не участвует (это прерогатива ее делегата), но и они не могут непосредственно ей ничего приказать, так как не получили от нее таких полномочий. Организованность избирателей на каждой ступени делает возможность отзыва депутата из абстракции реальностью, поэтому каждый вышестоящий орган всегда выражает волю большинства создавших его нижестоящих организаций. За меньшинством же в свободной федерации сохраняется право выхода. Поэтому меньшинство, по мысли Бакунина, будет подчиняться воле большинства постольку, поскольку будет дорожить пребыванием в одном с ним сообществе.

БАКУНИН И МАРКС

Почему Бакунин, не очень-то доверявший попыткам научно спрогнозировать будущее, вдруг занялся проработкой отдельных черт системы общественного самоуправления при социализме? Если внимательно, в хронологической последовательности проследить творчество Михаила Александровича в 60-70-е годы, то мы обнаружим две футурологические вспышки, два периода, когда Бакунин особенно активно занимался зарисовками будущего. Первый (1864–1867), когда Бакунин осознал себя анархистом и социалистом и попытался «нарисовать» социализм для себя и для создаваемой им организации единомышленников. Второй (1872–1874), когда Бакуниным были написаны последовательно анархистские произведения. Между двумя этими периодами лежит этап ожесточенной «драки» с марксизмом. Верный своему философскому девизу «Дух отрицающий – есть дух созидующий», он построил модель безгосударственного социализма на основе критики социализма «государственного», главным приверженцем которого считал «школу Маркса». Один из первых русских переводчиков «Коммунистического манифеста», он перенес недоверие к его авторитарной программе на выработанную Марксом и Энгельсом уже позднее теорию диктатуры пролетариата. Теоретик анархизма так и не поверил в ее переходный характер, в то, «что диктатура будет временная, короткая». Во-первых, «никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечивания себя» (любой функционирующий аппарат стремиться к самосохранению, а не к самоуничтожению). Во-вторых, диктатура «способна породить в народе только рабство» – привычку подчиняться приказам центральной власти, что тоже отнюдь не будет способствовать отмиранию государства. И, наконец, в-третьих, сам термин «диктатура пролетариата» представляется Бакунину парадоксальным и подозрительным. В «Государстве и анархии» он

пишет, что термин «диктатура пролетариата» бессмысленен, если речь идет о диктатуре всего трудового народа. А какой еще она останется после того, как социальная революция уничтожит привилегии господствующих классов? Этот термин бессмысленен, поскольку диктатура всех или даже диктатура большинства – есть отсутствие диктатуры вообще. Но термин наполняется смыслом, если его авторы подразумевают либо диктатуру городского пролетариата над крестьянством, либо диктатуру пролетариата более цивилизованных наций над остальными народами («например, немецкого пролетариата»). Вполне понятно, что идея всевропейской диктатуры немецкого «национал»-социализма не прельщала Бакунина. Но с не меньшей неприязнью он относился и к идее диктатуры «городского пролетариата» над собственным крестьянством.

Бакунин считал, что в конечном итоге провозглашение превосходства пролетариата над крестьянством приведет к тому, что высшее чиновничество пролетарского государства попытается опролетарить крестьян, отняв у них землю и сделав их наемными работниками на службе у государства. Вот как пророчески описаны картины будущей коллективизации: «Государство, даже коммунистическое, о котором мечтают последователи Маркса, ставя себя на место свободных ассоциаций и заявляя притязание возвысить земледельческий труд, посредством централизованной администрации, поручая своей бюрократии заведовать обработкой земли и выплачивать заработок крестьянам, превращенным таким образом в государственных чиновников и копающих землю под его надзором, привело бы к ужаснейшей неурядице к плачевнейшему расхищению и к гнуснейшему деспотизму».

По мнению Бакунина, в пролетарском государстве, поскольку сохранится государственный аппарат, будет существовать не диктатура пролетариата, а диктатура «пролетарского» чиновничества. «Неужели ВЕСЬ пролетариат будет господствовать?» – спрашивал оппонент Маркса и сам же отвечал, что, скорее всего все это выродится в «управление огромного большинства народных масс привилегированным меньшинством. Но это меньшинство, говорят марксисты, будет состоять из работников. Да, пожалуй, из бывших работников, но которые лишь только сделаются представителями или правителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственности, будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом».

Заглянем в «Манифест Коммунистической партии»:

«Однако в наиболее цивилизованных странах могли бы почти повсюду быть предприняты следующие общие меры: 1. Экспроприация поземельной собственности и обращение поземельной ренты на покрытие государственных расходов... 3. Уничтожение права наследования... 5. Централизация кредита в руках государства посредством национализации банка с государственным капиталом и исключительной монополией... 7. Увеличение числа государственных фабрик и орудий производства, возделывание и улучшение полей по общему плану. 8. Одинаковая трудовая повинность для всех, учреждение промышленных армий в собственности для земледелия. 9. Соединение земледельческого труда с фабричным».

А теперь возьмем «Государственность и анархию»:

«По Марксу, народ не только не должен его (государство) разрушить, напротив, должен укреплять и усилить и в таком виде передать в полное распоряжение своих благодетелей и учителей-начальников коммунистической партии, то есть г. Марксу и его друзьям, которые начнут освобождать его по-своему. Они сосредоточат бразды правления в сильной руке, потому что невежественный народ требует весьма сильного попечения, создадут единый государственный банк, сосредоточивший все – торгово-промышленное, земледельческое и даже научное – производства, а массу народа разделят на две армии: промышленную и земледельческую под непосредственной командой государственных инженеров, которые составят новое привилегированное научно-политическое сословие».

Мы не случайно сопоставили эти цитаты. Пусть наши читатели лишний раз убедятся, что подозрения Бакунина не были беспочвенной фантазмагорией. И он тем более имел право

винить марксизм в его ранних грехах, что Маркс, даже пересмотрев позднее многие взгляды «Манифеста», нигде публично ни от одного пункта из этой «стоящей целых томов книги» не отрекался.

Бакунин был первым теоретиком анархизма, выдвинувшим идею о том, что государственная собственность на средства производства является наиболее удобной для обеспечения экономического господства «бюрократического сословия»: «Авторитарный коммунизм монополизует собственность, таким образом, уже не в пользу буржуазии, а в пользу абстракции, существа воображаемого – государства. Но дня народа эта фикция воплотится в слишком конкретных представителях – государственных людей, чиновников, которые будут по произволу распоряжаться общественным состоянием».

Идея управления жизнью страны из одного центра, но в интересах всего народа представлялась Бакунину абсурдной, так как ни один центр не в состоянии познать всех интересов народа. «Где тот человек, – спрашивал теоретик анархизма, – где та группа людей, которая, как бы гениальна она ни была, осмелилась бы утверждать, что она может хотя бы объять и понять бесконечное множество интересов, стремлений и действий, столь разнообразных в каждой стране, в каждом округе, во всякой профессии?» И никакие представления вождей государственного социализма о гармонии не смогут гарантировать реальной гармонии. Наоборот, по мысли Бакунина, «центральная администрация не только не приводит интересы в гармонию, как утверждают ее приверженцы, а напротив, порождает привилегии, позволяя покровительствовать одним за счет других. Централизация, проповедуемая якобинцами и государственными коммунистами, является агентом продажности, фаворитизма и порабощения».

Поэтому в противовес государственной частной собственности Бакунин стал отстаивать идею «коллективной» собственности, которую понимал следующим образом: «Право собственности на орудия труда дается работникам, не какой бы то ни было властью, ассоциации производителей не делаются государственными арендаторами. Это было бы авторитарным коммунизмом. Коллективизм... понимает дело иначе. Различные ассоциации, овладев орудиями своего труда, вступают между собой в федерацию с целью урегулировать распределение и обмен товаров, равно как и количество производства; они взаимно гарантируют друг другу пользование орудиями труда контрактами, цель которых воспрепятствовать монополии и предоставлению одной ассоциации права эксплуатировать других». Бакунин и Гильом подчеркивали, что в предлагаемой ими экономической системе вообще не останется места для государственной централизации, которая еще проглядывает во взглядах Прудона: «...Надзор над ассоциациями», который Прудон посвятил обществу (т. е. власти будто бы представляющей интересы общества, или, другими словами, государству) по нашему мнению должен принадлежать самим ассоциациям, они должны непосредственно следить за исполнением существующих обязательств.

Существование сравнительно обособленных групп производителей, являющихся собственниками своих средств производства, неизбежно бы поставило вопрос о товарообмене между ними. И если Маркс утопично решал вопрос о товарно-денежных отношениях при социализме, начисто отвергая их, а Прудон пытался изобрести новую форму стоимости, которая бы отличалась от денег и исключала бы неэквивалентность обмена, то бакунисты оказались в этом вопросе ближе к реальности. «По нашему мнению, – писали Бакунин и Гильом, – как Прудон, так и коммунисты одинаково ошибаются, потому что одинаково ставят абсолютные принципы. Искать средства для математически точного определения действительности и абсолютной ценности продукта, по нашему мнению, дело химерическое, потому что ценность – это не абсолютное понятие, а, напротив, относительное. С другой стороны, не менее химерично требовать, подобно коммунистам, совершенной ликвидации торговли и обмена, потому что для этого потребовалось бы слияние всех жителей земного шара в одну общину, направляемую централизованной распределительной властью... Мы не можем определять, как решат этот вопрос в будущем рабочие группы. Возможно в известной мере, обмен заменит распределение, но, с другой

стороны, это распределение не может выйти за известную меру, и рабочие ассоциации будут, следовательно, прибегать к обмену и искать средства устроить его как можно менее произвольно».

Резюмируем вкратце взгляды Бакунина и бакунистов. В качестве главных отличительных черт их представлений о социализме, мы можем выделить три принципа: коллективная собственность рабочих ассоциаций, внимание к товарно-денежным отношениям, и децентрализованная (федеративная) система управления. Их моделью стал самоуправляющийся социализм. Маркс, враг утопий, сделав вполне беспощадный, однозначный и глубокий критический анализ общества, от которого хотел уйти, колебался в вопросе об обществе, к которому следует стремиться. Как философ-гуманист, он, безусловно, тяготел к «бесгосударственному» социализму, как экономист-антитоварник – выступал поборником государственной централизации. В конце концов выбор марксизма вновь определил Энгельс, провозгласив в «Анти-Дюринге»: «Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства, прежде всего в государственную собственность», и объявил войну мелкобуржуазным иллюзиям о возможности сохранения товарно-денежных отношений при социализме. Как бы то ни было, а именно в XIX в. оба течения социалистической мысли (государственническое и безвластническое) достигли своих теоретических «вершин», обзавелись партиями сторонников и перешли к практической деятельности, исследование которой лежит вне рамок нашего очерка.

*Андрей ИСАЕВ
Александр ШУБИН
1988 г.*

ЧЕЛОВЕК ИЗ ТРЕХ СТОЛЕТИЙ

Нынешняя бакунинская годовщина отмечается скромно. Ведь Бакунин не Столыпин и не Бердяев: не корежил страну машиной государственного насилия и не воспевал эту машину в своих трудах. Он был врагом государственности – марксистской, монархической, парламентской – всякой. Он бунтовал против нее в своих произведениях, довелось ему держать в руках и оружие. Это был неудобный человек и неудобный мыслитель, как всегда неудобные люди, которые говорят правду, несмотря на политическую конъюнктуру. И конъюнктура мстит – прячет книги, затирая имя на скрижалях истории. Но имя Бакунина

нельзя было замолчать, и бесконечные анафемы марксистских и «либеральных» историков лишь прибавляют ему авторитета. История оставила за ним прозвище «Великий бунтарь». Один среди тысячи бунтарей истории.

ЧЕЛОВЕК XIX ВЕКА

Бакунин был плоть от плоти XIX столетия. В истории Европы это воистину мятежный век: революции следуют одна за другой. В России уделом дворянина Михаила Бакунина была тюрьма и ссылка, на западе же он был на своем месте. Участие в революции 1848–1849 годов, командование дрезденскими повстанцами, смертные приговоры, вынесенные судами Пруссии и Австрии, бесконечные политические дискуссии, подготовка вооруженных экспедиций в Польшу и Италию, организация подпольной сети и восстаний в Лионе и Флоренции...

Современный читатель, наверное, спешит вынести приговор – «виновен в большевизме». Большевизм стал символом заговорщической тактики и иезуитства в XX столетии. Но в XIX веке заговорщиками были представители всех политических направлений – либерал Риго, конституционный монархист Муравьев, марксист Энгельс, коммунист Бланки и вождь «партии порядка» Луи Бонапарт. Многопартийные правила игры еще не утвердились, гражданская война еще не была столь разрушительна, как в следующем столетии. Оружие оставалось чуть ли не единственным способом ликвидации диктатуры, которая и сама была результатом предыдущего переворота. Партии сменяли друг друга в ходе выборов, к которым было допущено лишь меньшинство населения. «Большие батальоны» казались и более эффективным, и не менее справедливым средством политических перемен.

Будучи несомненным сторонником вооруженных методов борьбы, Бакунин, тем не менее горячо выступал против таких «политических революций», которые приводят к смене режимов, но почти ничего не меняют в укладе жизни людей. «Всякая политическая революция, не ставящая себе немедленной и прямой целью экономическое равенство (имеется в виду равноправие – А. Ш.), является с точки зрения народных интересов и прав не чем иным, как лицемерной и замаскированной реакцией», – не о победе ли «демократов» в августе 1991 года это сказано?

Нас так рьяно отучают сейчас от идеала социального и экономического равноправия, что многим изречения Бакунина покажутся возмутительными. Ведь Великий Бунтарь покушается на «незыблемое право частной собственности» – нажитой, кстати, с помощью того же насилия. Экономическое равноправие – это право всех на собственность, отсутствие правящей олигархии, ставящей у власти своих марионеток.

Действительно, глубинный социальный переворот, преследующий целью экономическое равноправие, вызовет хаос и приведет к бедствию тех самых людей, ради которых и делается революция. Но тогда массе людей было мало что терять, условия жизни и труда рабочих и большинства крестьян были невыносимыми. Это сейчас, после десятков революций и миллионов забастовок, трудящиеся Западной Европы добились относительно высокого уровня жизни. А тогда нищета выводила тысячи на улицы. Революция приходила и уходила, но оказавшиеся у руля государственного корабля революционеры были заняты дележом власти, а социальные реформы оставляли «на потом».

Бакунин вовсе не был сторонником подобных революций «для народа». Он призывал к революции самого народа, чтобы бесконечная череда кровавых переворотов увенчалась, наконец настоящей революцией, которая положит конец организованному насилию – государству. Ради этого последнего столкновения с олигархией, с государственной машиной Бакунин считал возможным пойти на большие жертвы. «Революция – это война, а когда идет война, происходит разрушение людей и вещей. Конечно, очень печально для человечества, что оно не изобрело более мирного способа прогресса, но до сих пор каждый новый шаг в

истории рождался лишь в крови. Впрочем, реакция не может упрекать в этом отношении революцию. Она всегда проливала крови больше, чем последняя».

Человечеству придется пройти через кровавое чистилище XX века, чтобы начать осознавать невозможность дальнейшего прогресса на крови. Бакунин был человеком XIX столетия. Он еще мог позволить себе романтические строки о гражданской войне: «Но почему вы клеймите гражданскую войну, почему так боитесь ее? Я вас спрашиваю, опираясь на историю, откуда вышли все великие натуры, великие народы – из гражданской войны или из общественного порядка, навязанного какой-нибудь охраняющей властью?» Гражданская война уже освободила американских рабов. Она еще не принесла тотального рабства народам России. Бакунин был человеком XIX века, но не только...

ЧЕЛОВЕК XX ВЕКА

Михаил Александрович Бакунин умер в 1876 году. Но когда читаешь его труды, иногда возникает ощущение, что он каким-то образом посетил наше столетие и увидел все его ужасы. Мыслители XIX века с оптимизмом смотрели в будущее, они мечтали о том, как достижения их столетия в области техники и демократии расцветут в следующем веке настоящим земным раем. Бакунин тоже верил в такую возможность. Но видел он и альтернативу.

Комментируя сочинения доктора Маркса, Великий Бунтарь писал: «Если есть государство, то непременно есть господство, следовательно – и рабство; государство без рабства – открытого или маскированного – невысказано, – вот почему мы враги государства».

Что значит пролетариат, возведенный в господствующее сословие? Неужели весь пролетариат будет стоять во главе управлений?... Весь народ будет управляющим, а управляемых не будет. Тогда не будет правительства, не будет государства, а если будет государство, то и будут управляемые, будут рабы.

Эта дилемма в теории марксистов решается просто. Под управлением народным они разумеют управление народа посредством небольшого числа представителей, избранных народом... – ложь, за которой кроется деспотизм управляющего меньшинства, тем более опасная, что она является выражением мнимой народной воли...

Но это меньшинство, говорят марксисты, будет состоять из работников. Да, пожалуй, из бывших работников, но которые, лишь только сделаются правителями или представителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной; будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом».

Это приговор и большевизму, и реформаторскому крылу государственного социализма. Эгоизм бюрократии поглощает благие пожелания «друзей народа» и заставляет их бороться против «врагов народа», а точнее – против их собственных врагов, среди которых оказывается и сам народ. Одни делают это более откровенно и кровавадно, другие – менее, но всегда лживо. И социалисты, и антисоциалисты, оказавшись «государственными людьми», принимаются за бесчеловечные эксперименты, призванные удовлетворить их научный интерес и обеспечить безбедную старость. Иногда эти эксперименты приносят благо и простым людям, но чаще только страдания. И, тем не менее, они всегда «научно обоснованы»: «Мнимое народное государство будет не что иное, как весьма деспотическое управление народных масс новой и весьма немногочисленной аристократией действительных или мнимых ученых. Народ неучен – значит, он целиком будет освобожден от забот управления, целиком будет включен в управляемое стадо. Хорошо освобождение!» Не следует забывать, что кто бы ни стоял у государственного руля – «ученые» Гайдар и Попов или действительные знатоки хозяйства, – толку не будет, пока народ останется управляемым стадом. Элита думает о своих интересах и только в последнюю очередь – о том, чтобы бросить кость низам во избежание бунта.

ЧЕЛОВЕК XXI ВЕКА

Сверхмонополизированная, сверхавторитарная, сверхгосударственная система, созданная в СССР в полном соответствии с предсказаниями Бакунина о последствиях воплощения теории Маркса, разваливается. Страна вступила в эпоху катастроф.

Западные режимы, наблюдая за разбуханием государственного аппарата СССР, с удовольствием пользовались опытом коммунистов. Государственно-монополистическая форма общества утвердилась во всех развитых странах, и в этом смысле коммунистический режим – отец экономической модели, завоевавшей мир. Видимо, в этом был его исторический смысл и неизбежность.

Но вот отец умер, и кризис государственного монополизма охватывает все новые и новые страны. Полумеры консерваторов по свертыванию государственного регулирования дают только короткую передышку. В Великобритании дело дошло до уличных столкновений, в Америке – до погромов в Лос-Анжелесе. То ли еще будет. Государственный монополизм как система не вяжется с условиями конца XX века. Что же будет он делать в XXI веке, когда компьютеры предъявят свои права на место чиновников, а господство хозяйственных монополий сделает неизбежной всеобщую экологическую катастрофу? Миру нужно новое общественное устройство. Каким оно будет?

«Все классы... должны исчезнуть... за исключением двух масс, городского и сельского пролетариата, которые станут собственниками; вероятно, коллективными, в разных формах и в разных условиях, определенных в каждой области и в каждой коммуне степенью цивилизации и волею населения, один – собственником капиталов и орудий производства, другой – земли, которую он обрабатывает своими руками». Основой общества Бакунин видел коллективную собственность на средства производства. Уже сейчас, в конце XX века предприятия, находящиеся в коллективной собственности своих работников обгоняют частнособственнические фирмы, на которых сохраняется диктатура менеджера-предпринимателя. Производственные «республики» делают человека гражданином на производстве, полноправным собственником, а не наймитом.

Сегодня коллективные предприятия сковываются конкуренцией мощных транснациональных монополий, опирающихся на силу государства. Но, может быть, человечество способно обходиться вообще без государства, без этой бюрократической машины, противостоящей обществу? Несмотря на все свои издержки, научно-технический прогресс все же расширяет сферу свободы личности, превращая ее в активного участника истории. Это создает предпосылки того, что в будущем люди, возможно, смогут обойтись без многочисленной и неэффективной бюрократии. Бакунин представлял себе безгосударственное саморегулирующееся общество будущего как союз союзов: «Организация общества путем свободной федерации снизу вверх рабочих союзов, как индустриальных, так и земледельческих, как научных, так и союзов работников искусства и литературы; сначала в коммуну, потом федерация коммун в области, областей – в нации, и нации – в международный братский союз». Нижестоящие общности сами определяют, куда вступать.

Производственное и территориальное самоуправление может взять на себя функции социального обеспечения, обороны и внешних сношений. И только в тех случаях, в которых необходимость объединения усилий не может быть осуществлена рыночным путем, органы самоуправления договариваются о наделении своего союза какими-либо правами. Это еще не идеал Бакунина – общество свободы и солидарности, но это уже переход к нему – общество XXI века.

1992 г.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РЕФОРМА

В наше время средства массовой информации всеми силами пытаются сохранить черно-белое мышление и просто переставляют плюс на минус. То, что коммунистической идеологией объявлялось самым прогрессивным, теперь однозначно предается анафеме, даже если это такие сложные явления, как революция, социалистическая мысль или стремление к социальной справедливости.

На некоторых старых отрывных календарях, отпечатанных еще «Политиздатом» и «Правдой», дата 18 марта выведена красным, как праздник День Парижской Коммуны. Сегодня, после массовой «смены вех», «граждане свободной России» торопятся вместе с Первомаем выбросить на свалку и другие «красные» праздники.

Парижской Коммуне в этом смысле не повезло вдвойне. Она была революцией, которую уже делали социалисты и (о, ужас!) анархисты. Как раз о последних и хочется рассказать подробнее. Ведь именно они – левые последователи основателя современного анархизма П. Ж. Прудона – взвалили на себя практически всю социальную политику Парижской Коммуны. Есть ли чему поучиться нам в XX веке у этих революционеров века XIX?

Варлен, Авриаль, Малон, Франкель, Тейс, Лефрансе – они учились у Прудона, прислушивались к аргументам «великого бунтаря» Бакунина, спорили с Марксом. До революции они были «диссидентами», многие сидели в тюрьмах или изгонялись из страны. Со второй половины 60-х годов они отстаивают идею коллективной собственности на средства производства, которая даст каждому человеку чувство хозяина и независимость от угнетения: «Как философы мы опираемся на данные экспериментальной науки, как политики мы стремимся к созданию федеральной коммуны и федерации групп рабочих, как социалисты мы хотим коллективной собственности на орудия труда, которая обеспечит всем равенство элементарных условий жизни и вместе с тем гарантирует каждому всестороннее развитие и всеобщую свободу,» – писал Малон.

Однако, депутаты-анархисты понимали, что большинство еще не готово к таким реформам. В своем проекте Декларации Коммуны депутат Лефрансе предлагал следующее: «При помощи созванного возможно скорее специального собрания делегатов рабочих ассоциаций, Торговой палаты, синдикальных палат, директоров Французского банка и руководителей транспортных предприятий мы будем изыскивать средства обеспечить труд и обмен, без которых в обществе нет ни мира, ни свободы». Такой путь позволил бы искать наиболее компромиссный вариант сосуществования коллективной собственности на средства производства и лояльного к ней капитала. Однако этот путь не должен был препятствовать продвижению в направлении социальных реформ: «Мы выходим на более широкую дорогу уже не простой коммунальной революции, а такой революции, которая имеет в виду не только политическое раскрепощение рабочих, то есть революции социальной,» – воспроизводит Лисагарэ свое ощущение тех дней.

Подготовка реформы проводилась в тесном контакте с представителями организованного труда и капитала. Обсуждая вопрос о сроках платежей. Коммуна по предложению Лефрансе принимает решение: «...желая принять по этому поводу такое постановление, которое примирило бы интересы всех сторон, Коммуна приглашает рабочие общества и синдикальные палаты торговли и промышленности представить в письменном виде до 10 апреля в Комиссию труда и обмена свои соображения и все сведения, которые они сочтут полезными».

Это постановление закрепляло компромиссный характер реформ, рассчитанный на создание смешанной экономики, основанной на групповой и частной собственности под контролем организаций рабочих и предпринимателей.

Пока готовилось введение производственного самоуправления, усилиями левых прудонистов были приняты декреты, облегчающие положение мелкого бизнеса, – прежде всего, декрет о сроках платежей по долгам. Принятие этого декрета ставило в порядок дня создание сектора коллективной собственности, который мог бы вступить в соревнование с частным предпринимательством. Хорошим предлогом для вторжения в отношения собственности стала обстановка войны с контрреволюционным версальским правительством, в ходе которой часть предпринимателей покинула Париж и, таким образом, поставила себя с точки зрения коммунаров в положение предателей.

Декрет о конфискации имущества беглецов был принят 15 апреля, открыв дорогу следующему преобразованию, проект которого уже был подготовлен в лево-прудонистской Комиссии труда и обмена. 16 апреля, почти без прений, принимается Декрет о передаче бездействующих мастерских, брошенных бежавшими из Парижа предпринимателями, в руки рабочих производственных ассоциаций (профсоюзов).

Таким образом, депутаты-анархисты стремились создать новый сектор только за счет тех производств, которые и так покинуты буржуазией: «Представить доклад с изложением практических мер по скорейшему пуску этих мастерских, но уже не силами хозяев, которые их бросили, а кооперативной ассоциацией рабочих, которые были заняты в них».

Подходы этого декрета не оставляют места для подозрений в проведении «красногвардейской атаки на капитал», основанной на расплывчатых критериях «саботажа», «контрреволюционности» и т. п. Мало того, декрет считает необходимым «учредить третейский суд, который при возвращении упомянутых хозяев должен будет определить условия окончательной передачи мастерских рабочим обществам и размер возмещения, которое эти общества обязаны уплатить хозяевам». Советские комментаторы протоколов Коммуны отмечают: «То обстоятельство, что декрет предусматривает уплату денежного возмещения хозяевам в случае их возвращения в Париж, не имело практического значения, ведь если бы Коммуна одержала победу над Версалем, хозяева, разумеется, не вернулись бы в Париж». Это вовсе не разумеется. В отличие от российской «диктатуры пролетариата», Коммуна не грозила капиталистам физическим истреблением и была настроена на конструктивные формы экономического соревнования с капиталом, а не на насильственное его уничтожение. В случае победы Коммуны хозяева вернулись бы в Париж и продолжали бы заниматься бизнесом, конкурируя со своими вчерашними рабочими.

Сразу после опубликования декрета парижские профсоюзы заявили о готовности «организовать труд путем солидарных ассоциаций, коллективно владеющих неотчуждаемым капиталом». Эта формулировка проводит четкое разграничение между акционерным обществом и коллективной собственностью на средства производства, когда невозможно сосредоточение в руках узкой группы лиц. Позднее в Совете Коммуны высказывались предложения распространить Декрет 16 апреля на все крупные предприятия (депутат Везинье, 4 мая), но они не встретили существенной поддержки даже со стороны левых прудонистов, для которых социально-экономическое положение было все же важнее доктрины.

Создание сектора коллективной собственности – лишь один пример социальной политики депутатов-анархистов. Они взяли на себя функции посредников между трудом и капиталом. Запрещая наиболее жестокую эксплуатацию, они следили за тем, чтобы меры Коммуны не душили производство. Левый прудонист Лефрансе так разъяснял принципы социалистической политики: «Если Коммуна восторжествует, как надо надеяться, а в этом нет сомнения, все, что называется общественной благотворительностью: больницы, убежища, ломбарды – наверняка исчезнет. Но это предполагает создание новых учреждений, которые вы не можете в настоящий момент описать в одной из статей декрета. Вы посеяли бы теперь смятение в умах, если бы просто и коротко объявили об упразднении ломбардов и

богаделен. Прежде чем их упразднить, надо сделать их излишними. Только представив целую программу реформ, нам удастся создать систему, которая позволит упразднить общественную благотворительность во всех ее формах. Но, повторяю, нужны новые учреждения, а их нельзя сделать предметом одного декрета, так как он был бы неполон, а, следовательно, непонятен и создал бы вам больше врагов, чем друзей».

Левые прудонисты-депутаты Парижской Коммуны – были анархистами, революционерами и социалистами. И, тем не менее, у них есть чему поучиться нашим нынешним реформаторам.

Александр Шубин
1992 г.

СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО ИЛИ КРИТИКА КРИТИЧЕСКОЙ КРИТИКИ¹

ПЕРЕХОД КАЧЕСТВА В КОЛИЧЕСТВО

Сегодня, когда марксизм превратился в «гонимое учение», часто приходится слышать от оппозиционно настроенных людей: «Учение Маркса нуждается в новом осмыслении. Пора вернуться к Марксу».

Безусловно, марксизм как первая системная социалистическая (антибуржуазная) идеология нуждается в тщательном и внимательном изучении; но рассматривать его как основу современного левого движения и универсальный путь выхода из кризиса цивилизации – не стоит. Суд над марксизмом произнесла сама история, практика, которая, по мысли основоположника, была критерием истины. Ни одна из многочисленных и разнообразных попыток воплощения его идей успехом не увенчалась. «По плодам их узнаете их».

Взгляды неомарксистов не имело смысла оспаривать, если бы за всю свою жизнь Маркс создал лишь «Экономико-философские рукописи» и «Капитал», если бы не поставил свою подпись под «Манифестом коммунистической партии» с его рецептами введения всеобщей трудовой повинности и «создания промышленных армий (в особенности для земледелия)», не написал бы «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» с апологией

¹ Название работы заимствовано автором у главного героя.

исторического насилия и «Критику Готской программы» с причудливым тезисом о диктатуре пролетариата.

Но Маркс «Экономико-философских рукописей» и Маркс «Манифеста» – это один и тот же Маркс. Эволюция его доктрины последовательна и закономерна, она раскрывает внутренние глубинные противоречия, лежащие в основе созданного им учения.

Согласимся с неомарксистами в том, что так называемый «марксизм-ленинизм» далек от истинного марксизма. Точно так же, как далеки от него любые ПРАКТИЧЕСКИЕ политические доктрины. Истинный марксизм живет только в теоретических работах самого Маркса и в книжках некоторых философов. Как железо в чистом виде существует только в лабораториях, а в практической жизни применяют сталь и чугун; так же и марксизм в чистом виде живет лишь как научная гипотеза. На практике же ведут политическую борьбу разные формы РЕВИЗИОНИЗМА.

Куда бы ни отправились политики, решившие практиковать марксизм – в легальную деятельность вместе с Э. Бернштейном, в революционную борьбу вместе с Лениным, в практическое рабочее движение вместе с Лабриоллой и Сорелем – всюду жизнь потребовала от них отказа от ряда существенно важных положений марксистской теории. А их последователи зашли в этом так далеко, что сохранили чисто символическую связь с основоположниками. Л. И. Брежнев, Мао Цзедун, И. Б. Тито, Ф. Миттеран оказались марксистами в гораздо меньшей степени, чем американский психоаналитик Э. Фромм.

Как философская школа, марксизм за какое-то столетие ужасно деградировал. Начиная с Ф. Энгельса, все последователи титана мысли оказывались на голову ниже своих предшественников.

Если учеником Сократа был Платон, а труды неоплатоников представляют собой явное развитие, усложнение философской системы учителей, то труды Плеханова – очевидный регресс даже по отношению к Энгельсу, отступление к механическому материализму Гольбаха. А пронизанный духом сиюминутной борьбы труд «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина может быть назван философским с тем же основанием, как журнал КНДР «Корея» – политологическим.

Отдельные исследователи философской школы марксизма, занятые прикладными проблемами, как, например, А. Грамши или Э. Ильенков, общей удручающей картины не меняют.

Зато «основоположников» новых сект в рамках марксистской традиции хватает. Учение распалось на множество противоборствующих направлений. Не успела урна с прахом Энгельса лечь на дно Ла-Манша, как ревизионисты, каутскианцы, большевики, синдикалисты сцепились во взаимной борьбе. Затем каждая из сект неоднократно разделялась. Большевизм распался на сталинизм и троцкизм, каждый из них породил массу школ, взаимоненавидящих друг друга. От некогда великой доктрины остался клубок политических интриг и амбиций. Качество перешло в количество.

ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ. СКРЫТАЯ БОРЬБА И МНИМОЕ ЕДИНСТВО

Незавидная историческая судьба марксизма – не результат мирового заговора, не следствие того, что к нему примкнуло слишком много плохих и недалеких людей, а итог развития изначально присущего ему внутреннего противоречия.

Бросив вызов буржуазной цивилизации, ее экономике, политической системе, культуре и нравственности, доктор Маркс пощадил ее душу – материалистическую философию. И не только пощадил, но сделал своей религией.

Родившись в период античности, усыпленный христианством, дремавший все средневековье, материализм проснулся к жизни вместе с появлением молодой буржуазии. Он стал крайней формой реакции на духовный гнет государственной церкви, постепенно пленив мировосприятие верхушки третьего сословия. Материалистическая этика довольно быстро

прошла путь от абстрактного гуманизма энциклопедистов до циничного эгоизма маркиза де Сад и Макса Штирнера.

Отрицание Высшего смысла человеческой жизни, бессмертия души, воздаяния за добрые и злые дела не могло привести к другому. Если существование человека, его разума, жизнь всего человечества – лишь случайный эпизод в бесконечном развитии холодной и мертвой материи, то борьба за идеалы и жертвенность лишены всякого смысла. «Летай или ползай – конец известен, все в землю ляжет, все прахом будет!» – с точки зрения материалистической философии, горьковский уж абсолютно прав, а сокол выглядит параноиком.

В основе материалистической этики лежит активное стяжательство, стремление сейчас, пока жив, сорвать как можно больше цветков удовольствия. Такая мораль абсолютно согласуется с буржуазным мироощущением. Внешняя, ритуальная религиозность буржуазии не должна нас обманывать. Первые социалисты XIX в. Сен-Симон, Фурье, Вейтлинг, Прудон были идеалистами.

Свой выбор в пользу материализма бывший гегельянец К. Маркс сделал, руководствуясь политическими соображениями. Он, видя в церкви политического союзника старого режима, не хотел связывать себя чужими догмами. Но, встав на почву материализма, Маркс немедленно проиграл буржуазии, поскольку начал играть на ее поле. Каков смысл социального новаторства в лишенном глобального смысла мире? Ответ на это вопрос одновременно с Марксом мучительно искали и другие материалисты-социалисты. Чернышевский изобрел теорию разумного эгоизма. Кропоткин доказывал, что взаимопомощь важнейший фактор эволюции живой природы. Столкновения с реальностью эти теории не выдержали и рушились.

Человеческое общество состоит из множества личностей с различными наклонностями; поэтому столкновения их интересов неизбежно и не всегда зависит от общественного устройства. Двое мужчин любят одну женщину, два человека претендуют на одну и ту же социальную роль и т. п. Из этого эгоизма никогда не удастся вывести альтруизма. Точно так же и в живой природе существует взаимопомощь, но есть и внутривидовая, и межвидовая борьба. Инстинкт самосохранения может стимулировать и то, и другое поведение, и не всегда взаимопомощь будет доминировать.

Маркс подошел к этому вопросу серьезнее своих друзей-соперников. Он попытался скорректировать сам материалистический метод, произвольно добавив к нему идеалистическую диалектику.

Однако диалектический материализм изначально был весьма догматичен. Нигде и никогда Маркс даже не попытался доказать, что само совмещение материализма и диалектики возможно. Он преподнес это как аксиому. Аксиомами также становятся и другие центральные постулаты его философии: о том, что материя бесконечна во времени и в пространстве, что она пребывает в постоянном движении, что движение всех форм материи может быть сведено к нескольким общим законам. Все эти догматы предлагается принять на веру. И в этом Маркс не отличается от своих религиозных оппонентов. Но те могут объяснить догматы как откровение Высшего Разума, а доктор Маркс – как свое интуитивное ощущение.

Диалектика абсолютно нематериалистична, поскольку подчиняет хаотичное движение материи ЗАКОНУ, т. е. категории идеальной и предполагает не просто механическое движение, а развитие, восхождение от простого к сложному, делает движение осмысленным, целенаправленным. Но она оказывается необходима материалисту Марксу, как воздух, поскольку только она дает жизнь его футурологии, объясняет неизбежность и закономерность общественных преобразований.

Однако автор «Капитала» недолго торжествует победу. Химера диалектического материализма вновь оборачивается против него. Ведь если социальная революция и коммунизм неизбежны, к чему вся эта «суета вокруг дивана» – борьба за голоса в Генсовете Интернационала, издание газет и листовок, бомбы и баррикады? В чем смысл личного

участия во всех этих мероприятиях для каждого из пролетариев? Все будет достигнуто само собой.

Ученики Маркса достойно ответили на этот вопрос. Смысл в двух вещах: в мести эксплуататорам и в возможности самореализоваться через историческое творчество, в котором центральное место принадлежит диктатуре пролетариата.

КОММУНИЗМ – ОПИУМ ДЛЯ НАРОДА

Оставим без рассмотрения светлый мотив мести эксплуататорам, выразителем которого стал шолоховский Макар Нагульнов, на чьем нагане было написано сакраментальное: «Я умру, но и ты, гад, погибнешь.»

Поговорим о самореализации через диктатуру пролетариата и коммунизм.

Еще при жизни Маркса его современник и главный оппонент в Интернационале М. А. Бакунин убедительно доказал, что диктатура пролетариата невозможна. Власть есть одна из функций в общественном разделении труда, поэтому совершенно невозможно, чтобы миллионы промышленных рабочих осуществляли эту власть. Между ними и властью возникает посредник – чиновник, но как нельзя точить деталь через посредника, так нельзя осуществлять через него власть. Посредник сам становится носителем власти. Чиновники превращаются в господствующий класс, возникает еще одно эксплуататорское общество, и ни к какому коммунизму оно не ведет. Этому способствует и сосредоточение собственности на средства производства в руках государства. Жизнь блестяще подтвердила эти прогнозы.

По давайте пофантазируем и предположим, что коммунизм каким-то чудом все-таки наступил. Что будет представлять собой самореализация людей в этом земном рае? (Царстве свободы, как поэтически выразился К. Маркс).

И вот здесь притаившийся буржуазный материализм вонзает нож в спину своего врага. Оказывается, что смысл коммунизма – в том же самом перенесенном в будущее буржуазном стяжательстве, в удовлетворении все возрастающих потребностей. Легендарный «скачок из царства необходимости в царство свободы» оказывается скачком в духовный вакуум и материальный хлев. Да и сама свобода по Ф. Энгельсу лишь «осознанная необходимость».

Весь смысл многовековой классовой борьбы состоит, оказывается, в том, что потомки пролетариев смогут уподобиться их сегодняшним врагам.

Конечно, ни Марксу, ни его просвещенным сторонникам это не нравится, и они несут слащавый и бездоказательный бред о преображении природы неугнетенного человека, который по причине материальной удовлетворенности становится ангелом во плоти, лишенным каких бы то ни было дурных побуждений. Почему люди начнут вести себя именно так, а не как герои книги Стругацких «Хищные вещи века»?

Почему не превратятся в обезумевших от сытости скотов, не начнут изощряться в поисках новых извращенных «потребностей» – абсолютно не ясно. Маркс говорит, что при коммунизме начнется бесконечное развитие личности. Но что такое бесконечное развитие личности? Развитие, движение невозможно без вектора, направления. А в конечной, лишенной Высшего Разума материальной жизни направления нет.

Что значит полностью самореализоваться? Прочесть до конца жизни как можно больше книг? Крепить здоровье, чтобы умереть абсолютно здоровым? Оставить в жизни след, чтобы после твоей смерти потомки помнили тебя до своей смерти?

Ах, да, совсем забыл – можно начать «делать сказку былью»: заняться покорением сил природы. Но зачем для этого столько усилий и страданий? Можно уколоться, и вот уже сказка стала былью, нынешнее поколение оказалось живущим при коммунизме.

Но это теория, а практика – еще грубее. Она обернулась, по меткому выражению Э. Фромма, хрущевским «гуляш-коммунизмом». Верой в то, что коммунизм – это производство большого количества колбасы на душу населения.

Именно тогда, при Хрущеве, элита «пролетарского» государства заглянула в

глубинный смысл коммунизма. И обнаружила там давно существующее на Западе потребительское общество.

После этого буржуазное перерождение и перестройка стали неизбежны.

ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ

Конечно материализм Маркса и Энгельса противоречив и условен. Разве может материалист верить в возможность существования плановой экономики, т. е. преобразования бытия при помощи идеальной конструкции; в возможность смены производственного базиса по воле разума, ИДЕИ? Разве практика марксистов в России, когда в соответствии с идеей были преобразованы производительные силы, структура экономики, общественные отношения – не являются самым блестящим опровержением исторического материализма? Но именно материалистическая составляющая марксистской доктрины помешала основоположникам выстроить собственный общественный идеал на основе небуржуазных нравственных ценностей и подчинить нравственности конкретную деятельность своих последователей.

Эти ценности оказались поставлены под сомнение, как нечто нематериальное, а значит, несерьезное, и заменены так называемой «классовой моралью». И это отнюдь не изобретение большевиков, уже в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс обосновал эту гипотезу.

Марксизм оказался силен в своем разрушительном проявлении, как отрицание буржуазности, отрицание сформированного ею типа общества и личности. Сделанный им анализ капиталистических отношений, вывод о неизбежном преодолении их и переходе человечества к иному, более очеловеченному и духовному состоянию, несомненно, можно отнести к числу исторических заслуг марксизма.

Однако отрицание не может быть принято за идеал без катастрофических последствий этого. Мавр (домашнее прозвище Маркса) сделал свое дело и давно уже должен был уйти. Антитезис по законам гегелевской триады должен смениться синтезом.

Ключ к возрождению социалистического движения – в окончательном преодолении марксизма, в выработке иной философской системы, построенной на старых, испытанных человеческих нравственных ценностях, к реализации которых, в конечном счете и стремится все лучшее, что мы можем найти в учении Маркса.

Андрей Исаев
1994 г.

ГРАД КИТЕЖ

«Социальная утопия» в 100 километрах от Калуги

Во все времена существовали люди, недовольные окружающей действительностью. Эти «недовольные» распались на две группы: большинство худо-бедно приспособивались, оставляя свое недовольство для застольных бесед с друзьями. Меньшинство – пытались изменить жизнь. Эти «меньшевики» тоже были «революционерами», стремившимися во что бы то ни стало навязать свой идеал обществу; «реформистами», пытавшимися постепенно приблизить действительность к идеалу, и «утопистами», предпочитавшими поставить эксперимент на себе.

Наш сегодняшний рассказ о современных «утопистах», о тех, кто в нынешний жестокий век не утратил идеалов и пытается самостоятельно «нащупать» тропинку в

будущее.

Вы просыпаетесь от звона будильника, проклиная все, сползаете с постели, проглатываете бутерброд и бежите к метро. Вас вдавливают в толпу, выплевывают на нужной станции. Поминутно глядя на часы, вы пролетаете через проходную и попадаете на службу. Духота, гарь, нервотрепка. Вечером – новые транспортные сражения. Дальше – телевизор, телефон и отбой. И так каждый день. Это – комфорт индустриального человека. За это боролись наши отцы и деды. А вокруг – катастрофы, грабежи и убийства, митинги и давка в очередях.

Но однажды Вы садитесь в автобус и через четыре часа езды оказываетесь среди лугов Калужской области, на краю леса, где стоит несколько только что построенных домов. Нет, это не дачный поселок. Сюда люди приезжают не отдохнуть, а жить. Вы попали на территорию педагогической ассоциации «Китеж», где проводится уникальный в нашей стране эксперимент. Здесь создается модель общества, основанного на непривычных, забытых принципах духовной общины. Здесь должны будут жить дети-сироты и люди, готовые помочь им встать на ноги после первых жестоких ударов судьбы. Обитатели этого странного поселения надеются помочь в формировании поколения завтрашнего дня.

ЛИДЕР

Президент Ассоциации «Китеж» – Дмитрий Морозов. Преуспевающий журналист, кандидат исторических наук «вдруг» бросил благополучную жизнь в городе и отправился в «глухомань» (от Калуги – 100 километров) строить город будущего. Почему? «Карма» – ответит вам Дмитрий (он – специалист по Индии) и загадочно улыбнется. Что-то в нем есть от восточного гуру, хотя по взглядам своим Морозов – человек православный.

«Карма» (или судьба) вела Морозова в Китеж с неумолимостью математического закона. Картины Рериха и историческая литература сформировали человека, способного воспринимать историю мира как целое, а себя – как ее часть. Полезное свойство в наш век отрыва от корней. В студенческие годы Дмитрий оказался на практике в Индии. Он совершил свое первое большое путешествие, объездив всю южную часть страны. Уже понимая, что дома не все благополучно, Дмитрий получил в Индии хорошую прививку от увлечения западной моделью общества: «Надо сказать, что Индия – нищая страна. И там я не стал любителем капитализма ни капли. Я думаю, что сейчас мы идем к индийскому варианту капитализма, а не к американскому. Я видел уровень жизни, который был в десятки раз ниже советского. То, что я видел, не поддается никакому сравнению с СССР. Самый нищий колхозник в России живет лучше, чем большинство индийцев.»

Но Морозов видел не только нищету и роскошь. Он постигал искусство медитации в индийских монастырях, изучал тысячелетнюю историю индийской сельской общины и опыт создания самоуправляющегося духовного сообщества будущего в Ауровиле. Между Востоком и Западом он искал что-то новое, подмечая плюсы и минусы любого опыта.

Дмитрию везло на встречи.

– Я приехал в Бангалор, где жил Святослав Рерих. Приехал просто так, без рекомендаций. Я востоковед, студент, хочу поговорить. При этом я знал, что нашим туристам отводится на встречу 15 минут. Он предлагал кофе, немного говорил с ними, а потом ссылался на дела и прощался. Автограф на память. Все.

Я сказал, что кофе пить не буду, потому что мне важнее поговорить. Через пятнадцать минут он мне сказал – оставайтесь. Я у него прожил три дня. Рерих показывал мне свои картины и коллекции бронзы, я ему читал свои стихи. Мы говорили о религии, о России, о ее будущем. Говорили про монастыри, которые помогли выстоять душе народной во время нашествий и смут. Я был настроен патриотически: почему Вы здесь, а не у нас? Почему Ваша мудрость не известна на Родине? Он улыбался. Я не учил его, понимал разницу уровней, я пытался его понять. А он говорил: «Дмитрий, вы поймите, что если есть человек

светящийся, то просто тем, что он существует, он уже меняет мир.»

И до, и после Индии судьба подталкивала Дмитрия к построению собственной модели будущего. Ключевыми событиями были поездки в археологические экспедиции и пионерлагерь. Эти «обычные студенческие мероприятия» окончательно превратили Морозова в «нестандартного» человека, который не может вписаться в нашу социальную структуру.

Он вспоминает о своем археологическом братстве:

– Там мы работали по десять часов в сутки, в сорокоградусную жару, питались кабачками и капустой. Вот тогда я впервые понял, что такое коммунизм. Пусть первобытный. Но люди были абсолютно счастливы и гармоничны. Нас было мало – человек 15 в московской группе. Но никакой возрастной разницы – все ели из одного котла, помогали друг другу, защищали друг друга. Мы читали стихи, рассказывали прочитанные книги, спорили о политике, религии – это после работы 10 часов на жаре. Я ездил туда три года, и понял, что не хочу другой жизни, что радость мне доставляет духовное человеческое общение, а не материальные ценности. И тогда путь был определен. Правда я не знал, как его осуществить. Археологические экспедиции были временными, но уже с 19 лет я искал место, где подобный образ жизни может существовать «на постоянной основе».

А в пионерлагере Морозов почувствовал «как дети поддаются, как легко можно, отдавая любовь, получить ее взамен. Я не мог спасти их от дурных родителей, не мог вмешаться, решала семья. И некоторые ребята, очень талантливые, потом пропили свой талант. И тогда я подумал, что если бы мне удалось побыть их вожатым лет пять-шесть, пока не окрепнут, это принесло бы желаемый результат. И чувство вины, и надежда на успех заставили меня искать возможность создать свою школу, такую общину, где я мог бы что-то сделать хотя бы для немногих. Так возникла идея Китежа. С 1988 г. я уже искал людей для ее практического воплощения».

ОБЩИНА

Журналистские связи позволили найти людей, готовых, как им казалось, строить поселение нового типа. Его назвали «Китеж». Почему так?

– Китеж – это святое русское понятие, хотя многие русские его даже не знают, как выяснилось. Есть легенда, что пришли завоеватели на Русь, сожгли много городов, подступились к граду Китежу. Его защитники, сражаясь, доблестно пали перед воротами. А Йог сделал град Китеж невидимым, чтобы не дать врагу уничтожить духовную силу России. И с тех пор живет вера, что Китеж воспрянет, когда будет самая большая нужда, чтобы вернуть людям веру и надежду. Есть на севере озеро Светлояр. Говорят, что люди с чистой совестью и чистые духом, долго стоя на берегу, могут увидеть в волнах отражение Китежа – и церковей, и теремов, и даже услышать колокольный звон.

Но легкого начала у «Китежа» не получилось. Спонсоров было немного, и все приходилось строить на голом месте. Хорошо хоть, что калужские власти прониклись идеей, и выделили землю. Тяжелый труд и вынужденно аскетический быт отсеяли случайных людей. А неслучайные остались.

Вадим и Ира семья из Таллина, с двумя детьми. Вадим получал хорошую зарплату в Таллинском порту. Никаких трений с местными на национальной почве тоже не было. И все же они решились пожертвовать городским комфортом и переселиться в эту «дикую местность», чтобы жить и работать практически только за идею. Это сейчас, когда первые дома стали реальностью, община начинает обустроиваться. Но до «городского» уровня жизни еще не близко. И все же китежане верят, что превзойдут его.

Во многом это зависит от Вадима (он был выбран мэром города), на знаниях и рассудительности которого держится стройка. Строят в основном мужчины: Владимир, Андрей, Валера.

Женщины – Ирина, Лариса, Лена, Ирина – готовят, стирают и одновременно учат, воспитывают детей. Кроме своих, в общину уже принято несколько сирот.

Летом «Китеж» принимает детский лагерь. Дети (в том числе и состоятельных родителей, привычные к комфорту) не хотели уезжать, хотя лагерь был трудовой.

Темпы строительства поражают воображение. Почти при полном отсутствии средств (еле хватает на стройматериалы) за год возведено семь домов. Конечно, несколько китежских мужиков не справились бы. Но в общину постоянно приезжают гости со всех концов страны и «из-за бугра». Закон местного гостеприимства прост: работа вместе со всеми, питание – за общим столом, беседы – хоть круглые сутки. А беседы интереснейшие – без идей люди сюда не едут. В этой совместной жизни отбираются и кандидаты для пополнения общины.

Приезжают преподаватели из Москвы, которые помогают китежским учителям. В «стратегической» перспективе – приглашение профессоров из высших учебных заведений. Морозов не скрывает, что собирается воспитывать элиту. Только не из детей наших «первоначальных накопителей», а из сирот.

А пока учатся сами китежане. К роли педагогов тоже надо готовиться, и это – самое трудное. Наставником остается Морозов – просто потому, что имеет знания и опыт.

Вечерами община (включая гостей) собирается вокруг свечи и ведет неторопливые разговоры на самые разные темы – от проблем с собаками до судьбы Иисуса Христа. Столкновения мнений стараются избегать. Морозов говорит об этом:

– По любому поводу можно уйти в дискуссии на месяц, на год, и все равно не добиться истины, потому что у людей разный интеллектуальный и информационный уровень. Борьба за истину, нарушая гармонию, может сломать смысл «Китежа». А совместная работа, умение вести себя в коллективе и заботиться об окружающих помогают, как ни странно, постигать истину. В гармонии, без напряжения. Ради этого «Китеж» и затевался.

Люди во время наших вечерних бесед задают не случайные вопросы, а те, до которых они «дозревают» каждый день. «Китеж» – это не курсы, это – жизнь, путь для каждого человека. Идет естественное развитие, и в ходе его человек задает вопросы, которые его волнуют. А на такой вопрос и ответ выслушиваешь куда внимательнее.

«Китеж» меняется и меняется на глазах. Не только внешне, но и внутренне. По мнению Д. Морозова, «в своем развитии община проходит несколько стадий. Первая стадия – приход людей, которым кажется, что они хотят быть в „Китеже“. Эта стадия требует жертвы, проверки на уживаемость и упорного труда. Вторая стадия: у тех, кто остался, кто был готов к жертве, готов учиться, затрачивать усилия, – возникают вопросы. Появляется желание гармонизировать себя и познать мир. Третья стадия будет стадией познания, когда люди смогут принимать знания и давать их другим.

– До осени мне было важно построить дома и кого-то оставить в поселении. Теперь до весны необходимо решить следующую проблему: создать из тех, кто остался, общину. Чтобы она могла функционировать уже как единый организм. И новых людей принимать не по слову Морозова-проповедника, в котором можно и усомниться, а всей общиной, на базе реальной жизни. Реальная жизнь сильнее одного человека. Мы здесь не раз в этом убеждались.

Судя по темпам работ можно сказать: город будет. И добавить: „Тьфу, тьфу, тьфу – не сглазить бы!“»

В ПОИСКАХ ГАРМОНИИ

Со стороны все это напоминает стройки первых пятилеток (по крайней мере, привычный легендарный образ). Но так же строились и преуспевающие ныне киббуцы Израиля, и духовные общины, существующие в разных странах Запада, и средневековые монастыри. Китежский аскетизм – явление временное. Энтузиасты строят для себя и для

детей вполне достойную жизнь. Но все же они готовы терпеть «временные трудности». Ради чего? Об этом мы продолжаем разговор с Дмитрием:

– Не будем обманывать себя. Житье в одном общем доме и в одном вагоне не является ни для какого человека, даже для самого идейного, наслаждением. Готовка пищи с утра до вечера не может быть радостью, как и таскание бревен для мужчины. Нормальный человек радоваться сам по себе такому тяжкому труду не будет. Но ощущение радости наполняет жизнь общинника, это свойство самого общения в гармонии с людьми.

Но, может быть, этот проект – утопия, которыми так богат наш век? Морозов не согласен:

– То, что мы строим, – это не фантазия. Не идея, которую пытается любым способом реализовать горстка фанатиков. Это образ жизни, который имеет право на существование. Не для всех, не всегда, но имеет. И он коренится и в русской душе, и в опыте мировой истории. В истории общины.

Действительно, община (сельская и городская) много древнее нынешнего индустриального общества, где человек превратился, в производственную функцию, где соседи не знают друг друга, где человеку приходится преодолевать невероятные препятствия, чтобы оказаться «на лоне природы», к тому же изуродованном. Китежане стремятся как можно меньше изменять окружающую среду. Великолепные здешние луга «освобождены» от планов застройки. Человек чувствует себя не только частью общины, но и частью Природы.

Но это не просто попытка вернуться в прошлое. Община не отгораживается от достижений цивилизации, которые помогают совершенствоваться духовно и интеллектуально с помощью видеомagneфона или компьютера. Интеллектуальный труд приравнивается к физическому.

– Отчасти «Китеж» создается на тех принципах, на которых строились монастыри, духовные сообщества прошлого. Это отношения, основанные на взаимопонимании и духовном родстве людей, а отнюдь не на «табели о рангах» или жестко выстроенной иерархии. Каждый должен понять каждого, потому что они вместе идут к заданной цели.

В чем цель общины?

– Наша цель – это построение некоего острова, некоей социальной структуры, которая сама по себе служила бы своего рода питательной средой, попадая в которую ребенок обретал бы новые качества. Жизнь вырвала его из привычной обстановки (дети-сироты, дети-беспризорники), его необходимо реабилитировать, то есть лечить психологически. Его надо воспитывать, дать образование, чтобы его любили, и чтобы он полюбил. Все это – в комплексе, иначе люди вырастут все равно морально «хромыми».

– У нас не просто школа. Школа лишь учит наукам. Община учит владеть собой, владеть ситуацией, быть сильным, а на это уже накладываются знания. Знания – не первая задача Учителя. Первая – это личность. Создание личности, которая сама может накапливать знания, понимает, как их применять и зачем. У человека со здоровой психикой, имеющего опору в своей среде, в окружающих, во всей общине, меньше шансов и спиться, и свихнуться. И главное, если он пошел в большой мир, ему есть, куда вернуться, где поднакачать сил, отдохнуть.

Такое сообщество не может существовать на основе привычных «норм общежития». Продолжая формулировать принципы, на которых строится жизнь «Китежа», Морозов говорит:

– Это обязательное взаимопроникновение и воплощение людей друг в друга, поддержание духовной гармонии внутри коллектива. Это постоянное уважение к чужой личности и свободное развитие каждого. До сих пор внутри Китежа нет ни «Кодекса строителя общины», ни даже просто четкого разделения обязанностей. Я могу придумать все что угодно, но это не пойдет. Я хочу, чтобы люди своей жизнью, своими отношениями выстроили социальную структуру «Китежа». И вот они говорят: «Дима, мы решили с сегодняшнего дня за столом не разговаривать громко, а медленно кушать. И тем самым

заставить детей вести себя хорошо.» Или: «Мы решили каждый вечер собираться и час посвящать духовной беседе.» Не я сказал: «Ребята, давайте-ка каждый вечер я по часу буду читать проповеди». Это родилось само, потому что каждый почувствовал такую потребность. Вот я жду, когда мы соберем все эти потребности, когда они проявятся, всплывут со дна сознания на уровень понимания.

Таков град «Китеж». Он не идеален, не прочен еще. Здесь множество своих проблем. Но сюда никого не тянут силком, как в «светлое коммунистическое» и «светлое капиталистическое» завтра. Здесь есть братство, гуманность и солидарность. Здесь есть альтернатива нашей сумасшедшей «цивилизованной» жизни, которая так гордится своей безальтернативностью. Парк, луга, лес, несколько домов, деревянные и снежные скульптуры вокруг. Град Китеж. Но его может увидеть лишь человек, чистый духом.

Александр ШУБИН
1994 г.

II СОЦИАЛИЗМ И УТОПИИ

КЛАДБИЩЕ УТОПИЙ

Россия перед выбором

Россия в XX веке стала кладбищем сразу трех социально-политических утопий – просвещенного псевдоправославного абсолютизма; государственного социализма и либерального западничества.

Все три этих социальных модели существовали в XIX в. как ведущие течения российской общественной мысли. Все три – пережили час своего господства в массовом сознании и практике государства. Все три претерпели фиаско.

Сама попытка их внедрения и защиты сопровождалась грандиозными потрясениями, расколом общества, невозполнимыми физическими и духовными потерями народа. XX век утопий и экспериментов – несомненно, войдет в историю нашей Родины и всего человечества как страшное и смутное время. Но оно родило своих героев и великих мыслителей и даже ухитрилось сделать по-своему счастливыми миллионы людей. Их счастьем стала борьба за воплощение мифа:

«Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы».

Со времен Крещения Руси наше государство никогда не было «деидеологизированным». Российский патриотизм поэтому имел не столько этническое, сколько идейное насыщение. Наши предшественники защищали не только «страну берез», но и страну правильной веры (православия) или родину социализма. Смысл жизни народа составляло служение неким высшим ценностям. Первой и самой долгой страницей в истории этого служения стала «византийская симфония», как поэтично окрестили попытку построения подлинно христианского государства.

ФИНАЛ «ВИЗАНТИЙСКОЙ СИМФОНИИ»

В 1917 году рухнула химера «народной монархии». Не сбылись представления о том, что Россия сможет избежать или совсем иначе, чем Европа, пройти путь капитализации, что стоящая над схваткой монархия сумеет обуздать классовые противоречия, что идеологическое единство (через православие) и соборность русского народа позволят избежать революций и потрясений.

В действительности «народная монархия» оказалась неспособна ответить на вызов истории – разрешить противоречие между развитием индустриального производства, без которого Россия превратилась бы в отсталую зависимую страну, и сохранением основ традиционного общества, разрушение которых капитализмом вело к распаду общественных связей, невиданному обострению классовой борьбы. К 1905 г. эта борьба переросла в настоящую гражданскую войну. Взаимное отчуждение трудящихся и собственников, власти и общества, официальной идеологии и интеллигенции достигло апогея. Сама эта идеология пребывала в глубоком упадке. Разрыв между словом и делом был ничуть не меньшим, чем в СССР брежневского периода. Провозглашенный православием принцип соборности находился в вопиющем противоречии с упорным отказом самодержцев пойти на какое бы то ни было народное представительство. (В результате чего идея «Земского Собора» превратилась в лозунг революционного движения). И вырванная у императора революцией Дума сразу же стала врагом двора. Официальная подчиненность государства христианским ценностям входила в зримый конфликт с реальным подчиненным положением православной церкви («цезарепапизмом», по меткому определению Н. Бердяева), которая синодальной системой была переведена на роль своеобразного министерства по делам духовности. Упразднение Петром I патриаршества, а затем провозглашение мужеубийцей и великой грешницей немкой Екатериной II себя главой русской церкви при полной покорности Синода стали заключительными тактами «византийской симфонии». Государственная религия превратилась для верхушки общества в чисто официальную. Угнетение, казни и даже телесные наказания «братьев во Христе» были освящены и узаконены. Распад идеи обернулся впоследствии распадом империи.

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ КРЕПОСТНИЧЕСТВО

В результате Великой русской революции 1917–1921 гг. в Кремле воцарились носители новой идеологии – государственного социализма (коммунизма). Коммунистам удалось разрешить противоречие сгубившее монархию, – провести индустриализацию страны, подавив при этом классовую борьбу и сохранив монолитность традиционного общества. Большевики сумели повторить опыт любимого ими царя – Петра I решить задачи модернизации путем укрепления институтов феодализма. Но сохранялись не лучшие, а худшие, наиболее консервативные черты старого мира. Общинность нашла свое воплощение в советском коллективизме, а сама община в колхозе, духовное единство общества – в идеологической монолитности, корпоративность и уравнительность – в «социалистическом» распределении. Государство было подчинено идеологическим постулатам, марксизм-ленинизм превратился в квазирелигию, а партия в псевдоцерковь, борющуюся с любым намеком на ересь. За неверное толкование соотношения бытия и сознания в 30-х гг. XX в. в России могли казнить так же, как казнили еретиков в XVI в. Как и во всяком традиционном обществе возникло причудливое сочетание абсолютного диктата государства с элементами базовой «общинной» демократии в низовых ячейках добровольно-принудительных «общественных» объединений. Иерархическое полуфеодалное государство как бы растворило в себе общество. Самодержавная власть

генсеков в народном сознании оказалась тождественной власти царей.

«То, с чем Россия в старый мир ворвалась,
Так что казалось, что ему пропасть,
Все было смято. И одно осталось –
Его неограниченная власть», – писал поэт Н. Коржавин.

А в чем-то общество даже вернулось назад: были восстановлены паспортная система и фактически государственное крепостничество.

Путем мобилизации ресурсов коммунисты втащили Россию в индустриальную стадию развития, но попались сразу в три капкана, расставленных им историей.

Во-первых, издержки «большого скачка» оказались для народов нашей страны непомерными. И как только перестройка вынудила ослабить государственный пресс – КПСС немедленно был предъявлен счет за миллионы убитых и замученных в лагерях, за разрушение духовных и культурных основ жизни народа, за изоляционизм и «железный занавес», вызвавшие неумную и нерасчетливую тягу ко всему иностранному. (Помните у «Наутилуса»: «Нас так долго учили любить твои запретные плоды!»)

Во-вторых, ресурс подобной модернизации оказался исторически ограничен. Бюрократическая система могла построить современную индустрию, но она не могла ею эффективно управлять. Преодолеть рубеж научно-технической революции традиционное общество оказалось не в состоянии: технологическое отставание от Запада стало неизбежным и все более угрожающим.

В-третьих, коммунисты решили чужую (буржуазную) задачу – индустриализацию – ценой жизни своей утопии. Построенное ими общество явилось ужасной карикатурой на марксистскую теорию.

«Самый замечательный безбожник
не придумает кощунственнее шарж», –

писал когда-то пролетарский поэт В. Маяковский по поводу не понравившихся ему шести монахинь. Но слова стихотворца смело можно отнести к плодам «его революции» – «развитому социализму».

«Власть трудящихся» обернулась ничем не ограниченной диктатурой класса партийно-государственной номенклатуры.

Рабочие, крестьяне и интеллигенты оказались лишены даже тех прав и свобод, которые существуют при буржуазной демократии. На рабочие демонстрации 1919 г. в Астрахани, 1953 г. – в Берлине, 1962 г. – в Новочеркасске, 1970 г. – в Гданьске «пролетарское» государство отвечало языком пулеметных очередей.

«Общественная собственность» стала одновременно ничьей и определенно не народной, так как право распоряжения ею сосредоточилось исключительно в руках партийной олигархии.

«Социальное равенство» разбилось о пороги номенклатурных распределителей, госдач, спецполиклиник, элитарных вузов, об унылые очереди за дефицитом.

Свободомыслие и атеизм на практике обернулись насаждением своеобразной языческой религии с поклонением троице вождей, «мощам» и «священному писанию», с созданием специального государственного института толкователей цитат «классиков».

Весьма показательно, что растоптали коммунистическую утопию ее же жрецы – переродившаяся номенклатура. Именно они и их дети, а не западные радиоголоса и «агенты сионистов» привезли из загранпоездки вместе с импортными шмотками и аппаратурой преклонение перед Западом, духовную буржуазность. Сталин, Брежнев и Ельцин плоть от плоти коммунизма. А ведь «не может древо хорошее приносить плоды худые!»

Номенклатура сама в поисках новых доходов взлелеяла второй привилегированный класс советского общества – «теневиков» и «торгашей», криминальную буржуазию, паразитировавшую на дефицитной экономике. К середине 80-х гг. она устала платить дань

номенклатуре и трястись от страха перед профилактическими репрессиями. «Теневики» ворвались в номенклатурную реформу – перестройку, превратили ее в свою революцию и поменялись с номенклатурой местами – хозяин стал слугой.

Новые паразиты овладели сердцами россиян при помощи новой утопии – либерального западничества. Сказку о Справедливости сменила сказка о Свободе.

КРАХ ЛИБЕРАЛЬНОЙ УТОПИИ

Сегодня Россия переживает стремительный крах третьей утопии. Нас долго убеждали, что во всех наших бедах виноват один дьявол – коммунистическое государство, оно – причина всех больших и малых неприятностей:

«Глаз подбит, пиджак в пыли,
Под кроватью брюки –
До чего же довели
Коммунисты-суки!» – иронизировал поэт И. Иртеньев.

Нас убеждали: стоит убрать этого страшного врага, дать простор частной инициативе, экономическому эгоизму, минимизировать влияние государства на жизнь общества, – как производство само собой станет эффективным, качество товаров хорошим, демократия и свобода нас встретят радостно у входа, и жить наша Марья Ивановна будет ничем не хуже «просто Марии».

Пинок, которым население пробудили от этих грез, вполне сопоставим со смелым экспериментом тов. Сталина по обобществлению кур и гусей в 1930 г. Катастрофическое падение жизненного уровня населения – вместо обещанного процветания. Невиданный в мире спад производства, гибель самых передовых отраслей – вместо эффективной экономики. Разгул преступности и коррупции, чудовищная моральная и культурная деградация вместо эры гуманизма и ненавязчивого сервиса. Авторитарный режим с обрежневевшим вождем во главе – вместо обещанной изящной демократии. Упорное, садистское насаждение правительством «либерального» курса, своего рода государственное регулирование наизнанку – вместо свободного саморазвития экономики.

Напрасно г. Явлинский спешит уверить нас, что это-де результат тактических ошибок, что, прими мы к исполнению его пятисотдневный план, все было бы иначе. На ЭТОМ пути иначе быть не могло. Отправляясь в террариум со змеями, глупо ожидать встречи с райской птицей.

Иного не могло быть как минимум по трем причинам.

Во-первых, потому что «капиталистическое рыночное» общество не однотипно. Оно двух видов. Первый – на витрине в развитых странах. Там давно всерьез не придерживаются либеральных доктрин. Там регулируемая государством социальная рыночная экономика. Даже победа либералов на выборах в сущности мало что меняет. Поскольку они оказываются зажаты с одной стороны мощным (десятилетиями складывавшимся) социальным законодательством, а с другой за десятилетия натасканным на всяких «манчестерцев» рабочим движением.

И совсем другой капитализм в третьем мире. Там нищета, преступность, коррупция – словом, все, что есть в современной России. Богатое меньшинство капиталистических стран во многом живет за счет этого бедного большинства. И нас в вагоны первого класса никто с распростертыми объятиями, увы, не приглашал.

Во-вторых, гегемоном нашей революции были мерзавцы. Не интеллигенция с шахтерами (это антураж), а переродившаяся номенклатура и жулики с товарных баз. Каких других реформ вы от них ждали?

В-третьих, мы не учли важного противоречия либерального рыночного капитализма. Противоречия между культурной почвой, на которой он прорастает и плодами, которые он приносит. Рассмотрим это подробнее.

ЛИБЕРАЛИЗМ ПРОТИВ ХРИСТИАНСТВА. ПИРРОВА ПОБЕДА

Немецкий социал-демократ Ф. Хоффер в беседе с автором однажды отметил, что рыночное общество неизбежно разрушает ту культурную базу, на которую опирается и без которой не сможет жить.

Капитализм ставит в центр жизни экономику, целью экономики делает извлечение прибыли, наживы, а главным стимулом производственной деятельности человека – стяжательство, погоню за заработком. Такое сообщество экономических эгоистов не смогло бы существовать без поведенческих ограничителей табу, жесткой системы нравственных ценностей и без законопослушания. Но эти табу не созданы капитализмом, а унаследованы им от традиционного общества, от господствовавшей в нем идеологии христианской религии.

В своем развитии рыночная цивилизация и ее идеология – либерализм медленно, но верно разрушают эти табу, как наша индустрия разрушает природу, на которой базируется.

Хотя каждый добропорядочный либеральный буржуа официально христианин, а значительная часть либеральных партий именует себя христианско-демократическими, на самом деле либерализм и христианство весьма различны.

Центральная категория либерализма – Свобода – занимает важное место и в христианстве. Но само понятие свободы здесь иное, более «узкое». Христианство выступает не за свободу вообще, а за свободу от принуждения ко злу. Ни один истинный христианин не признает свободы от необходимости творить добро, свободы от служения ближнему. Бунт Сатаны для него не свобода, а путь к гибели. Свобода для христианства – категория подчиненная, для либерализма – самоценная.

В социальном и экономическом поведении там, где либерализм призывает свободно следовать инстинкту стяжателя, христианство выставляет жесткое табу. «Не собирайте сокровищ на земле», «Нельзя одновременно служить Богу и мамоне», «Легче верблюду войти в игольное ушко, чем богатому в царствие небесное», «Горе вам богатые, горе вам пресыщенные ныне... ибо восплачете и возрыдаете». Вряд ли можно найти оценки более определенные.

Евангелия и учебники по маркетингу нацеливают людей на противоположные жизненные ориентиры.

В практике потребительского общества христианские маяки все больше заволакивает туман. Это неизбежно вынуждает государство усиливать фискальный аппарат, надстраивать все новые и новые проверочные службы, чтобы удерживать «гомо экономикус» в рамках дозволенного, но «ржа и тля» разъедают и этот аппарат. В соревновании между государством и мафией все отчетливее виден лидер. Он смело вербует себе на службу прокуроров и министров.

Но это там – на Западе, в нашей же ситуации нет даже этой, уходящей из-под ног почвы. Массовую культуру, основанную на православии, уничтожила большевистская революция. Затем «демократы» отменили квазирелигию коммунизма, а вместе с ней необходимость следования хоть каким-то моральным ограничителям. И победитель остался голым.

КОНЕЦ ИСТОРИИ?

Каждая из утопических моделей, отвергнутых Россией, была несостоятельна. Но имела свои положительные черты. Царизм стремился к духовно-культурной надклассовой общности народа; «коммунизм» дал минимальные социальные гарантии; либерализм обещал индивидуальную свободу творчества.

Та беспросветная яма, в которую мы падаем сейчас, уготовила нам только отрицательные черты всех трех утопий.

Мы стремительно движемся к обществу, где нет ни свободы, ни минимальной защищенности человека, ни правил игры, соблюдая которые обыватель может чувствовать себя в безопасности, ни смысла жизни – света в конце туннеля, понимания ради чего приходится все это терпеть. Наступление Чумы сопровождается грандиозным пиром – праздником реклам, одним сплошным теле-шоу, где каждый может выиграть себе электромясорубку, угадав, что конец света называется Апокалипсис.

Та часть публики, которая еще не утратила надежду, в преддверии выборов рассматривает политический товар. Либералы валят трудности на сопротивление коммунистов и предлагают углубить реформы, коммунисты тянут назад, державники – так далёко в исторические дебри, что аж дух захватывает.

Эпигоны былых великих утопий торгуют их останками. «Мертвые хватают живых».

Нынешний тупик общественного развития России это тупик эпигонства. Уж если конструкция Ленина рухнула, что ждать от строительных планов Анпилова? Уж если Столыпин не сумел без потрясений совместить прогресс с «державностью», то только очень наивный человек может поверить, что это способен сделать Руцкой.

Сегодняшняя власть слаба до безобразия. Ее моральный авторитет стремительно приближается к нулю. Она не способна выполнить ни одного своего обещания, покарать до конца ни одного своего врага, раскрыть ни одного преступления (даже когда это политически очень нужно). Оппозиция открыто издевается над ее глупостью и ... ничего с этой властью поделаться не может!

На апрельском референдуме 1993 года ей мешала «полторанинская пропаганда». Хотя в 1989 г. враждебность всех СМИ не смогла помешать Б. Ельцину набрать 80 процентов голосов при избрании депутатом.

В августе 91-го г. «патриоты» не могли применить силу. В октябре 93-го г. не смогли ее не применять. Вам помешала провокация? Но кто ж заставлял вас ей поддаваться? Что еще вам мешает, господа танцоры?!

А мешает вам глубокая убежденность равнодушного и к власти, и к оппозиции большинства людей, что вы такие же шулеры, как и наш уважаемый президент.

Коммунизм, либерализм, державность – старые кропленные карты. Сколько можно играть ими? Мы будем вращаться по кругу, проваливаясь в ямы до тех пор, пока не победит партия здравого смысла и нормальной жизни.

В ЧЕМ МОЯ НАДЕЖДА?

Под «партией здравого смысла» я не имею в виду наши жалкие «центристские силы». Употребляю слово «жалкие» в буквальном смысле. Мне очень жаль, что неглупые и не тяготеющие к людоедским крайностям люди неспособны выдавить из себя ничего, кроме «золотой середины» между тремя провалившимися утопиями, политического винегрета, привлекающего к себе сегодня гораздо меньше сочувствующих, чем каждая из утопий в отдельности.

На мой взгляд, здравый смысл и нормальная жизнь в России смогут восторжествовать, только если победит принцип общественной солидарности. Этот принцип должен стать важнее свободы и выше справедливости. Во имя солидарности отдельные люди и целые общественные слои должны уметь поступиться и тем и другим.

Если попытаться описать подобную общественную систему в нынешних девальвированных идеологических терминах, то ее можно было бы определить как *ХРИСТИАНСКИЙ НАРОДНЫЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ*.

ХРИСТИАНСКИЙ, то есть основанный на христианских нравственных ценностях, на морали, на восприятии добра и зла, наиболее понятным нашему народу, вошедших в его

плоть и кровь через культуру православия. Речь не идет о теократии, о подчинении общественных и государственных институтов церкви. Речь только о признании нравственных ценностей. Христианская мораль воспринимается и многими атеистами или агностиками как бесспорное достижение этической мысли человечества.

НАРОДНЫЙ, то есть основанный на исторических традициях народа, привычных ему формах самоорганизации. Эти формы не должны становиться препятствием на пути развития общества, а их сохранение самоцелью. Но модернизация должна осуществляться не за счет их разрушения и искусственного внедрения чужих моделей, а за счет эволюции традиционных институтов, наполнения их новым содержанием.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ, то есть обеспечивающий эффективный контроль народа за властными органами всех ступеней, возможность избирателей сменить не устраивающих их правителей, сочетание законодательной власти большинства с гарантией нрав личности. Я не верю в демагогический лозунг, что власть-де непосредственно должны осуществлять сами трудящиеся. Власть – есть функция в общественном разделении труда, и качественно выполнять эту функцию могут только специалисты. Поэтому демократия – в первую очередь возможность народа эффективно контролировать этих специалистов и менять их в случае негодности. С развитием общества роль «особой функции» будет становиться все менее значительной, все большее значение будет приобретать самоуправление. Когда-нибудь бюрократическое государство отомрет, как это предсказывали социалисты XIX в., но неразумно было бы форсировать этот процесс, иначе место государства займет мафия.

СОЦИАЛИЗМ, понимаемый скорее как путь, чем как стадия развития. Это сознательное программирование экономики и социальной сферы жизни в интересах большинства, это экономическая демократия – неуклонное расширение роли трудящихся в принятии решений на своем предприятии, в отрасли, в стране в целом. Государство и общество при этом должны контролировать условия труда и его оплаты, качество продукции, экологические и социальные стандарты на предприятиях всех форм собственности, экспорт и импорт, поддерживать разумные и одобренные большинством пропорции между прибылью, зарплатами и уровнем цен, между различными отраслями экономики, поощрять создание производств, где работник и собственник соединены в одном лице. В центре внимания общества будут находиться стимулирование труда и социальная защита нуждающихся.

На протяжении двух последних столетий Россию мучило противоречие между необходимостью форсированной модернизации с сохранением культурно-национальной самобытности. Это противоречие губит нас и сейчас. Без модернизации, овладения передовыми технологиями, интеграции в мировое информационное пространство нам грозит экологическая катастрофа, нищета и отсталость. Утрата при этом самобытности, духовного единства народа делает нас атомизированным сообществом, пролетариями без культуры и отечества.

Перед нами развилка – или шаг в пропасть, или идейное единство во имя прогресса, победа принципа солидарности.

Эту победу я не склонен связывать с победой какой-то политической партии. Если она состоится, то как политический успех тех организаций и сил, которые в наших условиях цепной реакции экономического эгоизма и духовного распада действуют на основе практической солидарности. Это силы гражданского общества – профсоюзы, экологические и правозащитные объединения, иные сообщества взаимопомощи людей. Честные политики должны стремиться не «оседлать» эти движения, а служить делу их объединения.

У нас осталось мало надежды. Но вся она здесь.

Андрей ИСАЕВ
1995 г.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

Россия в беде. Это – повод бить в набат, созывать народ, что-то делать, как во времена Минина и Пожарского. Но набегались на митинги, наслушались революционных героев, мечущих рубленые фразы с борта бронетранспортера. Революция кончилась, и даже революционер в третьем поколении Егор Гайдар заговорил об эволюции. Героических сцен не предвидится. Но не в этом беда. В стране образовался губительный идейный вакуум, дезориентация, при которой большинству населения не ясно, куда двигаться – бегом ли, шагом ли. Высокие идеи, еще недавно увлекавшие за собой тысячи людей, опоганены подменами. Куда идти? «Брось, старик, сиди – делай бабки». Большинство населения еще инстинктивно противостоит этому лозунгу, но новое поколение под давлением СМИ все чаще выбирает пепси, и может настать час, когда отсутствие альтернативы и давление обстоятельств заставит среднего россиянина согласиться, что за доллар можно продать все. И тогда можно будет констатировать моральную смерть народа. Выход один – искать идеалы. В истории России и трудах философов, в божественном откровении и здравом смысле людей. Общество без идеалов смертельно больно, общество с идеалами преодолеет любую напасть.

СВОБОДА И СОЛИДАРНОСТЬ

Еще недавно не было слова краше, чем «свобода». Словно вдох чистого воздуха. Для тех, кто еще не забыл, что такое – чистый воздух. Во имя свободы потоки людей шли под дубинки ОМОНа. Позднее во имя свободы хватались за автомат. Что-то было жуткое в этом браке нежной свободы и мужественного автомата, родного брата власти и деспотизма. И дети пошли все больше в отца. Что в Грузии, что в Таджикистане, что в России. И все чаще возникал вопрос: ради чего – свобода?

Несмотря на все происшедшее, я продолжаю видеть в свободе величайшую ценность. Без пространства свободы человек не может тянуться вверх, разворачиваться из существа, предельно близкого к животному, в творение, подобное Богу. Но свобода – вечная возможность выбора. Между благородством и подлостью. Между подвигом и трусостью. Между жизнью и смертью. Между адом и раем.

Человек, насаждающий свободу с помощью автомата или танков, насаждает рабство. Свобода «сильным», творящим произвол и насилие, – тирания для остальных. Свобода – это пространство, и чем его заполнить, зависит от каждого из нас. Свобода ценна постольку, поскольку помогает человеку отойти от животного состояния. Иначе она вырождается в деспотизм.

Так ради чего – свобода? Россия в массе своей страна христианско-исламская. Обе эти религии при всех своих различиях полностью признают авторитет слова Иисуса Христа. Две тысячи лет назад он сформулировал простую истину: «Возлюби ближнего своего как самого себя». Мы люди друг другу, и только альтруизм, добровольную взаимопомощь можно противопоставить эгоизму и насилию, порождающим страдания. В этом – путь подлинной свободы. Не свободы от окружающих, а освобождения вместе с ними. В этом состоит принцип солидарности – оборотной стороны подлинной свободы.

За последние годы либеральная агитационная машина сделала немало, чтобы скомпрометировать принцип солидарности. «Бросьте бедных – они достойны своей судьбы!», «Хватит сковывать талантливых!» Сегодня мы можем взглянуть в лица «танантов», поразительно напоминающих «трех толстяков». Это они должны были помочь оживить Россию-матушку. Да только матушка все хиреет. Слишком значительную роль в ее культуре играло и продолжает играть начало солидарности, взаимного вспомоществования, сопереживания, готовности помочь ближнему. «Лечение» российского общества путем «ампутации» солидарности может вести только к летальному исходу.

Вопреки логике индивидуализма, солидарность просто выгодна. Этот странный парадокс, который Чернышевский назвал «разумным эгоизмом», был сформулирован еще Шота Руставелли: «Что отдал, с тобой пребудет, что не отдал – потерял». Человек, готовый дарить, становится не рабом, а властелином вещей. Он меняет мир вокруг себя – и люди возвращают ему не только вещи, но и частицу души.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, СОЦИАЛИЗАЦИЯ И СИНДИКАЛИЗМ

А как же быть с лентяями, жуликами, для которых альтуризм – возможность нажиться на глупости соседа? Но вот странная вещь. В некоторых традиционных обществах не закрывают дверей, а в Нью-Йорке и Москве от воров не спасают и решетки на окнах. Значит, что-то зависит от структуры общества, от тех ценностей, которые в нем преобладают.

Увы, наш мир устроен так, что альтуристом здесь быть трудно – разденут. Конечно, можно приговорить себя к аскетической жизни, но немногие согласятся жить гораздо хуже окружающих. Тысячелетние эксперименты с аскетизмом показали, что это – путь явного меньшинства.

Там, где умение нажиться за счет другого почитается добродетелью, альтуристы выглядят беспочвенными идеалистами. Однако это не смущает их. Джон Леннон, ставший кумиром целых поколений, пел: «Ты можешь сказать, что я мечтатель. Но я не одинок. Я верю, что однажды ты присоединишься к нам...» Ждать пришлось долго. Леннон пополнил мартиролог мучеников высоких идей. Мир насилия, эгоизма – авторитарный мир – очень хорошо вооружен и организован. Можем ли мы противопоставить ему свою организацию, и не превратится ли она в «дракона», который, ниспровергнув «старый мир», создаст на его месте такой же?

Собственно, эта проблема оказалась камнем преткновения для великих «утопических» мыслителей от Уинстенли до Маркса. Если не спеша внедрять новые, человеческие отношения в бесчеловечном мире – он поглотит начинания альтуристов. Возникает соблазн решить все проблемы одним ударом, радикально. На волне массового недовольства радикалы приходят к власти и начинают смело перекраивать общество в соответствии со своими схемами. Итог известен – и в самих схемах обычно что-то не додумано, и народ в «светлом царстве» жить «не готов». К тому же «большие скачки» в царство справедливости невозможны без насилия («среда» сопротивляется радикальным нововведениям), а оно, как мы уже видели, несовместимо со свободой и солидарностью. Для того, чтобы «внедрить» «правильную идею», создается диктатура, огромный чиновничий аппарат. Через некоторое время чиновники избавляются от идеологов – они тоже не очень любят радикализм. Этот круг проходили и якобинцы, и большевики, и либералы-гайдаристы. Конечно, личико Гайдара не похоже на осунувшееся лицо Робеспьера, но политическая практика обоих подтверждает – как правило, радикализм несовместим с демократией. Постепенность, реформизм – самый надежный путь к тому, чтобы сделать мир более свободным и солидарным. Общество нельзя тянуть вверх «за волосы». Каждое изменение должно согласовываться с достигнутым уровнем культуры, лишь немного подталкивая общество вперед. Если результат будет неудачным – всегда можно безболезненно отойти на исходную позицию и попробовать еще раз, скорректировав преобразование.

Но постепенное движение к высоким идеалам лишь тогда имеет шанс преодолеть силы сопротивления нынешнего авторитарного общества, если будет опираться на собственную силу, на собственное организованное начало. Им не может быть государство, партия или финансовая группировка. Почему? Да потому что предоставленные сами себе эти организации быстро забывают о провозглашенных ими целях и начинают «работать на себя».

Конечно, влияние на партийно-государственную жизнь необходимо (таковы правила игры), но оно не должно превращаться в самоцель. Спрашиваешь политика – ради чего вы

боретесь с нынешним президентом? «Чтобы сменить антинародный режим». «Чтобы добиться стабилизации рубля». «Чтобы достичь равновесия властей». А это-то все ради чего? Если забыть об этом, основном вопросе, то ценой отстранения антинародного режима станет гражданская война, ценой стабилизации рубля – голод, а ценой «равновесия властей» – бесправие народа.

Основной опорой тех, кто работает во имя свободы и солидарности, может стать гражданское общество, построенное не на принуждении, а на началах добровольной взаимопомощи, организованное снизу вверх и прежде всего – на основе горизонтальных связей, независимых в основе своей от государства и бизнеса. Гражданское общество складывается из множества социальных движений. Конечно, они заражены многими болезнями сегодняшнего дня – от авторитарных тенденций до необходимости погружаться в пучину нынешнего криминального бизнеса. Они вынуждены пожимать не вполне чистые руки, они состоят из обычных людей со всеми их слабостями, но при одном исключении – эти люди работают не во имя золотого тельца (иначе ушли бы в бизнес) и не ради власти (иначе подались бы на государственную службу или в какую-нибудь партию с хорошими шансами на успех). Они тянут воз конкретных людских проблем. Они опираются не на насилие, а на способность людей помогать ближнему своему – на силу солидарности.

В нашей стране сегодня действуют сотни общественных организаций (я не говорю о псевдообщественных фирмах, собирающих деньги и исчезающих за углом). Реальную работу ведут многотысячные организации защитников природы – «Гринпис», Всероссийское общество охраны природы, Социально-экологический союз, защитники памятников культуры, участники движения самоуправления и педагогических инициатив (уникальным синтезом двух последних стала община «Китеж» для детей-сирот в Калужской области). Важную роль в становлении гражданского общества играют исконно российские конфессии, которые сочетают традиции духовного поиска с признанием реальностей нынешнего дня.

На сегодняшний день крупнейшей общественной организацией России являются профсоюзы – объединения, работающие для поддержания и подъема жизненного уровня работников, сохранения занятости. Бюджет профсоюзов зависит от уровня зарплаты их членов, так что они кровно заинтересованы в том, чтобы трудящиеся получали как можно большую зарплату. Если профсоюзы не будут выполнять эту свою функцию, они просто развалятся. Судя по тому, что этого не произошло, профсоюзы, несмотря на все свои недостатки, все же выполняют основную задачу, ради которой создавались в России 90 лет назад, – защищать людей труда.

За это время профсоюзы сильно изменились. Сегодня это самая демократическая из крупных организаций страны. Но этот демократизм иногда лишает профсоюзы мобильности и ударной силы. Снова возникает вопрос о том, что важнее в данный момент – способность пробиваться через джунгли современного общества или поддержание внутренней свободы участников организации. Каждое движение решает этот вопрос самостоятельно, и если не уклоняется с пути свободы и солидарности, то постепенно превращается в «общество в обществе», живущее по своим законам, противостоящим закону джунглей, царящему вокруг.

Но мы помним, что если просто «мирно сосуществовать» с современным авторитарным обществом, оно рано или поздно поглотит островки свободы и солидарности, где с помощью грубой силы, а где-то изнутри заражая их духом насилия и индивидуализма. Гражданские движения могут сохраниться как самостоятельный фактор только наступая, только постепенно вытесняя авторитарную государственную власть и влияние капитала из тех сфер жизни, регулирование которых общество может взять на себя. В этом состоит «обобществление» или социализация, составляющая ядро социалистической идеи (в отличие от национализации, милой сердцу коммунистов). Социализация тесно связана с самоуправлением – со способностью людей труда самим решать, как им лучше вести дела, не передоверяя право на последнее слово в этом вопросе работодателю.

С прошлого века идея социализации тесно связана с синдикализмом, который предполагает рост влияния профсоюзов на регулирование общественных процессов.

Профсоюзы – наиболее крупная общественная организация, которая со временем может взять на себя общественное регулирование производства. Эта идея, чрезвычайно популярная в конце XIX – начале XX века, в том числе и в России, потом несколько побледнела, так как рабочие пытались брать производство в свои руки сразу, не имея для этого должной подготовки. Так, например, во время гражданской войны в Испании (той самой, в которой родилось знаменитое «Но пасаран») синдикалистский профсоюз Национальная Конфедерация Труда передал производство в руки рабочих и служащих предприятий. И что интересно, даже в условиях войны они поддерживали необходимый уровень производства, пока коммунисты не добились перехода к национализации. Испанский эксперимент был подавлен коммунистами и фашистами. Силой были прекращены попытки наладить производственное самоуправление в России в 1917–1918 гг., в Венгрии – в 1956–1957 гг., в Польше – в 1980-81 гг. В 1968-69 гг. движение профсоюзов и рабочих Советов за самоуправление развернулось в Италии и Германии. Эти попытки не прошли бесследно – сегодня почти во всех странах Западной Европы существует система «участия» – влияния организованных в профсоюзы трудящихся (в том числе и инженеров) на принятие управленческих решений. Так синдикализм постепенно пробивает себе дорогу в странах, несколько обогнавших нас в развитии. Не стоит игнорировать чужой опыт, тем более, что он соответствует и отечественным традициям – движение советов начиналось как борьба за самоуправление на производстве. Поскольку профсоюзы сами по себе являются самоуправляемой организацией – им и карты в руки. Поэтому идеология социализма неотделима от синдикализма, как цель от пути к ней.

ОБЩИННОСТЬ, ДЕМОКРАТИЯ И СОБОРНОСТЬ

Борис Немцов недавно сказал: «У нас общество не гражданское, а корпоративное». В этих словах кроется очень важное недоразумение, которое лежит в глубине либеральной идеологии. Противопоставление гражданского общества и корпоративности надуманно. Когда люди объединяются для защиты своих интересов в корпорацию, они становятся сильнее, чем человек, превращенный либеральными реформами в оторванный от общества «самодостаточный» атом. Корпорации, «общины» – основа прочного гражданского общества, в котором развито начало самоуправления.

Тесная связь общины и начал гражданственности было обнаружено еще русскими социалистами XIX века – народниками. Первым об этом заговорил Александр Герцен, который увидел в общине черты будущего социального устройства. В 70-е гг. прошлого века народники «пошли в народ», дабы просветить его. К удивлению своему, они обнаружили, что им самим есть чему поучиться у народа. Сторонники демократического и социалистического преобразования самодержавной России, народники неожиданно обнаружили «республику» в русских деревнях. Крестьяне не только обсуждали все важнейшие вопросы, отнесенные к их «сфере компетенции», но и решали их не голосованием, а консенсусом, согласием. Большинство предпочитало убедить меньшинство, а не подавить его. Это и была российская демократия, которая прорастала снизу, а не насаждалась сверху. Община помогала слабым членам общества и, вопреки более поздним либеральным легендам, не подавляла предпринимательскую жилку крестьян – после освобождения от крепостного права общинное крестьянство постепенно выкупало у частных собственников – помещиков землю, подтверждая эффективность своего хозяйства.

Если крестьянин XIX века еще не был гражданином, так как «республика» ограничивалась для него деревенским «миром», то краткий миг свободы с февраля по октябрь 1917 г. показал, что крестьяне, привыкшие жить своим умом, готовы активно участвовать в переустройстве страны на началах демократии и социализма. Крестьянская Россия проголосовала не за большевиков, обещавших золотые горы, а за социалистов-революционеров – народническую партию, отказавшуюся от бывшего

радикализма народников и предлагавших постепенное переустройство российского общества на основе синтеза традиций солидарности и «новомодных» идей свободы.

Между коммунистами и многими либералами существует трогательное единодушие в одном важном вопросе. И те, и другие утверждают, что большевики победили потому, что за ними пошел народ России. Эта смелая гипотеза пока не нашла подтверждения. Большевикам удалось сплотить вокруг себя относительно небольшую часть маргинальных (деклассирующихся) слоев и с их помощью нанести военное поражение своим врагам. В гражданских войнах успех зависит не от воли большинства, а от организованности войск, быстроты и натиска, таланта полководцев. Это – не голосование. Это – насилие.

Община с ее самоуправлением была несовместима с тоталитаризмом. Именно поэтому с ней так ожесточенно боролись коммунисты. В 1917–1921 гг. главные удары большевиков наносились по крестьянству (хотя и рабочим от «партии рабочего класса» доставалось немало). В 1929–1932 гг. кровавая коллективизация разрушила общину, но вытравить общинную (корпоративную) душу России не удалось. Общинные традиции продолжали сохраняться в коммуналках, в колхозах, превратившихся со временем в некое подобие общин, на предприятиях, которые в сознании значительной части рабочих были не «казенные», а «наши». До сих пор Россия – страна общинная. И потому народ наш умудряется тихо саботировать все те эксперименты, которые проделывают с ним коммунисты и либералы. Он живет своим умом, обсуждая житейские напасти в разнообразных «общинах» – будь то заводская курилка или традиционное российское застолье.

Увы, это лишь остатки былой мощи общинной самоорганизации. Сочетание коммунистического наследия с криминальным рынком, разрушение идеалов и насаждение «западных стандартов» – все это составляет крайне опасную смесь, которая разъедает общинный костяк народной культуры быстрее, чем это делалось прежде. Корпоративная структура российского общества нуждается в поддержке – иначе наш народ превратится в бесформенное месиво, состоящее из враждебных друг другу особей.

Конечно, общину не стоит «восстанавливать» в изначальном виде. Нельзя два раза войти в одну реку. Глупо и опасно возрождать круговую поруку или порки по приговору «мира». Напротив, социальная реформа должна быть основана на приоритете общепризнанных гражданских прав. Община сама была хранителем права, обычного права. Характерно, что в русском языке слова «справедливость», «правда» и «право» однокоренные. Право, законотворчество должно строиться на основе традиции, норм, которые воспринимаются как справедливые. В то же время справедливость должна сочетаться с общими для страны стандартами (гражданскими, социальными, экологическими), ниже которых не может опуститься ни один общинный мир.

Однако местное самоуправление, демократия, растущая снизу, еще не решает проблему извечного российского авторитаризма. Демократическая традиция Руси замкнулась на уровне общин, предоставив в условиях тяжелейших внешних напастей свободу рук самодержавному государству. Но уже в XVI веке государи стали созывать для решения важнейших вопросов Земские соборы – собрания представителей разных сословий и земель необъятной России.

Опыт Земских и Церковных православных Соборов, в которых принятию решения, как правило, предшествовало длительное обсуждение, согласование интересов элит, привел к формированию в общественной мысли идеала Соборности.

Между традициями соборности и общинности было много общего. Соборность (как идеальная модель) – объединение интересов на основе поиска согласия (а не механического голосования). Эту традицию не худо было бы развивать. И тогда строительство государства будет происходить снизу, на основе самоуправления, сильного гражданского общества и общепризнанного права, а не разгонов, расколов и всевластия временщиков.

Итак, в самом общем приближении мы можем сформулировать основные принципы реформ, основанных на идеалах демократического социализма и традициях России:

- сочетание солидарности и свободы как главные общественные ценности;
- постепенность, эволюционизм преобразований;
- общественный контроль за социально-экономическими процессами с помощью профсоюзных структур (синдикализм);
- участие трудящихся в принятии управленческих решений на производстве;
- общинность (корпоративность, самоуправление), доминирование гражданского общества над государством и бизнесом, право, основанное на понятии справедливости и общепризнанных гражданских, социальных и экологических стандартах;
- поиск согласия, компромисса; соборность как демократия консенсуса.

Александр ШУБИН
1994 г.

«КРАСНЫЕ» КАПИТАЛИСТЫ

Пасмурным осенним воскресеньем тысячи демонстрантов, не читавших программы «500 дней» вышли на улицы Москвы, чтобы во всеуслышанье заявить о своей поддержке намечающихся экономических реформ. Многие из них говорили в тот день, что приватизация экономики положит конец господству людей, которые привели страну на грань катастрофы, подорвет базисные основы власти номенклатуры.

Они несли самодельные плакаты «Даешь приватизацию!», «500 дней!», «Долой социализм!», не задумываясь над тем, что смысл акции не изменился бы, если б над их головами появились лозунги типа: «Поможем номенклатуре юридически закрепить свое господство в экономике!» или «Все средства производства в собственность партийно-хозяйственному аппарату!».

С редкостным упорством трудящиеся в этой стране таскают каштаны из огня для других. В данном случае для партийной номенклатуры КПСС. Ведь именно в ее интересах и будет проводиться предложенная в программе «500» приватизация экономики.

Сразу оговорюсь, что имею в виду не всякое разгосударствление, а только приватизацию – передачу производств в частные руки (праволиберальная пресса сейчас сознательно смешивает два эти понятия).

Так вот, как бы ни проходила приватизация: через распродажу предприятий или через бесплатную раздачу акций, – возьму на себя смелость утверждать, что она в первую очередь будет выгодна нынешним «хозяевам жизни». С продажей все предельно ясно – у трудящихся нет денег, чтобы выкупить свои средства производства, не залезая в бесконечные долги. Но возьмем самый чистый «дистиллированный» вариант приватизации – бесплатную раздачу акций всем гражданам. Гарантирует ли он «равенство в начале пути»? Нет. Почему? Да, потому что при переходе к «свободному рынку» любой номенклатурщик имеет перед любым средним гражданином СССР ряд неоспоримых преимуществ.

Во-первых, это – СВЯЗИ. Не считают же ненавистники номенклатуры, что «отцы демократии» намерены разогнать весь старый аппарат? То есть буквально весь. Вряд ли это возможно, да и как показал опыт председательствования Б. Н. Ельцина и Г. Х. Попова, они в принципе не собираются это делать. Следовательно непосредственным осуществлением реформ, в том числе и организацией перераспределения собственности, будет заниматься часть старой номенклатуры, которая не забудет ни себя, ни своих друзей из «бывших».

Во-вторых, ДЕНЬГИ. Все утверждения «экономистов» об излишках денег «у населения» – достаточно бесхитростная и вполне сознательная демагогия. Сколько я ни разговаривал с представителями «населения», ну, буквально, никто не жаловался на излишки денег. Вероятно потому, что эти «излишки» находятся не у населения, а лишь у его незначительной части, в которую входит и наша уважаемая номенклатура. В условиях

массовой приватизации и легализации теневой экономики «отмыть» эти деньги и превратить их в капитал, скупая, например, акции у других граждан, особого труда не составит.

В-третьих, ИНФОРМАЦИЯ. Меня, уважаемый читатель, занимает вопрос. Ну вот выдали Вам на руки безличные акции и сказали, что Вы можете их продать или превратить в акции конкретных предприятий. Что Вы будете делать? Займетесь биржевой игрой? А Вы, простите, знаете в чем разница между Промстройбанком и Жилсоцбанком? Нет, это совсем не в упрек. Это только к тому, что для того, чтобы не прогадать (а на карту поставлена судьба Ваша и Ваших детей), нужно обладать огромной специальной информацией, которой, увы, ни Вы, ни я не обладаем. Я например, не рискну на глазок определить, будет ли то или иное предприятие рентабельно лет эдак через пять. Слушать советы средств массовой информации? Не смешите меня! И остается одно: поскорее эти чертовы акции продать тем же бывшим номенклатурщикам и получить за них живую денюгу, а то ведь в этой лотерее вообще можно безо всего остаться. А вот у них (у номенклатурщиков) такая информация есть, они точно знают куда деньги вложить можно, а куда не следует, так что за них и их потомков можно быть спокойными.

Четвертое преимущество – ГИБКОСТЬ. У советских граждан сложился стереотип номенклатурного работника, как чего-то окостенелоконсервативного. Между тем, подобная оценка верна лишь в идеологической сфере, но не в социальной. Номенклатура – один из наиболее подвижных слоев населения. Средний советский человек редко меняет место работы, не говоря уж о специальности. Номенклатура же постоянно перебрасывается – сегодня здесь, а завтра – там. Сегодня – директор завода, завтра – секретарь райкома, послезавтра – председатель исполкома. Сегодня в одной географической области, завтра – в другой. И всюду их интересует не конкретное производство, а управленческий процесс. Худо или бедно, но они научились управлять вообще, управлять любым производством. Для них не существует принципа, прижившегося в массовом сознании: доводи всякое дело до конца. Они действуют по принципу: занимайся только тем, что выгодно сегодня, бросай любое дело, если есть возможность устроиться с большей пользой для себя. Ох, как пригодятся эти качества в условиях накопления и перехода к рынку.

Пятое – ЧУВСТВО КОНЬЮНКТУРЫ. За долгие годы внутривидовой борьбы в аппарате выживали те, кто хорошо развивал в себе доходящую до автоматизма способность чувствовать и поворачивать «куда ветер дует», безошибочно угадывать тенденции и подстраиваться под них. Тенденции эти создавались волей вполне конкретного начальства, но, многократно преломленные в бесконечных иерархических структурах, они приобретали характер именно тенденций, сравнимых со слепыми объективными законами рынка. Чувство конъюнктуры аппаратной в условиях реформ легко может быть трансформировано в чувство конъюнктуры рыночной.

Шестое – ОПЫТ РАБОТЫ В СЛОЖНЫХ ИЕРАРХИЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ. А зачем он нужен? – спросите Вы – ведь рынок, свобода-с! Но дело в том, что наш рынок будет не рынком множества мелких свободных предприятий, а рынком супермонопольных монстров. Это, с позволения сказать, наше наследие, плата за былую гигантоманию. Какие бы антимонопольные законы ни принимались, силы, стремящиеся к сохранению монополий будут мощнее парламентских деклараций и находящихся в процессе становления органов контроля. На службу в аппарат монополий пойдет тот, кто умеет работать в аппарате. Но в качестве платы, теперь, наученные опытом, они потребуют не высоких зарплат и привилегий, а доли в собственности.

Превращение вчерашних коммунистов в завтрашних капиталистов идеологически прикроют те, кто покинув ряды коммунистической партии возглавляет партии демократические. Все эти вчерашние кандидаты в члены Политбюро, Герои Соцтруда, инструкторы и консультанты ЦК и обкомов, работники прокуратур и генерал-лейтенанты, которые, ныне восседают в президиумах демократических форумов и движений.

Но, может, и Бог с ними. И пускай себе. Плюнем на чувство справедливости и разотрем. Пусть именно эти люди привали нас к пропасти, пусть все их преимущества

созданы за наш счет. Но ежели они теперь будут управлять по-новому, принуждать нас экономически, строить не сказочный развитой социализм, а реальный капитализм, так и ладно. И трехцветный флаг им в руки!

Нет, дорогие товарищи и уважаемые гости! Даже с чисто прагматической точки зрения, ничего хорошего от сохранения власти и собственности в руках этих людей ждать не приходится. Для выхода страны из кризиса нужна технологическая революция. Ни культурный уровень, ни психологические установки наших «старших товарищей» до лидеров такой революции не дотягивают. У них нет, и физиологически не может быть того, о чем они неустанно твердят – «нового мышления». Целевые установки, стиль отношений с людьми, не говоря уже об уровне образования у них старые, чиновничье-большевистские. Послушайте лучших из них, вещающих с трибун демократических собраний, и Вы поймете, что они как были комбайнерами, пересевшими в обкомовские кресла, так и останутся ими до конца своих дней. Они могут худо-бедно модернизировать нашу экономику в стиле капиталистических стран третьего мира, но никакого «русского чуда» от их усилий ждать не приходится. Они являются «паразитами» (не в смысле ругательства, а в смысле добычи пропитания), у них паразитарная психология.

Посмотрите, как развивается у нас кооперация: куча внедренческих, посреднических кооперативов, и почти ни одного производящего. Это следствие паразитарной психологии. Надстроиться над реальным производством и производить видимость деятельности – это их стиль жизни. Наводить мосты – это то, что они умеют делать лучше всего. Поэтому не ждите от таких предпринимателей усилий по развитию новых технологий. Наиболее ловкие из них с головой уйдут в перепродажу друг другу того, что по инерции будет производить наша издыхающая промышленность или «загонят» ресурсы и все, что плохо лежит западным фирмам. Собственно производством займутся те, кому при дележе репки достанутся вершки, а не корешки, то есть самые невладелые².

Номенклатурщики слишком циничны, они прошли через такую школу аппаратного разврата, что становится страшно при одной мысли о будущем страны, где бал будут править такие предприниматели.

И еще одно. Мы не обольщаемся в отношении сегодняшних рабочих. Они как и все достаточно консервативны, инертны, да и, наверное, сами виноваты в своем положении. Но без их доброй воли, без их желания работать в этой стране не будет ничего. Это не патетика, это серьезно. При всех своих недостатках наши рабочие обладают великолепным социальным чутьем. Они прекрасно чувствуют, кто сидит у них на шее. И, когда очень скоро они обнаружат там прежнюю, столь справедливо ненавидимую ими публику, рассчитывать на трудовой энтузиазм, да и просто на нормальную работу будет трудно. И тогда экономика пойдет в разнос. Как бы мы ни понимали объективный вред от забастовок в условиях нынешней скудости, неужели мы не встанем на сторону рабочих, бастующих против шкуродера-хозяина из бывших обкомовских?

Чтобы вырваться из затягивающей воронки кризиса, нужны новые люди, необходима смена социальных сил и поколений у руля страны. А этой смены старая номенклатура не допустит. Техническая интеллигенция, ее возможный конкурент в структурах управления будет оставлена в положении наемного слуги. «Они» не дадут интеллигенции стать со хозяином. Отгрызя лакомый кусочек себе, они оставят на оплату труда интеллигенции и квалифицированных рабочих такие крохи, что обесценят смысл их усилий. Открытые границы и смешанные предприятия подтолкнут лучших из них искать себе место там, где можно выгодно продать труд и чувствовать себя человеком. «Золотые руки» и мощные интеллекты покинут страну, и – крышка! Летальный исход. Всемирный полигон социальных экспериментов «Россия» будет прикрыт окончательно. Будущего не будет.

Не будет и потому, что красные капиталисты не пустят к рулю новое поколение. Они

² Неспособные, некомпететные, не умеющие делать то, чем занимаются.

уже сейчас оттесняют его в искусственно созданные лягушатники – «молодежная политика» и т. п. Вглядитесь в лица вождей и участников нашей перестройки. Эта самая старая революция в мире. Не вдаваясь в оценки якобинства, вспомним, что Конвент Французской Республики возглавляли тридцатилетний Робеспьер и двадцатичетырехлетний Сен-Жюст. Но наши сен-жюсты через второго имеют внуков и правнуков. Революция, которую не поддерживает (от которой отторгли!) молодежь – революция без перспектив.

Печально. А что делать?

Прямо противоположное тому, что делает сейчас правое крыло демократии. Не отнимать у органов производственного самоуправления тех куцых полуправ, которые они имеют, а сделать именно трудовые коллективы хозяевами (то есть собственниками) предприятий. Тогда они смогут на конкурсной основе привлечь в качестве менеджеров новых людей из технической интеллигенции. Не лишать местные органы прав во имя укрепления исполнительной власти, а наоборот сократить власть центральных органов, расширив полномочия местных советов, где в депутатском корпусе множество новых людей. Не менять формы собственности до изменения структур управления промышленностью, а демократизировать эти структуры и уже потом, по воле трудовых коллективов разгосударствлять производство. И главное – перестать врать будто бы борьба вокруг «500 дней» это борьба между номенклатурой и демократией. Нет, это спорят о том, как старое вино перелить в новые мехи. Это политическая трескотня, с которой коммунистическая бюрократия в очередной раз меняет форму, примеряя вместо сталинского френча предпринимательский фрак.

Если люди вовремя поймут это, может и Россия обустроится.

Андрей Исаев
1990 г.

ЕСТЬ ВЕЩИ ВАЖНЕЕ СВОБОДЫ

Написал этот заголовок и сам испугался... А все-таки действительно есть. Солидарность, например. Простая человеческая солидарность, которая заставляет поступаться своей свободой плевать на интересы других.

В самом деле, мы против свободы неограниченной частной собственности на землю, против СВОБОДНОЙ продажи оружия, против свободы родителей решать, платить за обучение, или оставить своих детей неграмотными.

К перечисленным деспотическим склонностям нашей редакции я бы еще отнес наше отрицательное отношение к свободной продаже ядов и наркотиков, праву детей на беспризорное бродяжничество, праву стариков на смерть от голода в результате неумения вписаться в свободную экономику.

Я против Свободы в ее либерально-буржуазном понимании и не люблю ее, потому, что эта свобода даже не животного, а кадавра – универсального потребителя.

В оставленном нам в наследство от просветителей XVIII в. триады Свобода – Равенство – Братство в первой оказалось меньше всего смысла. Смысл был, но он был ОТНОСИТЕЛЕН и количественно и качественно.

Относительность количественная выразилась в том, что Свобода сама по себе оказалась ценностью исключительно для несвободных людей как здоровье для больного. «В царство свободы дорогу грудью проложим себе» – могли петь только рабы. Но стоило цепям чуть ослабнуть, а царству свободы показаться вдали «краешком, тонкой линией», как тут же становилось ясно, что смыслом жизни свобода быть не может и что с ней нужно что-то делать, а вот что – совершенно непонятно.

Последствием этого понимания (непонимания) явилась такая психологическая реакция,

блестяще описанная Э. Фроммом в книге «Бегство от свободы», которая явилась не последней причиной разгула тоталитаризма в XX веке и чудовищного засилья бюрократии даже в самых цивилизованных демократических государствах. Свобода оказалась не более, чем отрицание Несвободы, как атеизм отрицанием религии. Но отрицание – враг Смысла. Всякого смысла. Оно разрушает старый Смысл, не создавая нового.

С качественной относительностью Свободы дело обстоит еще веселей. Дело в том, что всякая свобода и есть Несвобода. Пояснить? Что такое, например, неограниченная свобода частной собственности на землю? Это означает запрет для общества, государства и отдельных граждан использовать в своих интересах участок земли, который по воле рока оказался в собственности Ивана Ивановича Иванова.

Что такое свобода родителей решать, отдавать своих детей в школу или не отдавать? Отказ по крайней мере для части этих детей в свободе получить образование и вырасти умственно полноценными людьми.

Что такое свобода забастовок? Это ограничение свободы предпринимательской деятельности. А свобода локаутов? – Ограничение свободы забастовок.

Стоп! Мы уже достаточно запутались или разобрались. Нам по крайней мере стало ясно, что за формальной свободой скрывается какая-то другая ценность, то, что действительно может составлять смысл жизни «при свободе».

Для буржуазного либерала эта ценность Я. Мое право потребить как можно больше духовных и материальных благ. И всякие ограничения на этом пути Я называю тоталитаризмом и страшно на них гневаюсь.

В общем: «Ты, девка, огрубя прямо в обрат сыпь, сельвупле, значить», – как говаривал один из героев Стругацких.

Но смысл этот оказывается иллюзорным. Во-первых, все потребить невозможно, а во-вторых, все, кто мешает этому потреблению (весь мир) превращается во Врага. Нужно бороться с Природой, конкурентом, оппонентом, люмпеном и другими потребителями.

Жить от этого становится, конечно, веселей, но вряд ли лучше.

А величайшие умы западной психологии З. Фрейд, Э. Фромм, Л. Франк, используя разные аргументы достаточно дружно доказали, что подобная любовь «к свободе» не только разрушает личность, но и превращает человека в психопата, теряющего всякую свободу перед лицом «железных законов рыночной экономики» и собственной душевной болезни.

Но Свобода наполнится и иным смыслом, если не забыть стоящих за ней Равенства и Братства.

Правда, в отличие от пустозвучной Свободы Равенство и Братство, переосмыслив, все чаще заменяют синонимами: Справедливость и Солидарность.

Поправки глубокие. В самом деле, что значит равенство между здоровым человеком и калекой? А первоначальный религиозный смысл Братства в наш меркантильный век потребовал подкрепления тезисов о том, что людям даже материально выгодно помогать друг другу.

Самое емкое слово триады – Солидарность. Оно вмещает в себя и Свободу, и Справедливость, ибо Солидарность может быть только между внутренне свободными людьми, и не может проявлять иначе как в справедливых отношениях между ними.

Поэтому для нас благо все, что способствует установлению солидарных очеловеченных отношений между людьми, и нам враждебна «Свобода», сеющая отчуждение.

Мы никогда не поймем как кто-либо из смертных может взять на себя право абсолютно свободно распоряжаться не им созданной землей и судьбой других людей. Ибо такая свобода правит этим миром, и имя ей Произвол.

АНДРЕЙ ИСАЕВ
1993 г.

ЛЕВЫЙ «КОНСЕРВАТИЗМ»

ПАРАДОКСЫ СОВРЕМЕННОГО ЛЕВОГО ДВИЖЕНИЯ

Запутанный политический спектр современной России лишней раз доказывает: слова «правый» – «левый» с одной стороны и «прогрессивный» – «консервативный» с другой не являются синонимами.

Эта мысль, как кажется, помогает понять не только кризис терминологии, но и кризис традиционного левого движения в России и в мире.

Крушение системы «государственного коммунизма» и коммунистического движения с одной стороны, и победоносное шествие неоллиберализма, разрушающего социальные гарантии и принципы общественной солидарности во имя эффективности индустриального производства, – привели к тому, что «левые» во всем мире (а не только в России и Англии) оказались в роли консерваторов, защищающих островки социализма, давно уже ставшие частью мировой цивилизации.

Роль консерваторов для «левых» вынужденная. Она связана с оборонительной позицией, которую «левые» занимают. Наступать им некуда, ибо собственные общественные идеалы оказались дискредитированы: государство в роли регулятора всех процессов жизни общества оказалось не слишком эффективным; а проекты анархистов, «новых левых», зеленых так и остались пока экзотикой.

Но «левые» ценности – социальная защищенность людей, общественный сектор экономики, свободный труд – не только осуществились во множестве общественных институтов, но и стали частью мировой культуры. Как и подобает консерваторам, «левые» встали на защиту культурных ценностей от технократического подхода новых «прогрессистов».

Роль консерваторов для «левых» незнакома. От этого их тактические поражения. «Левые» привыкли, что их менталитет – бунтарство, слом старого, на их стороне молодежь. На практике им приходится вести изнурительную оборонительную войну с опорой на «скучные» профсоюзы, встречая сочувствие в основном у людей среднего и старшего поколения.

Роль консерваторов для «левых» неприятна. Хочется быть прогрессивными. Но паровоз прогресса тянет куда-то не туда, разрушая общинность в пользу всепобеждающего индивидуализма.

Танцующие поменялись местами. Мы были неплохими революционерами, Бог даст, окажемся не самыми худшими консерваторами и, не скатываясь к реакционности, поможем обществу сберечь лучшее, что дал миру социализм и в мечтах, и в их несовершенном исполнении, пока погода не переменится. А там, глядишь, танцующие снова поменяются местами.

Андрей Исаев
1993 г.

ОТ КАКОГО НАСЛЕДСТВА МЫ НЕ ОТКАЖЕМСЯ

В прошлом году наконец-то родилось определение для «старых» профсоюзов – традиционные. Действительно, назвать их государственными сегодня, когда они находятся в оппозиции правительственному курсу и в отличие от «альтернативных» не пользуются никакой государственной поддержкой, было бы более чем странно. «Коммунистические»?

Но их решения и действия далеки от ортодоксального коммунизма. «Номенклатурные»? Но процент бывших номенклатурных работников в руководстве массовых профсоюзов никак не выше, чем в аппарате «демократической» власти.

Нет, лучшего слова, чем «традиционные», подобрать, пожалуй, не удастся.

Но откуда идут традиции наших профсоюзов? Возникли они не в октябре 1917, а в начале XX в., и первое боевое крещение союзы получили во время революции 1905–1907 гг.

В октябре 1905 г. молодые российские профсоюзы организовали первую Всероссийскую политическую стачку, в ней приняло участие более 2 млн. чел. Бастовали булочники, железнодорожники, учителя и почтовые служащие. Результат – Манифест 17 октября. Царь сдался, объявив свободу слова, печати, собраний, союзов и выборы в Государственную Думу. Это была самая крупная победа революции.

Ни организованные позже левыми партиями вооруженные восстания в Москве и ряде других городов, ни парламентская деятельность либералов в Думе не смогли добавить ничего существенного к бескровной победе российских профсоюзов.

1917 г. Октябрьский переворот. Больше, чем наступление Краснова и восстание юнкеров, напугал большевиков ультиматум профсоюза железнодорожников ВИКЖЕЛЯ, потребовавшего отказа от однопартийного правления и создания коалиционного правительства с участием всех советских партий.

Большинство большевистского правительства, напутанное перспективой забастовок железнодорожников, склоняется к компромиссу. И только непреклонная позиция Ленина и Троцкого и, наоборот, непоследовательность левых эсеров, вступающих в сепаратную коалицию с большевиками, сорвали наметившийся уже было демократический выход из тупика диктатуры и гражданской войны.

Кстати, нынешней отраслевой профсоюз железнодорожников полностью сохранил структуру ВИКЖЕЛЯ.

Конечно же, окончательно установив однопартийную диктатуру, большевики взяли под свой контроль руководство не только ВИКЖЕДора (так был переименовал ВИКЖель), но и всех профсоюзов.

Однако, вплоть до тридцатых годов профсоюзы оставались эпицентром легальной оппозиции усиливающейся диктатуре партийного аппарата.

В 1921 г. выступала «рабочая оппозиция», возглавляемая лидером профсоюзов Александром Шляпниковым. Их требования – самоуправление на производстве, отказ от необоснованных привилегий партийного аппарата.

Тогда во время «профсоюзной дискуссии» ленинской «платформе десяти» оппонировало еще около двух десятков фракций. Но самый опасной Ильич назвал «анархо-синдикалистическую» оппозицию профсоюзных лидеров. Партаппарат провел вторую чистку профсоюзов, изгнав отсюда Шляпникова и его сторонников, еще недавно исполняющих роль комиссаров партии в профдвижении.

Но по иронии судьбы Михаил Томский и возглавляемый им ВЦСПС станут частью последней демократической оппозиции в партии, выступив вместе с Бухариным и Рыковым против коллективизации, культа Сталина и потогонных методов индустриализации.

Известный советолог Авторханов, учившийся тогда на привилегированных «Курсах красной профессуры», впоследствии вспоминал, что у Томского и его окружения было «странное» желание построить отношения с партийной верхушкой так, как будто они представляют профсоюзы в руководстве Лейбористской партии Великобритании, чуть ли не на равных. Сталин, конечно же, не мог этого терпеть. Томский был снят и в 1935 г., не дожидаясь ареста, застрелился. Была проведена новая чистка ВЦСПС. А спустя несколько лет еще одна.

Пятнадцать лет потребовалось большевикам, чтобы превратить традиционные профсоюзы в «школу коммунизма» и приводной ремень партии.

Гораздо раньше, чем профсоюзы, удалось, например, окончательно сломить православную церковь, школу, академическую науку. Все институты общества были

превращены в приводные ремни партии, и профсоюзы не составили исключения.

Поэтому сегодня, когда все мы вокруг оказались смелыми и свободными, и от некоторых ученых мужей вокруг слышатся предложения покончить с традиционными профсоюзами как с наследием прошлого, мне хочется сходить в библиотеку, взять авторефераты их диссертаций и посчитать количество ссылок в них на Маркса, Ленина и Материалы очередного съезда КПСС.

Как писал один мудрый баснописец: «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться».

АНДРЕЙ ИСАЕВ

1993 г.

СОЦИАЛ-РЕФОРМИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ ПРОФСОЮЗОВ

В октябре 1993 г. судьба общероссийского профцентра – ФНПР висела на волоске. Только что провалилась попытка организовать политическую стачку в поддержку руководства Верховного Совета. Ходили слухи о грозных анти-ФНПРовских указах Ельцина. Тогда вновь оживились разговоры о том, удастся ли сохранить традиционные профсоюзы, или они рухнут на очередном крутом вираже российской политики. Но доводы как скептиков, так и оптимистов в основном касались настроений, царящих в правящей верхушке. Одни утверждали, что вот настал «самый удобный момент», чтобы разгромить движение. Другие обнадеживали, что «ИМ» (властям) самим невыгодно ослаблять ФНПР (ее нишу могут занять гораздо более радикальные антиправительственные силы) или же уверяли: «ОНИ» не посмеют (испугаются международного резонанса).

ПРОФСОЮЗЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВА

А между тем ответ на вопрос следовало искать в самой ФНПР и в ее членских организациях – профсоюзах.

Есть в христианской догматике такое представление: как бы ни был силен дьявол, он не может подчинить человека своей власти, пока тот сам не встанет на путь греха и не откроет свою душу злым силам. Перефразируя этот догмат в отношении нашей темы, можно сказать, что какие бы планы ни вынашивали власти предрержащие, до тех пор, пока профсоюзы непоколебимы в отстаивании своего общественно-политического курса, разгромить их практически невозможно. И, наоборот, стоит сделать шаг чуть левее или правее, сыграть в чужую игру, как профсоюзы начинают подпадать под контроль чужеродных политических структур, становиться заложниками чужой политики и двигаться в сторону собственной гибели. Именно в таком положении и оказалась ФНПР в октябре 1993 г. когда, подталкиваемая определенными политическими структурами извне и некоторыми людьми изнутри, начала играть по чужим правилам и в результате чуть не распрощалась с жизнью. Но все по порядку...

Одно из наиболее существенных противоречий, присущих профсоюзному движению, состоит в том, что, будучи изначально, по цели социально-экономическими организациями, профсоюзы не могут быть вне политики.

Это противоречие в наибольшей степени относится и к профцентрам – объединениям отраслевых профсоюзов, как региональным, так и общероссийскому. Ведь там, где социально-экономические интересы отдельных групп и категорий трудящихся обобщаются до уровня интересов всего КЛАССА наемных работников – там неизбежно начинается большая политика.

Кстати, профсоюзы и предпринимательские объединения – единственные по-настоящему классовые организации в нашем обществе. Партии и движения много рассуждают о своей классовой природе, но на самом деле в их программах интересы классов, на которые они ориентируются, сильно подправлены идеологическими установками партийной интеллигенции.

Жесткая классовая привязанность профсоюзов с одной стороны делает их чрезвычайно устойчивыми, а с другой – диктует им гораздо более узкие, чем партиям, правила игры.

В чем же состоит специфика профсоюзной политики?

Прежде всего, еще в одном противоречии профсоюзного движения. Профсоюзы являются одновременно как бы и рыночной, и антирыночной силой. Они – корпорация наемных работников, которая борется за ограничение рыночной стихии в интересах своих членов. Но существовать, действовать и добиваться своих целей эта корпорация может только на свободном рынке. Вне рынка профсоюзов нет, их место занимает подчиненный государству «трудовой фронт».

Поэтому профсоюзы являются ПО ТАКТИКЕ как бы антирыночной силой, выступающей за ограничение стихии, подчинение ее законам и решениям, принятым в интересах трудящихся, а СТРАТЕГИЧЕСКИ – рыночной структурой, осознающей, что она может реализовать свой потенциал только в условиях рынка, когда есть что «ограничивать».

А значит, для профсоюзов в равной степени неприемлемы ни либеральная доктрина с ее апологетикой свободного рынка, ни различные вариации коммунистической идеологии, ставящие целью уничтожение рынка либо тотальное подчинение его государственным институтам. Конечно, и внутри системы традиционных профсоюзов, и вне ее, в так называемом альтернативном профсоюзном профдвижении, работает немало людей и с либеральными, и с коммунистическими взглядами, но принять их взгляды на вооружение в качестве доктрины было бы для профсоюзов губительно.

Ведь встать на позиции либеральной идеологии означало бы пойти по пути ликвидации профсоюзов как ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ. Действительно, если с точки зрения либерального тред-юнионизма, свободный рынок сам по себе создает все необходимые условия для развития экономики и самореализации наемных работников, а задача профсоюзов – только помочь последним выгодно «продать» себя, то в этом случае место профсоюзного движения как общественной организации должна занять сеть юридических консультаций по вопросам трудовых отношений и техническая инспекция труда. А место коллективного договора – заключенный с помощью таких консультаций индивидуальный контракт. По сути дела, либерализм (вольно или не вольно) толкает к разрушению структур рабочего движения, сужению функций профсоюзов, что может быть выгодно только нецивилизованным предпринимателям.

С другой стороны, принятие на вооружение идеологии борьбы за коммунизм либо иной модификации земного рая, превратит профсоюзы в приводные ремни других политических структур, заставит действовать в тех или иных ситуациях не в соответствии с интересами своих членов, а в соответствии с идеологическими установками. Но, может быть, тогда вообще не нужно никакой доктрины, никакой идеологии? Достаточно просто защищать интересы наемных работников в каждой конкретной ситуации. Но такая позиция ставит нас в положение вечной обороны от падающих «сверху» напастей, лишает возможности выстроить долгосрочную стратегию, наконец, понимания глобального смысла своей деятельности.

Поэтому представляется единственно отражающей интересы профсоюзного движения идеология СОЦИАЛ-РЕФОРМИЗМА. Суть его можно определить так. Мы не утописты и понимаем, что в индустриальном обществе никакими политическими переворотами и революциями нельзя преодолеть разделение труда, которое неизбежно порождает «рынок», систему наемного труда и эксплуатацию. Попытки искусственно уничтожить то, что предопределено современным уровнем развития производства, культуры и человеческого духа, будут неизбежно вести к тоталитаризму. Но признание неизбежности капитализма и

рынка не делает нас их апологетами. Мы видим историческую ограниченность и несправедливость этой системы и стремимся к ее постепенному, но последовательному изменению, окультуриванию и очеловечиванию. Мы выступаем за социальную и экономическую демократию: расширение прав наемных работников, их участие в управлении производством и распределении национального дохода; за создание для трудящихся условий, обеспечивающих достойный современный человек уровень жизни и культурный рост, за развитие системы социальных гарантий.

Мы сознательно противостоям либерально-консервативным тенденциям в рыночном обществе. Тенденции к автоматизации, замыканию в своих проблемах мы противопоставляем идею солидарности. Эгоизму и стяжательству – социальность, нацеленность на решение общих для всех людей проблем: экологического кризиса, преступности, разрушения культуры и т. п.

Социал-реформистская идеология отвечает и другой особенности профсоюзного движения, еще одному противоречию профсоюзной политики.

Профсоюзы вынуждены заниматься политикой, но не могут ставить своей целью приход к власти, потому что в принципе не может находиться у власти класс наемных работников. Оставим сказки эпигонам «марксизма-ленинизма». Власть есть функция в общественном разделении труда и, пока существует это разделение, непосредственно осуществлять власть могут только те социальные слои, которые выступают в роли организаторов общественной жизни и производства – бюрократия, буржуазия, менеджеры и т. п., словом, руководители, а не исполнители. В строгом смысле слова демократия в современном обществе не власть народа, а контроль народа за властью, и речь должна идти лишь об эффективности этого контроля.

Для профсоюзов же, как для чисто классово-организации, путь к власти заказан. Их приход к власти означал бы, что они перестали защищать интересы наемных работников и стали защищать интересы власти, а, значит, перестали быть профсоюзами. В этом вся сложность нашего положения. Политика – это борьба за власть. Мы вынуждены участвовать в политике, не приходя к власти.

Воздействовать на власть профсоюзы могут путем давления (от забастовок до переговоров), либо через своих политических союзников.

СОЮЗНИКИ

В политике союзники делятся на тактических и стратегических. На тех, с кем временно для достижения весьма конкретных целей, и тех, с кем роднит общность взглядов, жизненных ценностей, с кем меньше расхождений, чем совпадений.

Из вышесказанного следует, что единственным стратегическим союзником профсоюзов может быть только движение социал-реформистской ориентации – социал-демократическая или лейбористская партия. Такая партия была бы, с одной стороны, идеологически близка к нам, а с другой – не ставила бы перед собой цель подчинить профсоюзное движение служению некоей сверхидеи – построению социализма, национализма, антисексизма и проч. Союз социал-демократов (лейбористов) с профсоюзами жизненно необходим и тем, и другим. Без поддержки массовой организации трудящихся социал-демократы – лишь кучка интеллигентов. Но и профсоюзы без постоянного партнера будут всегда оказываться в роли аутсайдеров, «бедных родственников» других партий.

Говоря о социал-демократах, я не имею в виду ни одну из конкретных групп в России так себя называющих. На сегодня серьезной социал-демократической организации в стране нет. Это, конечно, ослабляет профсоюзы. Но в то время создает для них возможность встать у истоков будущего движения и повлиять на его формирование. Действовать в этом направлении, несомненно, уже пора. Возможностей присмотреться к группам и политикам, стремящимся занять эту нишу, более чем достаточно.

Разумеется, какой бы хорошей ни стала будущая лейбористская партия, профсоюзам и в отношениях с ней нужно будет сохранять определенную дистанцию. Партия есть партия, у нее собственная цель – власть. Но стратегическое партнерство позволит эффективно добиваться общих целей, в том числе и на основе некоторого собственного «разделения труда», действуя как чисто политическими, так и чисто профсоюзными методами.

Все остальные политические движения могут быть только тактическими союзниками. Это значит, что поддерживать с ними контакты можно и нужно, но в блок следует вступать только под конкретные программы, ни на минуту не забывая о различии в главном – в целях.

Мы должны вежливо, но твердо освободиться от любых попыток подчинить нас своему влиянию. А такие попытки будут предприниматься как извне, так и изнутри, через действующих в нашей структуре людей, для которых приоритетными являются не цели профсоюзов, не идеология социал-реформизма, а политический заказ совсем других сил.

ЧТО ТАКОЕ «ЭКСПЕРТЫ» ВЛИЯНИЯ И КАК ОНИ ВОЮЮТ ПРОТИВ СОЦИАЛ-РЕФОРМИЗМА?

Меньше всего хотел бы, чтобы эту часть статьи расценили как призыв к шпионии и охоте на ведьм.

Но давайте смотреть на вещи трезво и спокойно, анализировать явления, а не поведение отдельных людей.

Мы живем в условиях жесткого конкурентного противоборства различных экономических и политических групп. Промышленный и политический шпионаж, внедрение «своих людей» и вербовка агентуры внутри чужих организаций – суровая реальность нашего времени. Не может быть обойден вниманием и такой субъект макрополитики, такой кит, как общероссийский профцентр. Речь не идет о «шпионах» – слава Богу, в нашем движении нет секретов. Даже активисты «Трудовой Москвы» узнали откуда-то о дате заседания Исполкома Генсовета ФНПР в апреле этого года и «подгадали» под него свой пикет перед штаб-квартирой Федерации. Открыты даже те вещи, которые засекречены в любом уважающем себя профсоюзе за рубежом (например, профбюджет, или где и в каком объеме размещены средства забастовочного фонда). Поэтому в нашем случае речь идет об агентах влияния, тех, кто взял на себя нелегкий труд побуждать профсоюзы таскать каштаны из огня для Чужого Дяди. Таких людей пока не очень много, не буду называть число: может один, а может, три. Трудно сказать, делают они это за деньги, по идеологическим соображениям или из любви к искусству. Это не профсоюзные лидеры, это – эксперты. Вообще об экспертах нашего времени следует сказать особо. Ни одна солидная организация, ни один уважающий себя политический вельможа не обходится без окружающей стаи экспертов и аналитиков. Девственное состояние отечественной политологии и, прямо скажем, «разное» образование подвизающихся на ниве «экспертирования» делает эту почтенную профессию ближайшей родственницей гадания на кофейной гуще. Пару лет назад эксперты всей страны осознали свой «классовый интерес» и создали собственную Ассоциацию экспертов, политологов и консультантов РАЗНЫХ политиков. Эдакий союз неформального общения прокуроров и адвокатов в свободное от клиентов время. «Хороший эксперт», как «хороший» разведчик, работает, сразу на несколько «спецслужб». На клиента, на тех, кто хочет влиять на клиента, и на потенциального клиента. Не забывает он и о своем интересе. Внутри упомянутой ассоциации было создано подобие масонской ложи, члены которой «гнули» своих клиентов к нужной цели, и проталкивали во все структуры своих людей. У истоков «ложи» стояли и некоторые постоянные советчики прежнего руководства ФНПР.

Усилиями этих людей Федерация и оказалась на пороге гибели в октябре 1993 г. Прошлые пару лет они потратили не напрасно: заседали в президиумах Всероссийских трудовых совещаний и на конгрессах демократических левых сил, отдаваясь душой непримиримой оппозиции и Гражданскому Союзу. И все свои шаги делали от имени ФНПР.

Так что скоро не то что рядовые члены профсоюзов, но и профессиональные профработники уже с трудом различали, «авангардом какого класса» ФНПР в данную минуту является. И в результате они втянули-таки профцентр в чужую игру. Дело кончилось призывами к стачке, на которое трудящиеся ответили ледяным равнодушием. Именно в этом, а не в правительственных угрозах, и таилась возможная гибель Федерации. Но удивительное дело – эксперты! Они не поспешили подать в отставку вслед за сбитым ими с толку И. Е. Клочковым. Они и сейчас с прежней самоуверенностью советуют и пишут докладные записки.

Впрочем, в первый ли раз? Разве не они же служили в экспертах КПСС? Разве не их коллеги из ассоциации (ложи) советовали Верховному Совету России? Где теперь Верховный Совет? Разве не эта же команда готовила блистательное избирательное выступление Гражданского Союза 12 декабря и предсказала ему аж 17 % голосов? Где теперь Гражданский Союз?

Я ни в коем случае не жажду крови. Пусть советуют. Если позволяет профбюджет, можно даже продолжать платить им за это зарплату, руководствуясь контрразведческой мудростью: береги раскрытых шпионов, чтобы на их место не прислали новых – нераскрытых. Но нужно научиться правильно пользоваться их советами и экспертными оценками, воспринимать их не как отражение действительности, а как то, ЧЕГО ОТ НАС ХОТЯТ.

Сейчас эти люди будут выступать против участия профсоюзов в попытках создания политического социал-реформистского движения, вообще против политического самоопределения ФНПР. Ведь такое самоопределение не позволит сделать из Федерации и отраслевых профсоюзов хороших кобыл для тележки Чужого Дяди.

ИТОГИ

Подведем итоги. Наступает период идеологического и политического самоопределения профсоюзного движения. Оставаться и дальше невинными недорослями не удастся. Если мы политически не самоопределимся, нам навяжут свою линию другие силы. Один раз, в октябре 1993 г., это уже поставило профцентр на грань гибели.

Определиться же профсоюзы могут, не изменяя своей природе, только как социал-реформистское движение. Об этом свидетельствует и международный опыт. На социал-реформистские ценности ориентируется большинство европейских профцентров. Есть, конечно, примеры и прокоммунистических, и пролиберальных профцентров, но они либо оказались приводными ремнями других политических сил, либо теряли свое влияние, либо в них пробуждалось, все усиливаясь, социал-реформистское течение, и именно благодаря ему профсоюзы остались профсоюзами.

Нашему самоопределению будут мешать и извне, и изнутри, но чем более решительно пойдем по этому пути, тем меньше будет шансов сбить нас с него. Тем прочнее будет наша структура.

На данном этапе развития общества социал-реформизм в наибольшей степени соответствует интересам трудящихся. Сказкой являются как уверения об автоматическом преодолении классовых противоречий, так и призывы бороться за «власть трудящихся». В отдаленном будущем наши потомки, возможно, будут жить в постиндустриальном обществе, где не будет ни государственной власти, ни наемных работников. Пока же разговоры о власти трудящихся – лишь попытка использовать рабочих для собственного прихода к власти. Для нас такой путь неприемлем.

Андрей Исаев
1994 г.

ДВЕ ЦЕЛИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Недавно была опубликована моя статья «Социал-реформизм как идеология профсоюзов», вызвавшая некоторую дискуссию. Среди положений, оказавшихся в центре обсуждения, была мысль о том, что класс наемных работников в индустриальном обществе не может непосредственно находиться у власти.

Как ни странно, наиболее кодовым аргументом против моих взглядов оказалось сомнение: а может ли вообще человек с такими идеями стоять во главе газеты профессиональных союзов? На этот довод в стиле «полиции мыслей» ответить довольно легко: профсоюзы созданы не с целью «борьбы за власть трудящихся», такой задачи вы не найдете ни в Уставе ФНПР, ни тем более отраслевых профобъединений. Как и во всем мире, российские профсоюзы существуют не как политическая, а как социально-экономическая организация, созданная с целью максимально выгодной продажи рабочей силы или труда наемных работников («продажа» труда и «продажа» рабочей силы не одно и то же, но разговор об этом особый).

Сама по себе необходимость такой продажи (а значит, и профсоюзов), может существовать только в обществе, где власть и собственность на средства производства не принадлежит трудящимся непосредственно.

Борьба за «власть трудящихся» – задача, которую ставят перед собой обычно определенные политические организации, и претензии по поводу верности этой идее, вероятно, целесообразно предъявлять только их кадрам.

С XIX в. и по сей день в рабочем движении борются две тенденции. Одна имеет целью улучшение материального положения наемных работников, повышение их культурного уровня, обеспечение их участия в решении всех непосредственно затрагивающих их вопросов, то есть расширение политической, экономической и социальной демократии. Вторая призывает к захвату власти «самими рабочими» и революционному преобразованию в их интересах всех основ жизни общества.

Первая в лице реформистских профсоюзов и социал-демократии добилась весьма ощутимых результатов в странах Западной Европы. Второй сегодня, после краха системы «государственного социализма», трудно предъявить что-либо реальное, кроме десятков миллионов жертв, принесенных на алтарь борьбы.

Такой результат неизбежен и закономерен. Дело в том, что государственная власть и хозяйственное управление в современном обществе – отдельные функции в существующем разделении труда. Требовать, чтобы все наемные работники осуществляли их НЕПОСРЕДСТВЕННО, так же разумно, как предлагать им лечить самим себе зубы и делать операции. Управление сегодня могут осуществлять только профессионалы, которые неизбежно будут образовывать особый социальный слой. Можно ли набрать этот слой целиком из бывших рабочих? Можно. Только, войдя в него, они перестанут быть рабочими, а сделаются государственными «бюрократами», менеджерами, предпринимателями (ассоциированными или частными).

Для того, чтобы устранить эти социалистические слои как «ненужные», а не заменить персонально входящих в них людей, необходим иной уровень развития технологии и культуры, который сделает разделение труда на «исполнительский» и «управленческий» излишним. Вооруженные люди могут захватить правительственные здания и объявить, что «социалистическая революция... свершилась»; партия, выступающая от имени рабочего класса может победить на выборах, но уровень технологического развития страны от этого не изменится ни на йоту. А значит, победителям придется или договариваться со старым классом управленцев, или создавать новый, который, во-первых, будет менее профессионален; во-вторых, потратит немало времени на чистки и утряски; в-третьих, впервые дорвавшись до привилегий не скоро пресытится.

Обычно под лозунгом «власти трудящихся» действуют те, кто сами собираются править от имени трудящихся как их «политический авангард». Победив, они первым делом уничтожают сложившиеся институты общественного контроля за властью под тем предлогом, что и так «правит сам народ». Поэтому целью борьбы за непосредственную власть является для рабочего движения иллюзорной, чуждой его реальным интересам.

Задача рабочего движения – борьба за демократию, понимаемую как контроль общества за государственной властью и хозяйственным управлением. На различных этапах борьбы возможен приход к власти партий, опирающихся на рабочее движение, но он не будет означать перехода всей полноты власти непосредственно в руки класса наемных работников. Поэтому профсоюзы, как чисто классовая организация наемных работников, созданная для оппонирования власти и работодателю, не может ставить своей целью собственный приход к власти и вынуждена будет сохранить определенную дистанцию даже в отношении самого близкого по духу социал-реформистского правительства.

Класс наемных работников не будет стоять у власти никогда. А когда общество подойдет к «социалистической» стадии своего развития, то есть уровень развития технологий позволит обходиться без специального класса управленцев – бюрократии и буржуазии, не будет ни государственной власти, ни класса наемных работников как такового.

*Андрей Исаев
1994 г.*

УБИТЬ ДРАКОНА?

«Мафия». Это итальянское слово прочно вошло в наш лексикон, а сама мафия превратилась в государство в государстве Россия. Что такое мафия? Приходится даже читать, что она представляет собой оазисы феодализма, ведущие смертельную войну с цивилизованным обществом, а на войне как на войне следует использовать самые жесткие (жестокие) методы, сокрушая противника. Этот взгляд представляется мне ошибочным. Начнем с того, что попробуем разобраться в том, насколько мафия является феодальным, а значит, инородным телом в лоне современной буржуазной цивилизации. Итак,

ФЕОДАЛИЗМ ЛИ?

В мафиозной иерархии, как и в любой иерархии, можно отыскать немало черт, сходных со структурой феодальной лестницы или конкретного рыцарского ордена. Но есть и существенные различия.

Первое из них: система ценностей. В основе системы ценностей феодала – стремление к власти, причем в ее наиболее ярких внешних проявлениях. Богатство, роскошь сами по себе значат не много, они выступают лишь как своеобразное доказательство внешней власти (могущества).

Мафиозные кланы, начиная с пиратских королевств, строились исключительно на принципе стяжательства. Основное стремление мафии – делать деньги любыми средствами – в феодальном обществе всерьез воспринималось, как моральное уродство. (Вспомните, например, запрет христианской церкви давать деньги «в рост»). Главари мафиозных кланов не нуждаются во внешних проявлениях своего могущества. Наиболее серьезные из них предпочтут всю жизнь оставаться в тени, быть абсолютно неизвестными рядовым подданным своих владений. Их устраивает мысль о накапливаемых богатствах.

Мысль не феодальная, а вполне буржуазная. Второе существенное отличие мафии от

феодалной дружины: отношение к земле, территории, на которой они функционируют. Феодализм территориален до мозга костей, он вцепляется в землю, отождествляя себя и свою власть с количеством подданных ему территорий. Мафия экстерриториальна. Она может распозлзтись по огромной стране, а может довольствоваться «пяточком» Гонконга. Ее манит не земля, а деньги.

Она дитя не феодализма, а эпохи первоначального накопления.

Переход к капитализму породил два типа будущих буржуа. Один милый сердцу либеральной пропаганды оборотистый ремесленник или купец, деньга к деньге сколачивающий себе состояние. Второй – пират и работорговец, рыцарь плаща и кинжала, конкистадор, зарабатывающий богатство без оглядки на закон и мораль.

Хотим мы или не хотим, но оба типа родились одновременно на заре капитализма, т. е. «современной цивилизации». Они – два проявления одного и того же психологического типа, составляющего фундаментальную основу этой цивилизации – «рыночного характера».

МАФИЯ КАК КРАЙНЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ «РЫНОЧНОГО ХАРАКТЕРА»

Выдающейся американский психолог Э. Фромм открыл в свое время такую категорию, как социальный характер – наиболее распространенный психологический тип, который формируется в определенных экономических отношениях, в определенном обществе и дальше сам начинает накладывать отпечаток на жизнь этого общества.

По Фромму, в основе современной цивилизации лежит «рыночный характер», определяемый хорошим русским словом «стяжатель».

В самом деле, основной ценностью для «цивилизованного» человека является потребление как можно большего количества материальных и духовных благ. Основной мотив любой деятельности – получение материальной выгоды для себя, независимо от того, чем является эта выгода: прибылью, служебным положением, славой, властью.

Но стяжательство изначально асоциально. Оно заставляет постоянно вставать во враждебную позицию к наемным работникам, покупателям, конкурентам, государству, пытающемуся взыскать налоги.

Оно сдерживается при помощи институтов государственной власти, культуры, религии. Но оно постоянно присутствует в рыночном обществе, провоцируя индивидуумов на антиобщественное поведение.

И поэтому в любом капиталистическом обществе всегда будут соседствовать «честный бизнесмен» и «король пиратов». Первый будет представлять собой тип стяжателя с ограничениями, второй – стяжателя без ограничений.

Отсюда грустный вывод – преступность органически присуща современному обществу как крайнее выражение господствующего социального характера.

И если Вас покорила эта мысль – взгляните, как обращаются «цивилизованные государства» с окружающей средой. Чем это обращение принципиально отличается от отношении мафии к своим «подданным»?

Итак, преступность – вполне органичная часть современного общества и вовсе не может рассматриваться как некий «пережиток» феодализма.

А там, где экономический и политический либерализм позволяет преступности в должной мере организоваться, она становится организованной преступностью – мафией.

Здесь мы вынуждены попросить у читателя прощения за пессимистический вывод: либерально-демократическое государство с рыночной экономикой в принципе не способно победить мафию, и рецепты расстрелов могут оказаться эффективными лишь в условиях тоталитарного общества.

КТО МОЖЕТ НАПУГАТЬ МАФИЮ?

Методы борьбы с мафией, которые сейчас предлагают, обычно сводятся к одному слову: запугивание. Предлагается «не стесняться» применить смертную казнь за все случаи умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах (ст. 102 УК РФ), а также принцип круговой поруки (заложенный в ст. 77 УК), когда за преступление отвечают все члены банды, а не только непосредственные исполнители.

Мафия, кстати, сама применяет именно эти методы – и смертную казнь, и круговую поруку, добиваясь повиновения от своих «подданных».

Вольно или невольно государству предлагают вступить в соревнование с мафией, кто лучше сумеет запугать.

Тоталитарное государству способно выдержать это соревнование, демократическое – нет.

Максимум, что может позволить себе демократическое государство это после необходимых формальностей «гуманно» казнить мафиози убийцу за нарушение закона. Оно не сможет, подобно мафии, угрожать отступнику не просто смертью, а мучительной смертью, расправой над родственниками и т. п.

Нужно быть Муссолини, чтобы выиграть соревнование с мафией на поле террора.

Возможности же демократии на данном поле, мягко говоря, ограничены, и их еще более сокращает неизбежная в демократическом рыночном обществе коррупция государственного аппарата.

В фашистском государстве только безумец, служа в карательном аппарате, может рискнуть предать его, перейдя на сторону мафии. В демократических странах изменники в полиции, прокуратуре, продажные судьи – явление заурядное.

Поэтому, когда рассуждают о «широких возможностях», которые дает суду 77 ст. УК, то удивляет его нежелание увидеть в этих «широких возможностях» широкое поле для злоупотреблений подкупленных или запуганных судей.

В этом смысле смертная казнь – оружие обоюдоострое.

СМЕТНАЯ КАЗНЬ

Эта проблема требует особого разговора. Начнем с прагматических соображений. Является ли смертная казнь эффективным средством борьбы с организованной преступностью? Полагаю, что нет. Во-первых, неубедительно выглядит мнение, что угроза казни способна, пробившись в самое неразвитое сознание преступника, пробудить в нем инстинкт самосохранения и этим сыграть роль тормоза в критической ситуации. С одной стороны, мы уже указали, что оказавшись перед дилеммой: совершить преступление, за которое угрожает расстрел или отказаться и быть зверски замученным своими «коллегами», – многие молодые солдаты «коза ностра» несомненно предпочтут первое. С другой стороны, недооценивают степень фатализма, с которым относятся к жизни и смерти люди, решившие стать мафиози. Ведь совершенно очевидно, что у среднего бандита больше шансов погибнуть, чем у среднего человека. Он может быть убит полицией во время «операции», стать жертвой внутренних разборок или столкновений кланов. Если к этим рискам добавится риск быть казненным, он мало что изменит.

Исследования специалистов показывают, что до 90 % преступников верят в свою счастливую звезду, которая поможет им избежать наказания, поэтому его возможная степень для них безразлична. Между тем существуют отрицательные последствия существования института казни для дел борьбы с мафией последствия.

Во-первых, в условиях, когда мафия может подкупать и контролировать суды, казнь остается для нее хорошим средством навсегда закрыть рот лишним свидетелям из «попавшихся». Во-вторых, мафия не может существовать вне определенной социальной среды, целых слоев общества, сочувственно относящихся к ее деятельности и принимающей

ее ценности и законы. Казнь подпитывает эту среду, убеждает ее в правильности негативного отношения к «легалым», делает ближайших родственников казненного кровными врагами государства.

Здесь уместно вспомнить и основные аргументы против казни как таковой. Первый и наиболее серьезный – возможность судебной ошибки. Вспомним, как по делу маньяка-убийцы в Минске в 1980 гг. было расстреляно трое ни в чем не повинных людей. Готовы ли мы, понимая, что полностью исключить риск ошибки невозможно, и дальше приносить на алтарь порядка трупы невинных людей, умерщвленных государством? Второй заключается в необходимости существования исполнителей, то есть людей, которым государство поручает совершение убийства человека, пусть даже виновного. Круг участников официального убийства достаточно широк – это и палач, и начальник администрации тюрьмы, и представитель прокуратуры, и самое ужасное, врач, приглашенный для предварительного медосмотра и последующей констатации смерти. Человек, приносивший клятву использовать свое знание для спасения людей, оказывается вынужденным участвовать в убийстве.

АДЕКВАТНАЯ ЗАМЕНА КАЗНИ

Казнь можно было бы как-то оправдать в условиях крайней необходимости, когда государство находится в состоянии войны или чрезвычайного положения. Но в мирное время казнь не вызывается необходимостью.

К моменту исполнения казни жертва полностью находится во власти государства, не способна более причинять вреда, и государство располагает возможностью защитить себя от данного человека и не прибегая к его убийству – например осудив его на пожизненное заключение со строгой изоляцией. Казнит оно, руководствуясь соображениями возмездия (мести) и профилактики (запугивания). Последнее соображение в принципе удивительно и абсолютно юридически неправомерно. Почему для того, чтобы напугать некоего гражданина А, должен быть лишен жизни гражданин В, как бы в расплату за еще не совершенные чужие преступления?

Я считаю, что смертная казнь в мирное время должна быть отменена, и что в качестве высшей меры социальной защиты должно использоваться пожизненное заключение со строгой изоляцией. Это крайне тяжелое наказание. Сама мысль, что всю оставшуюся жизнь придется провести в тюрьме в строгой изоляции, может воздействовать на преступника не хуже страха перед казнью. Общество при этом решает задачу, как навсегда избавиться от неисправимого субъекта, не осквернив себя кровью.

В случае судебной ошибки она оказывается не столь необратимой. И по всем религиозным и нравственным законам мы до последнего сохраняем для преступника возможность раскаяться в содеянном и духовно измениться.

ВЕЧНАЯ БОРЬБА

Подведем итог наших размышлений. В современном обществе, где страсть к наживе выступает в качестве важнейшего стимула человеческой деятельности, преступность и ее организованные формы (мафия) неизбежны. Побороть их методом физического уничтожения конкретных носителей этого социального явления не удастся. Оставаясь демократическим, государство не сможет выиграть с мафией соревнование в жестокости. Мафия исчезнет только в том случае, если на месте сегодняшних социально-экономических отношений вырастет новое общество, строящееся на иных ценностях.

Из этого не следует, что сейчас бороться с преступностью не нужно. Как, например, из христианского учения о том, что зло неистребимо до Страшного Суда, не следует, что не

нужно бороться со злом.

Нужно бороться, принимая социально-экономические меры. Например, отмена Рузвельтом «сухого закона» нанесла по мафии в Америке удар более ошутимый, чем непрерывная борьба при помощи электрического стула.

Нужны правовые меры, особенно преследующие цель отделить мафию от государственного аппарата. Например, строгое соблюдение запрета на совмещение коммерческой деятельности и государственной службы.

Нужна реформа исправительно-трудовых учреждений. Нужны, наконец, меры оперативного характера против сложившихся очагов коррупции и подпольного бизнеса.

Но становится супермафией, способной «эффективно карать», государству, пожалуй, не стоит. Это мы уже проходили, и нам это слишком дорого обошлось.

Андрей Исаев
1993 г.

РЕВОЛЮЦИЯ, КОТОРУЮ МЫ ПЕРЕЖИЛИ

(1988–1993 г.г.)

В 1984 г. друг прислал мне письмо. Он рассказал о своем увлечении фотографией. а напоследок добавил: «Хорошо бы оказаться с фотоаппаратом где-нибудь в Никарагуа или в Южной Африке. Впрочем, может быть и у нас вскоре будет что пофотографировать.» Тогда эти романтические строки казались наивными. Что такое может происходить в нашей застоявшейся стране? Но всего несколько лет спустя все мы стали свидетелями революции – может быть и не такой «крутой», как в 1917 г., но никак не менее мощной и значительной, чем в 1905–1907 гг. в России или в 1980–1981 гг. в Польше. И пока воспоминания о прошедших событиях еще не окончательно смыты потоком телевизионной лжи, попробуем разобраться в тех социально-политических сдвигах, которые определили сюжет исторической драмы 1988–1993 гг.

МЕНЬШЕЕ ИЗ ЗОЛ

Сейчас, когда время иллюзий прошло, нет-нет, да и всплывает вопрос: может быть, можно было избежать всей этой смуты? Проскочить безо всякого кризиса из времени Брежнева-Андропова в первые ряды индустриально развитых стран. Увы, чудес не бывает. В начале 80-х гг. друг на друга наложились несколько кризисов:

– кризис сверхдержавы (разочарование людей техническим и материальным отставанием от Запада, тупик внешней политики в Польше и Афганистане, поражение в гонке вооружений),

– кризис индустриального общества, который на 10–20 лет раньше прошел и на Западе (падение эффективности производства, необходимость преодоления научно-технического «барьера» компьютеризации, углубление экологических проблем и осознание их населением),

– кризис «социалистической» модели (окончательная гибель иллюзии скорого пришествия коммунизма, большее стремление к приобретению материальных благ возможности наконец появились; осознание людьми недемократичности общества и своего бесправия, бюрократический «склероз» управления, наглядно иллюстрировавшийся старческими фигурами на Мавзолее, обострение этнических противоречий в «дружной семье народов» и др.).

Система зашла в тупик. И выходы могли быть разные. Например, разрушительный бунт и затяжная гражданская война. Шансы такого варианта увеличились еще и из-за того, что мирная демократическая оппозиция режиму была невозможна. В 1982–1983 гг. первое поколение оппозиционеров – диссиденты – было окончательно разгромлено КГБ.

Сейчас иногда обвиняют движение за гражданские права 80-х гг. во взрыве этноконфликтов. Но вспомним, что первый мощный этнический конфликт времен Перестройки, повлекший большое количество жертв, произошел в Казахстане в декабре 1986 г., когда демократическая оппозиция не играла никакой роли в событиях. В России, где общественные движения исповедовали культуру ненасилия, количество жертв в межнациональных конфликтах было сведено к минимуму. А в Казахстане, Узбекистане и Азербайджане произошли кровавые бунты. Дело не в подстрекателях, не в чьей-то злой воле. Просто империя агонизировала, и механизм «национального возрождения» был запущен ее кризисом.

Так что разумная оппозиция была нужна даже режиму. Первым «наверху» это понял Горбачев. В 1986 г. были прекращены открытые преследования за высказывание «неправильных» мыслей. В результате возникло демократическое неформальное движение, которое стало одним из катализаторов социальных выступлений 1988–1990 гг. «Неформалы» значительно отличались от своих предшественников – «диссидентов». Новое поколение оппозиции сочетало радикализм конечных требований с умеренностью в тактике. Неформалы были в большинстве своем соглашателями и реформистами, они подавали руку партийным функционерам и методично разрушали однопартийную диктатуру.

ГРАЖДАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В 1988 г. значительные слои населения почувствовали, что слово и дело «верхов» расходятся. Особенно возмутили людей махинации во время выборов на XIX партконференцию (партия все еще воспринималась как лидирующая часть общества) и сообщения о «зажиме» расследований коррупции (ох уж это взяточничество 80-х – бледный прообраз воровства 90-х гг.) Была подорвана уверенность в то, что «прогрессивные силы» в КПСС смогут сами добиться перемен к лучшему. И тогда народ вышел на улицу. В мае-июле 1988 г. по России прокатилась волна массовых манифестаций с политическими требованиями. Это и было началом революции, то есть такого состояния общества, когда

широкие социальные слои по всей стране вступают в борьбу по поводу принципов общественного устройства.

Причем борьба эта начинает идти далеко не только по тем правилам, которые записаны в законе и одобрены элитой. В каждую историческую эпоху «принципиально важными» вопросами, из-за которых велась борьба во время революций, были свои – религия, собственность, «власть класса». На этот раз в центре внимания оказалась власть партии и бюрократии (номенклатуры), которые казались «сиамскими близнецами».

Характер революции принято определять по тому классу, который в ней лидирует, в интересах которого она совершается. В 1988–1990 гг. «гегемоном» нашей революции не была ни буржуазия (если о ней в это время вообще можно говорить), ни бюрократия, против которой движение было направлено, ни «пролетариат», который еще только кое-где пробуждался. В революции лидировали средние слои, формирующие на глазах гражданское общество. Эти слои называют кто «интеллигенцией», кто «мелкой буржуазией», кто «менеджерами». На Западе подобные социальные сдвиги называли даже «революцией менеджеров», так как собственность и там, как и у нас на грани 80-х-90-х, перешла от формальных собственников в руки производственной элиты. Но каждое из этих пониманий заужено. Речь идет не только о менеджерах, не только об интеллигентах, не только о людях, пытавшихся наладить свое дело, не только о квалифицированных рабочих. Речь идет о них всех вместе, о людях, главной собственностью которых является не столько денежный капитал или рабочие руки, сколько знания и умения. Именно этот слой владельцев знаний-капитала составляет основу современного гражданского общества, и поэтому его можно называть гражданским классом. Соответственно и революция наша в 1988-1990-х гг. носила характер гражданской.

В 1987–1988 гг. неформалы в союзе с либеральной частью «ученой» элиты (помните популярных тогда академиков и профессоров) выиграли схватку за общественное мнение у шовинистов, сумели перехватить инициативу у партийных идеологов, пытавшихся сочетать андроповский имперский пуританизм с размытыми идеями «нового мышления». Массовые движения 1988–1990 гг. восприняли лозунги революции граждан: политические свободы, ликвидация однопартийности, социальная справедливость, самоуправление, самостоятельность регионов и др. Кто помнит сегодня названия «Гражданское достоинство», «Община», «Клуб социальных инициатив», «Демократия и гуманизм», «Перестройка»? А во второй половине 80-х эти группы выдвигали идеи, которыми затем заражалось общество.

Успех антиавторитарных групп в 1988 г. имел еще одно важное последствие. Их принципиальный отказ от насилия, как средства борьбы за политические цели все шире внедрялось в общественное сознание. Именно неформалы научили будущих «демократов» от номенклатуры культуре ненасильственной массовой политической борьбы. С 1988 г. начинается распространение многотысячных тиражей самиздата, «внесистемные» социалисты и либералы организуют в нескольких крупных городах почти регулярные массовые манифестации. И люди приходили на эти митинги, чтобы услышать свободное слово, чтобы показать властям «силу народа». Шли, хотя «свободно» могли получить, милицейской дубинкой по голове и провести ночь в участке. Массовых самиздат начал сокрушать наиболее фундаментальные мифы, на которых держался режим и его реформы. Чтобы не потерять инициативу, большая пресса бросилась догонять радикальных авторов самиздата. Коммунистические мифы затрещали по всем швам.

Наиболее оборотистой части элиты стало ясно, что на пути «совершенствования» системы им революцию не выиграть. Необходима была смена мифов, всеобщее перекрашивание и переименование, чтобы сохранить прежнюю власть в новом мире. Это соответствовало и задаче превращения из «бюрократа» во «владельца крупного капитала».

«Коммерциализированная» номенклатура очень быстро объединилась с «остепененными» либералами-«шестидесятниками», которые в 1988–1989 г. переходили в осторожную оппозицию к коммунизму (но не к КПСС, ибо это могло лишить их доступа к средствам массовой информации). Известность «прорабов перестройки» (вызванная тем, что

они имели возможность осторожно сказать многомиллионной аудитории то, что сама эта аудитория думала) давала «официальным» либералам возможность возглавить освободительное движение. Нужно было только выбрать нужный момент, чтобы наконец решиться перейти в оппозицию. Опыт «опального боярина» Б. Ельцина убеждал либералов, что выступать раньше времени не следует. Ведь Ельцин и сам «сдал назад», жалостливо попросив прощения на XIX партконференции за свою «несвоевременную критику» во время знаменитого выступления на пленуме ЦК КПСС в октябре 1987 г.

Психология «шестидесятничества» давила на ее носителей собственным грузом. В молодости они хлебнули ограниченной свободы, а затем испытали усиление деспотизма, навалившегося прежде всего на номенклатурную интеллигенцию, к которой принадлежали наиболее известные «шестидесятники». После этого они на всю жизнь сохранили в душе страх перед властью и перед самой свободой. Свобода рассматривалась ими прежде всего как свобода для элиты, для себя и своих партнеров. Поэтому спустя двадцать лет после первой оттепели у неформалов была своя революция, а у прорабов перестройки – своя. Но противник оставался общим.

В 1988-89 гг. у видных либералов фактически не было партийного аппарата. Они были созниками, но не руководителями неформалов, принимавших решения самостоятельно. Конечно, действия неформальных организаций использовались «шестидесятниками», в том числе и либералами в руководстве КПСС. Но и неформалы каждый раз решали, какую компанию «верхов» поддержать, а какую – нет.

Падле смерти академика Сахарова возникла легенда о том, что именно он был вождем оппозиционного движения в 1986–1989 гг. Но до 1989 г. академик не участвовал не только в уличных выступлениях, но и в наиболее представительных конференциях оппозиционных организаций, держался особняком. В ходе выборной кампании конца 1988 – начала 1989 г. возникают общественные структуры, обеспечивавшие политическую деятельность академика Сахарова. Авторитет Андрея Дмитриевича достиг апогея во второй половине 1989 г., после его выступления на съезде народных депутатов, но вождем движения академик не стал и тогда. Он по природе своей не был вождем или руководителем.

Лишь после выборов 1989 г. лидирующее положение в демократическом движении постепенно переходит к Межрегиональной депутатской группе, состоявшей в большинстве своем из партийных либералов-«шестидесятников». Тогда же возникает постоянный партаппарат «демократов». Однако, чтобы укреплять свой контроль за расширяющимся гражданским движением, руководители МДГ должны были повторять лозунги, выдвинутые диссидентами и неформалами.

ОТ ГРАЖДАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ К РЕВОЛЮЦИИ НОМЕНКЛАТУРЫ

К началу 1990 года в общественном сознании России закрепились ценности плюрализма и идейной терпимости, гражданских свобод и строительства общества снизу. В России возникло легальное и объединенное множеством взаимных контактов гражданское общество, состоящее из независимых от государства экономических, общественных, профсоюзных и информационных организаций. Сформировались ростки независимой прессы, система управления стала полицентричной – стала восстанавливаться уничтоженная еще в 1918 г. власть Советов на местах, когда простые люди реально могли влиять на процесс принятия решений.

Но гражданское общество было еще очень молодо и слабо, чтобы удержать завоевания первой волны революции. Откат был неизбежен. Номенклатура оправилась от ударов и была готова к контраступлению под новыми знаменами.

Героический, освободительный период перестройки завершался прекрасным аккордом – грандиозными демонстрациями 4 и 25 февраля.

В то же время «революция менеджеров» вывела управление хозяйством из под

контроля партаппарата и привела к образованию корпоративного по структуре национального капитала, олицетворяемого директорским корпусом. После этого экономические задачи революции для значительной части хозяйственной элиты были решены, и в обществе усилились консервативные тенденции. В то же время экономическая перестройка вызвала болезненные экономические последствия, которые помогали поддерживать миф о спасительности грядущей вестернизации. Общество раскалывалось на консерваторов-почвенников и «демократов»-западников. Поворот номенклатуры к радикальному антикоммунизму означал начало конца гражданской революции! Теперь борьба против КПСС велась не во имя высоких идеалов свободы и справедливости, а ради победы одной номенклатурной клики над другой. Причем если консервативная группировка рассчитывала опереться на производственную элиту, уже получившую «свой кусок», то «радикальный» клан номенклатуры мог опереться на две силы. Во-первых, на политическую и экономическую мощь Запада (ценой превращения страны в сырьевой компонент мирового разделения труда). Во-вторых, на теневую, а в значительной степени криминальный капитал, вышедший из подполья под флагом «свободы предпринимательства», установивший контроль над рынком и переориентировавший его с производства на более привычную спекуляцию. Прозападная номенклатура быстро поняла, что именно криминально-спекулятивный капитал может стать ее союзником в борьбе против производственного капитала. Лозунг «радикальных реформ» стал означать передел власти и собственности в пользу компрадорских и криминальных слоев. Начиналось великое превращение власти в собственность.

Увы, большинство участников широкого гражданского движения не заметило этой метаморфозы, да и не могло заметить. «Лицом к лицу лица не увидать». Пока народные массы ломались в парадную КПСС, с черного хода выносилось все ценное. К 1991 г. компартия превратилась в пустой ящик, охранявшийся несколькими десятками тысяч честных ничего не понимавших коммунистов...

Война лозунгов 1990–1991 гг. все больше приводила к подмене их смыслов. Начав с критики «командно-административной системы», «демократы» затем стали выступать за «сильную исполнительную власть». Лозунг разгосударствления (который предполагал прежде всего переход собственности трудовым коллективам) был вскоре подменен «приватизацией» – то есть распродажей «общенародной» собственности тем, кто ее сможет купить. Борьба за региональную самостоятельность при сохранении межрегиональных горизонтальных связей сменилась созданием национальных империй, подавляющих элементарные гражданские права. Лозунг восстановления социальной справедливости, на котором сделал себе «второе имя» Ельцин, был сменен агитацией за новое расслоение «по способностям». Способности Ельцина в итоге были награждены не хуже, чем способности Брежнева.

В «демдвижение» полились большие деньги, валом повалила номенклатура. Номенклатурная «демократия» собирала под свои знамена все новые полки, выходявшие на бой с КПСС шахтеры, национальные формирования, «коммунисты за демократию» во главе с А. Руцким и просто сотни тысяч граждан, связывавших с КПСС свои беды и видевших в ее власти историческую несправедливость.

Привыкшие к старым методам руководства коммунисты-консерваторы как могли защищали обреченную партию и Империю. Но почувствовавшие вкус сверхприбылей от «внешнеторговых операций» чиновники готовы были сражаться до последней капли чужой крови. Драматическая борьба традиционалистской и компрадорско-западнической клики завершилась грандиозным действием августа 1991 г., в результате которого более мобильные «капиталистические» аппаратчики скушали своих менее гибких «коммунистических» коллег и принялись воплощать в жизнь все свои «идеалы» – занятие освобожденных помещений и кресел, умопомрачительные внешнеторговые операции, освобождение монопольных цен, разрушившее ростки рынка, которые еще не вписались в мафиозную схему; колючая проволока между народами, травля и парализация представительных органов власти. Кризис

революции сменился откровенной реакцией.

Система представительных органов власти, опираясь на часть национального капитала, пыталась оказать сопротивление номенклатурной реставрации. Но наладить прочные связи с гражданскими движениями руководство парламента не смогло. Более того, в сентябре-октябре 1991 г. Верховный Совет фактически оставил без поддержки демократическое движение в защиту Моссовета. И оно проиграло, «отдав улицу» блоку коммунистов и нацистов, к которым «официальной оппозиции» пришлось идти на поклон, когда «президентская вертикаль» перешла во фронтальное наступление на Советы.

В политической борьбе социально-патриотического и либерально-компрадорского блоков гражданское общество занимало скорее нейтральную позицию. 22 сентября – 3 октября гражданские движения выдвинули «нулевой вариант», поддержанный значительной частью политической элиты. Но кровавый финал переворота не дал реализоваться демократической альтернативе. Хотя и за Гайдара народ голосовать не стал. Народ устал. Революция иссякла.

МОСТ В ЗАВТРА

События 1991–1993 гг. вызвали у многих политических неформалов горькое разочарование. «За что боролись?!» Вопрос мне представляется странным – а на что Вы рассчитывали? Свобода и солидарность не могут утвердиться в насковзь авторитарном обществе за несколько лет. Подобьем счета. Уровень жизни упал. Но, во-первых, мы проходили через неизбежный этап структурной перестройки экономики, который во всех странах приводил к падению жизненного уровня. Во-вторых, в сверхмонополизированном и мафиизированном обществе перестройка особенно болезненна. В-третьих, падение уровня жизни вызвано наступлением номенклатуры на социальные права простых людей. В отношении революции это реакция, этому наступлению надо сопротивляться на каждом шагу. И для этого революция создала некоторые предпосылки. С середины 80-х возникло взаимопереплетенное гражданское общество. Номенклатуре не удалось разрушить систему профсоюзов. Более того, традиционные профсоюзы стали независимыми. В 1985 г. об этом трудно было и мечтать. Из полуподпольного состояния вышли экологические и правозащитные организации. Конечно, общая обстановка реакции накладывает отпечаток и на них – внутренняя авторитаризация не минула былых неформалов. Но зависимость сегодняшних общественных движений от Власти гораздо меньше, чем былых ВЦСПС Комсомола и ВООП. Гражданские организации занимаются защитой конкретных интересов простых людей, их связи горизонтальны. Революция 1988-93 гг. была не напрасной. Все ее семена вытравить уже не удастся. И они прорастут.

Александр ШУБИН
1994 г.

УРОКИ СЕНТЯБРЯ

Из года в год школы нашей страны открывали учебный сезон сентябрьскими Уроками мира. Год назад нам был преподан урок гражданской войны. Провел его «наш великий учитель, самый главный вожатый» – глава российского государства, открывший новый политический сезон своим указом № 1400, фактически отменившим Основной закон страны.

Все мы помним, как Б. Ельцин клялся в исполнении конституции, как именем этой конституции победил своих противников в августе 1991 г. И народные избранники, проложившие Б. Ельцину путь к власти, были готовы голосовать даже за чрезвычайные

полномочия для этого президента. Ни тени разногласий, полное единодушие. А через несколько месяцев – острое противоборство «верных друзей», через два года – демонстративный расстрел здания парламента из танковых орудий. Что произошло?

Там, где в качестве ставки выступает абсолютная власть – не до сантиментов. А в нашем случае на кон была поставлена еще и огромная собственность, выкачиваемая из казны. Такое разграбление страны «взорвало» даже многих сторонников западных ценностей, которые поддерживали Ельцина в 1991 г. но стали его врагами к 1993 г. Поражение для президентского окружения означало перспективу не политических, а уголовных процессов. Так что нет ничего удивительного, что защитники Белого дома 1991 г. разделились на новых защитников и штурмовиков.

До 21 сентября 1993 г. борьба вокруг власти и собственности велась в соответствии с правилами, записанными в Конституции. Президентская гвардия, поняв, что проигрывает, смела шахматные фигуры с доски. Теперь правила диктуем мы! По какому праву? По праву меча! Известный исторический сюжет. За этим следует или бесславный конец парламента и воцарение диктатора, или сопротивление тех, кто остается верен закону. Но только в этом случае кровопролитие становится почти неизбежным, ибо на силу меча очень хочется ответить мечом.

Уже вечером 21 сентября стало ясно, что события будут развиваться по второму сценарию. Оборону Белого дома как всегда возглавил А. Руцкой. Он еще не знал, что опыт августа 1991 г. на этот раз неприменим. Переворот был теперь не бутафорским, а настоящим. Но и у Ельцина положение было не легким. Он (точнее, его аппарат) понимал, что идет по лезвию ножа. Тот, кто сделает открытый и явный шаг к кровопролитию, скорее всего и проиграет, так как народ откровенно настроен против гражданской войны.

Эта ситуация давала шанс на мирный исход. Первой уже утром 22 сентября мирное решение предложила Московская федерация профсоюзов, выдвинув «нулевой вариант» – возвращение к ситуации до 21 сентября и проведение одновременных выборов президента и парламента. Для Ельцина это стало бы поражением, так как единственное, что продемонстрировали бы тогда события – это способность парламента отстаивать законность. Возвращение к конституционным правилам игры означало бы принятие новой конституции, в которой президент не имел бы таких огромных полномочий, как хотелось бы администрации. «Нулевой вариант» означал бы и продолжение уголовного расследования по «чемоданам Руцкого». «Нулевой вариант» обеспечил бы свободные выборы уже в начале 1994 г. по правилам, известным заранее, не подогнанным под сиюминутные политические интересы одной стороны. «Нулевой вариант» приносил в жертву немедленное торжество одной из сторон, но давал шанс избежать массового кровопролития.

Не случайно, что «нулевой вариант» поддержали региональные власти и председатель Конституционного суда. Фактически этот вариант поддержала и Русская православная церковь, при посредничестве которой начались мирные переговоры в Свято-Даниловском монастыре. Еще немного, и давление со всех сторон могло сломить волю путчистов. Им требовалось одно – кровопролитие, которое сделало бы «нулевой вариант» невозможным. Пользуясь тем, что руководители Белого дома оценивали ситуацию неадекватно, мысля категориями августа 1991 г., не отказались от помощи откровенных экстремистов и даже фашистов, сторонникам Ельцина удалось осуществить провокацию 3–4 октября. Сейчас уже очевидно, что первые выстрелы прозвучали со стороны сил Б. Ельцина. Но это был лишь спусковой крючок безрассудных действий противников «Большого Бориса». И штурм мэрии, и кровопролитие у Останкино легко было представить в качестве «разгула насилия», организованного «руцкистами». Увы, Руцкой, Хасбулатов, были «просчитаны», и их действия спланированы извне. Увидев прорыв к ним десятков тысяч людей, услышав несколько выстрелов из мэрии, они отбросили риторику «ненасильственного гражданского неповиновения» и начали играть по правилам путчистов. И хотя закон оставался на их стороне, они уже от путчистов отличались немногим. Впервые за десятилетия в столице страны шла гражданская война. Кровь сотен погибших останется несмываемым пятном

позора на совести вождей обеих группировок и их советников, подталкивавших своих патронов к более радикальным действиям.

Кровь осени 1993 г. стала скрепляющим веществом новой российской диктатуры. Казалось, игра закончилась, и можно останавливать часы. Но народ России думал иначе. Президентская команда столкнулась с бунтом избирателей, которые проголосовали «не так». Выиграл не Гайдар, и не Жириновский, и не коммунисты. На выборах выиграл компромисс, потому что никто не набрал желанного большинства. Конечно, от этого наша страна не стала демократической, но фашизм чилийского образца все же не прошел. Бунт избирателей заставил победителей октября 1993 г. «сдать назад» и привел к образованию вялого авторитарного режима, возглавляемого разрушающейся на глазах личностью, вряд ли уже способной на новые раунды напряженной политической схватки. Победители октября 1993 г. проиграли. Они проливали кровь зря. И в этом главный урок осени 1993 г. – борьба за власть не стоит тех человеческих жертв, которые принесены на ее алтарь. Власть, построенная на крови, всегда неустойчива.

*Александр Шубин
Андрей Исаев
1994 г.*

КРИЗИС ПАРЛАМЕНТАРИЗМА И ПРИНЦИП ДЕЛЕГИРОВАНИЯ

В последнее время приверженцы принципа народовластия оказались в довольно тяжелом положении. Судной стороны, их вечный противник – самодержавная бюрократия – стал еще сильнее, наглее, глумливее и вороватее. Дела под управлением чиновников идут по-прежнему плохо. Тут бы и развернуться всенародному движению за парламентаризм и демократию. Но, с другой стороны, это все мы уже проходили. И депутаты наши уже демонстрировали народу безответственность и стремление к личной наживе, некомпетентность и слабую работоспособность.

Конечно, дело не обошлось здесь без прямой и косвенной клеветы со стороны средств массовой информации, которые верно отрабатывали свои серебряники. Но ведь и оные средства черпали свои фантазии из реальной жизни. Было и агрессивно-послушное большинство съезда депутатов СССР, и неповоротливость, причудливо сочетаемая с истеричностью, съезда российских депутатов, и «придворная учтивость» пятой Думы Его Величества. Никуда от этого не деться поклонникам российского парламентаризма. И главное – в то время как предвыборная кампания требует все более примитивных лозунгов (яркий пример этого – методы Жириновского), парламентская практика заставляет решать все более сложные проблемы. В итоге депутатский корпус формируется из специалистов по митингу, которым следует потом стать специалистами во всех общественно-значимых проблемах.

Отсюда возникает проблема «обучаемости депутатского корпуса». В свое время депутаты каждого из разгоняемых парламентов в аккурат накануне роспуска говорили, что вот теперь парламент наконец приобрел опыт, научился работать. Спрашивается: если вы были такими неопытными, что же шли на такую работу? Но дело как раз в том, что специалист в парламент может попасть в виде исключения (особенно при выборах по округам, где каждый депутат должен пройти проверку на популизм, обещая золотой дождь). И проблема вовсе не в том что народ не созрел до демократии. Народ во всех странах так реагирует на кандидатов: сначала слушает обещания, а потом объяснения, почему их нельзя выполнить. Дело в системе, при которой тысячам ничем не связанных граждан, превращенным в толпу на избирательном участке, предлагается выбрать из нескольких неизвестных им людей одного «самого достойного». Вся информация об этих людях

поступает к избирателям от рекламных агентств, называемых «группами поддержки» или партиями. Задача агентства – представить любого человека ангелом, героем и сексзвездой в одном лице. Правды от такой кампании ожидать не следует, а иные методы на толпу у избирательного участка не воздействуют. Потом шоу закончится, члены избирательной толпы вернутся к своим повседневным делам, снова превратятся в разумных людей и будут с удивлением обсуждать, почему депутатский корпус состоит из демагогов, болванов и амбициозных личностей. В этом телезрителям будут помогать средства массовой информации, подчиненные извечным врагам демократии – бизнесу и исполнительной власти.

Но этим последним парламент как таковой тоже нужен – как место согласования лоббирующих интересов (такую роль коллегиальные органы играли даже при коммунистах). Поэтому специалисты в парламенте необходимы. Мировая практика выработала методы засылки в парламент специалистов – это партии и «гнилые местечки». Первый метод хорош для пропорциональной системы выборов, второй для выборов по округам. При пропорциональных выборах партия назначает в список идеологов – для народа, и специалистов – для конкретной работы. Народ думает, что голосует за «рубашку парня» или «народного заступника» в начале списка, а реальная власть в парламенте оказывается в руках партийных бюрократов, которые ведут повседневную работу.

«Гнилыми местечками» в Англии называли небольшие округа, которые полностью контролировались местным лордом или буржуа. Избиратели либо прямо подкупались кандидатом, либо знали, что он будет лоббировать в парламенте не только свои интересы, но и интересы местной элиты. В итоге человеку было обеспечено практически пожизненное депутатство – что бы ни случилось, «местечко» голосовало за него. И дело не в размере округа, а в том, что местная администрация в авторитарном обществе может контролировать ход избирательной кампании и имеет преимущество в пробивании своего человека. Зато он наверняка будет «специалистом своего дела».

Таким образом, как только проходит революционный период, позволяющий народу как-то влиять на ход дел, парламент оказывается в руках партийных бюрократов и посланников местных «боссов». Чтобы народ не скучал, его веселит некоторое количество партийных идеологов и чудаков из глубинки, которым дают тоже пройти в парламент, дабы сохранить иллюзию демократии и борьбы «ветвей власти». Если вскроются факты коррупции в партиях (как в Италии), можно сделать крен к выборам по округам. Если выяснится, что при мажоритарных выборах «посланники народа» оказываются в руках местных мафий – можно снова вернуть часть власти партийным бюрократиям. В любом случае процесс останется под контролем.

Значит ли это, что без парламента лучше. Конечно нет. Парламент – это маленькая щелочка, через которую на Олимп власти пробивается сквознячок народовластия. Глядишь, где-то одернут всевластного президента или вороватого распорядителя государственной собственности, припугнут судом или импичментом. А то и амнистируют невинных. Конечно, всевластная бюрократия всегда может парламент разогнать, и потом избрать себя в него по новой (отсеяв слишком усилившихся смутьянов). Но это – морока. И потом такие «сбои» чреватые новыми революционными волнами, когда народ от обиды на чиновников вдруг начинает вмешиваться в дела, внося в них дух некомпетентности и демократии.

Парламент – это лучше, чем всевластие исполнительной «ветви». Но это достаточно плохо. Очевидный в наше время кризис парламентаризма, выразившийся в постоянных колебаниях между некомпетентностью и популизмом с одной стороны и бюрократизацией и зависимостью от бизнеса – с другой, ставит на повестку дня вопрос о том, существуют ли более демократичные формы народовластия, чем парламент.

Да, существуют. Здесь уместно напомнить о принципе делегирования, который был выдвинут в качестве современной политической программы в 1987 г. группой «Община» и за который выступало социалистическое движение нашей страны на протяжении Перестройки. В 1990 г. делегирование поддержал и А. Соженицын. Этот принцип пришел к нам из глубин

истории (в соответствии с ним была устроена Новгородская республика, за него выступали Парижские коммунары, в соответствии с ним работали советы в 1917 г., пока их не «завоевали» коммунисты). Сегодня в соответствии с этой идеей организованы традиционные профсоюзы России. Элементы этого принципа заложены (пока лишь как идея) в Конституцию РФ. Их можно развивать.

Принцип делегирования заключается в том, что вышестоящие органы формируются из делегатов нижестоящих. Что это значит? Парламент страны состоит не из депутатов, выбранных на избирательных участках в соответствии со случайными симпатиями, возникшими в ходе избирательной кампании, а из делегаций регионов (причем не администраций, а представительных органов). Эти региональные представительные органы, в свою очередь, формируются из делегаций районов и городов. Представительные органы последних формируются из делегатов их подразделений. И так вплоть до органов местного и производственного самоуправления – «общин».

Опыт советов и профсоюзного движения показал, что делегирование может быть эффективным при нескольких условиях:

1. В системе должно существовать четкое разделение полномочий между различными органами («принцип компетенции»). Сфера полномочий вышестоящего органа должна устанавливаться по соглашению нижестоящих (то есть входящие в сообщество организации должны сами решить, зачем им нужна вышестоящая система). Но после этого в рамках этих полномочий нижестоящие должны подчиняться, а не играть в «самостийность». Также четко должны быть установлены достаточные для работоспособности полномочия ответственных перед представительными исполнительными органами и порядок их соподчиненности на разных уровнях. Иначе характерный для бюрократических и неформальных систем хаос может стать бедой и делегирования.

2. В системе должны быть гарантированы права меньшинства («принцип меньшинства»). Скажем, никакое большинство не может принять решение о публичной порке неугодного журналиста – это нарушает его неотъемлемые гражданские права (в частности, право на личное достоинство). Такие неотъемлемые права (социальные, экологические, гражданские) должны быть зафиксированы конституционно и неуклонно соблюдаться силами исполнительных органов всего сообщества (в данном случае – государства).

3. Деятельность представительных органов за исключением заранее оговоренных случаев должна быть открытой («принцип гласности»).

4. Делегированные органы должны быть достаточно компактны для слаженной работы и не напоминать количеством съезды советов или народных депутатов («принцип компактности»).

5. Должно существовать право отзыва делегатов (это можно сделать на любом заседании вышестоящего органа) и предварительного обсуждения внизу важнейших решений («принцип императивного мандата»).

При условии соблюдения этих принципов делегирование имеет ряд очевидных преимуществ перед парламентаризмом. Во-первых, в делегированные органы попадают лиди не случайные, а представляющие конкретные интересы сил, составляющих сообщество, волю не сверху, а снизу. В то же время это люди компетентные, приглашенные нижестоящим органом в качестве своего посланника как специалисты (а не как манипуляторы толпы). Во-вторых, система делегирования позволяет быстро обновлять кадры путем отзыва. В то же время люди, подтвердившие свою компетентность и способность отстаивать интересы посланного их сообщества, могут работать на этом месте не «от выборов до выборов», а хоть пожизненно. В-третьих, затруднено формирование корпоративных интересов вышестоящих органов (в случае образования такого «тромба» на каком-либо уровне нижестоящие организации тут же его «растасчат», отозвав зарвавшихся делегатов). В-четвертых, система делегирования достаточно инерционна, чтобы затруднить возможность всяческих авантюристов. Ее очень трудно разогнать, так как она разветвлена и

опирается на тысячи местных организаций. В-пятых, облегчается деятельность небольших общественных организаций, связанных с нуждами населения и проводящих свои решения через местное самоуправление. Вообще при делегировании организованные «низы» влиятельнее «верхов», на долю которых остается общая координация и поддержание общих для всех стандартов. Делегирование – это перевернутая пирамида власти, настоящая, а не мнимая демократия.

*Александр Шубин.
1995 г.*

ЕВРОПА: ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ БЕЗ ВОЙНЫ

Скоро полвека, как в Европе закончилась последняя война, охватившая большую часть стран этой части света. Такие войны раньше называли европейскими. Первым столкновением подобного рода традиционно считается Тридцатилетняя схватка протестантской и католической коалиций в XVII веке. С тех пор европейские войны регулярно повторялись не реже, чем раз в полвека. За десятилетия складывались две основные коалиции. Затем в них вовлекалось большинство стран Европы, и любое недоразумение между участниками противостоящих блоков вовлекало континент в большую войну. С начала XX века в этой игре стали участвовать США и Япония, и европейские войны превратились в мировые. Таким образом раскол Европы на коалиции превратился в мину, подложенную уже под весь мир.

9 мая 1945 г. последняя коалиционная война в Европе закончилась. Но на место разделения на фашистскую и антифашистскую коалицию пришел новый раскол – НАТО и «Советский блок». Где коалиции жди европейской, а то и мировой войны.

Но руководители блоков, существовавших в 1940-е-1980-е гг. понимали, что перед ними стоит не просто перспектива Большой войны. Речь идет о всеобщей атомной катастрофе, о перспективе уничтожения всей цивилизации. И европейские кризисы не выливались в войну. За эти полвека здесь произошло только три небольших войны (гражданская война в Греции, Советско-венгерская война и Югославо-албанский конфликт). Каждое из этих столкновений было внутренним делом одной из коалиций, и вмешательство в конфликт другой коалиции было очень осторожным – опасаясь ядерной войны стороны уважали послевоенный раздел сфер влияния. Но и Восточная, и Западная Европы пытались освободиться от опеки «сверхдержав» – СССР и США.

Ситуация коренным образом изменилась после 1989 г. В результате Восточноевропейской революции один из блоков рухнул. Гигантский магнит, удерживавший мир в равновесии наряду с НАТО, отключился. Угроза мировой войны исчезла, но во всем мире началась цепная реакция распада систем, которые удерживались полем великого противостояния советской и североатлантической коалиций. Часть конструкций полетела в сторону оставшегося «магнита» НАТО, а часть осталась на месте, так как прочно приросла к национальной почве. Не минула чаша сия и Европу – борьба интересов европейских стран, США и мусульманского мира за передел сфер влияния в посткоммунистической Европе спровоцировали войну в Югославии. Продукты распада страны обзавелись собственными «патронами» – все, кроме прочно стоящих на собственной почве сербов. Потому они и стали «врагами мирового сообщества». Но немаловажно, что само «мировое сообщество» не однородно. Интересы США и западноевропейских стран не совпадают. Европа тяготеет американской опекой...

Между тем истекает роковой полувековой срок. Сможет ли Европа поставить рекорд своего относительно мирного развития, и дальше избегать европейской войны? Для этого европейцам необходимо избавиться от разделения на коалиции. Шанс на это,

предоставленный распадом Варшавского договора, использован не был. НАТО стало претендовать на роль мирового жандарма. Но однополюсный мир, мировая гегемония – утопия, погубившая многих земных владык. Действие рождает противодействие. Против коалиции НАТО не может сложиться со временем другая коалиция. Югославия – модель этого процесса.

Очевидно, что маленькая Сербия не сможет стать центром консолидации новой коалиции. Она – лишь яркий пример страны, разделенной искусственными границами. Другой пример такой страны – Россия. Но Россия только что проиграла холодную войну, ее экономический потенциал не дает возможности встать во главе коалиции, противостоящей новому мировому порядку. Геополитические интересы страны не подкреплены реальными возможностями. Вот и ведет российская дипломатия «борьбу под ковром», публично демонстрируя приверженность «ценностям мировой (Западной) цивилизации» и одновременно ставя палки в колеса НАТО. Как только Б. Клинтон и Б. Гали собираются использовать очередную вспышку конфликта для военного разгрома сербов, Россия тут как тут – то грозными заявлениями, то миротворческими подразделениями, то челночной дипломатией разделяет враждующие стороны. Сербы сохраняют лицо, идя на уступки России, а не НАТО. Разгромить их не удастся. Такую же линию ведет российская дипломатия и в бывшем СССР. Признавая искусственные границы, фактически поддерживает народы, ведущие против этих границ вооруженную борьбу (Абхазия, Осетия, Приднестровье). Лично Ельцин и Козырев может быть и готовы сдать сербов и абхазов их противникам, но геополитические интересы страны оказываются сильнее – военные, таможенники, дипломаты, министры говорят одно, а делают другое.

Эту предопределенность лидерства России в качестве будущего лидера понимают и в США. Против «угрозы с Востока» идет постоянная борьба. Россию пытаются отделить от остальной Европы плотным «санитарным кордоном» из националистических режимов бывшего СССР и Восточной Европы. Россия, соответственно, ведет методическую борьбу против этой «дипломатии кордонов» наводя мосты в дальнем и ближнем зарубежье. США включают в систему «партнерства» с НАТО Чехию, Польшу, Литву и Венгрию – Россия укрепляет связи с Германией, которая сама после объединения оказалась в некоторой изоляции (ее опасаются соседи, которые помнят былые нашествия). Америка обещает помощь Украине и Грузии – Россия укрепляет связи со Словакией и начинает процесс фактического объединения с Белоруссией. Все это напоминает шахматную партию на «доске» Восточной Европы. Цель игры со стороны России – не допустить своей изоляции от Европы. Цель США – сплотить Западную Европу против Востока, еще теснее привязать ее к себе, отгородить от России новым «железным занавесом». Это прямой путь к складыванию новых коалиций, что означает опасность новой войны.

Выход один – отказ от блоковой политики и дипломатии кордонов. Курс на создание со временем единой Европы от Атлантики до Урала как сообщества равноправных стран (может быть – регионов), а не государств первого и второго сорта, разделенных статусом в НАТО. Такая стратегическая цель была выдвинута еще горбачевской дипломатией, и шаги в этом направлении делались. Конечно, это выводит Европу из сферы гегемонии США, но делает ее более органичной, в большей степени способной противостоять угрозе с Юга (пока политика «мирового сообщества» создает в Европе мусульманский плацдарм). И главное – отказ от разделения на коалиции избавляет Европу от кошмара регулярного повторения европейских войн.

Александр Шубин
1994 г.

ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

В конце XIX века мир был полон самых лазурных ожиданий по поводу надвигающегося столетия. XX век представлялся временем расцвета всех тех ростков прогресса, коими так гордились современники Эдисона, Золя и королевы Виктории. Технические достижения должны были решить социальные проблемы и превратить быт людей в райское наслаждение. Либеральные и социалистические идеи обещали пришествие гуманного и солидарного общества. Все вопросы казались решенными теоретически, и дело стояло лишь за практическим воплощением лучезарных проектов. От отдельных мрачных предсказателей отмахивались. Но даже эти пророки предсказатели вряд ли поверили бы, что грядущее столетие станет самым кровавым в истории цивилизации, что архаическая жестокость будет поставлена на поток, что весь род людской окажется на грани уничтожения.

Сегодня, в канун следующего столетия, мы собираем осколки разбитого вдребезги. Восприятие идеалов преломляется через воспоминания о трагической практике недавнего прошлого. Но неутомимые идеалисты по-прежнему то и дело сообщают нам, что вот сейчас наконец открыт оптимальный закон жизни, и дело лишь в том, чтобы все страны дозрели до ценностей современной Западной цивилизации. «Век утопий» под занавес вернулся к старой либеральной утопии. Подобно марксизму, она обвиняет в утопизме всякого, кто ищет нечто более оптимальное, чем современное западное общество.

КРИЗИС ИНДУСТРИАЛИЗМА

Наиболее последовательно либеральная утопия сформулирована в нашумевшей статье Фукуямы «Конец истории». XXI столетие представляется здесь так же, как в конце XIX века виделось недалекое будущее. Поступательное движение однообразного прогресса. Падение деспотий и провозглашение президентских и парламентских республик. Но в XXI в. все сложилось иначе, примерно так, как предсказывали М. Бакунин, Д. Лондон, Н. Бухарин и другие авторы, чьи предупреждения не были восприняты всерьез.

Есть все основания полагать, что и на этот раз дружного движения стран и народов в лоно современной западной цивилизации не получится. Прежде всего по той простой причине, что если все страны мира будут расходовать энергоносители с той же интенсивностью, что и США, то энергоносителей хватит на 4 года. «Современная Западная цивилизация» может существовать на планете Земля только в небольшом количестве удачливых стран и только в качестве исключения.

Западная модель общества, ставшая наиболее удачным порождением сверхиндустриального XX века, все же не смогла избавиться от врожденных пороков индустриализма, которые объединяют «капитализм» и «реальный социализм» и не дают им «путевки в будущее». Индустриализм – принцип организации общества, основанный на

узкой специализации производителя – позволил человечеству получить в свои руки колоссальную мощь. Но эта мощь подвела человека к краю пропасти.

Кризис Индустриального общества – важнейший вызов XXI века. Дело в том, что узкая специализация делает каждого конкретного человека беспомощным. Согласовывать действия «подобных флюсу» узких специалистов должен профессиональный управленец. Эта фигура оказывается в центре индустриального общества, которое довело принцип управления до абсолюта, разрушив тысячелетнее крестьянское хозяйство и перестроив всю жизнь общества по образу и подобию фабрики. Современная цивилизация вывела новый тип человека ЧЕЛОВЕК УПРАВЛЯЕМЫЙ. Добропорядочный гражданин управляем во всем, он совершенно избавлен от необходимости думать своей головой. На работе за него думает менеджер и инженер. За порогом предприятия средний обыватель попадает в узкие каналы улиц и транспортных артерий, которые выбрасывают его в спальные районы, управляемые территориальной бюрократией. Человек приходит домой и попадает во власть телевизора, промывающего мозги удивительной смесью, в которой лишь специалист способен отделить правду от лжи.

Иногда индустриальному человеку предлагается выбрать себе наиболее высоких начальников. Но и здесь кандидатуры заранее выбираются партийными машинами. Их вожди разыгрывают красочные спектакли предвыборной борьбы и, возможно искренне, ненавидят друг друга. Но в это не меняет сути дела – в Америке и в Европе, в России и в Индии кандидатов на правящие должности подбирают партийные аппаратчики, которых меньше всего заботит партийная программа.

Да и сами программы ведущих партий различаются все больше на уровне лозунгов, а не на уровне конкретных предложений.

Гипертрофия управления в индустриальную эпоху является источником вполне конкретных болезней. Во-первых, человек не так одномерен, как требует от него индустриальная система. Человек не может быть винтиком, нужным лишь для выполнения своей специализированной функции на производстве. Человек должен развиваться многосторонне, должен понимать, зачем нужно то, что он делает. Жесткие рамки индустриальной механики, в которую он встроен, порождают нервозность, стрессы, инфаркты, инсульты и прочие «сбои», вызванные не конкретными конфликтами, а необходимостью постоянно подчинять себя жестким правилам жизненного конвейера.

Во-вторых, управленческая система неэффективна экономически. Работник получает указание от начальника. Но он не принимал участие в принятии этого решения и не знает, какими мотивами руководствовалось начальство. В результате начинает действовать «испорченный телефон»: каждое звено управленческой цепи понимает приказ по-своему, а находящийся на дне производитель и вовсе не понимает, зачем все это нужно. Отсюда равнодушие, вечные производственные нестыковки. Конечно, рабочие как-то смягчают ситуацию, внося в указания сверху долю своего здравого смысла. Поэтому точное выполнение всех правил и инструкций – это форма забастовки, парализующая производство. Но в целом рабочий равнодушен к результатам производственного процесса (лишь бы предприятие не разорилось), и потому доля здравого смысла и трудового рвения на производстве не велика. Рабочий стремится не к сотрудничеству с администрацией, а к тому, чтобы укрывать от нее резервы рационализации производства. Инициатива наказуема.

В-третьих, основанное на управлении индустриальное общество противостоит не только природе человека, но и Природе Земли. «Правила игры», которым подчиняется индустриальная машина, сами по себе не учитывают разрушение среды. Природа, как справедливо заметил один из теоретиков экологического движения Ю. Каматов, не является субъектом рынка и управления. С ней не надо договариваться. Начальники договариваются между собой, как им делить природные ресурсы. Природа не участвует в этих переговорах. Более того. Решения о строительстве вредных предприятий принимают одни люди, а дышат их выхлопами – другие. И только сопротивление последних может заставить чиновников как-то учитывать экологическую в своих расчетах. Но разовые акции протеста

принципиально не меняют ситуации. Информация о положении в области окружающей среды концентрируется в чиновничьих кабинетах. На стороне властимущих – всесильное телевидение и охрана «порядка». Митинги проходят, а люди продолжают умирать от рака, задыхаться от астмы, страдать кожными заболеваниями, производить на свет уродов.

Давление общественности на государство и бизнес немного сдерживает развитие экологического кризиса в западных странах. Но слухи об эффективности этого давления сильно преувеличены. Приведу один пример из личного опыта. Как-то нас привезли в Роттердамский порт, чтобы показать пример эффективной борьбы «Роял Датч Шелл» с загрязнениями. Первое впечатление на нефтеперегонном заводе – сильнейший запах окислов серы. Порт окружен жилыми кварталами со всех сторон – куда бы ни дул ветер, газы пойдут на жилье. Я себя чувствовал, как в Новокуйбышевске – и факелы такие же. Но чиновник фирмы очень подробно объяснял нам, какая у них хорошая динамика показателей и как ими довольны природоохранные службы...

В-четвертых, всеобщность управления делает человека заложником решений «сильных мира сего». Бюрократическая иерархия по природе своей склонна к неэффективности, жесткости и эгоистичности. Но именно она решает судьбы миллионов. И стоит ли удивляться коррупции и «парадоксам» государственного регулирования экономики, если вы признаете, что за вас должен думать чиновник. Ведь он средний человек, да еще и подобранный по принципу карьеризма.

Все это касается любой индустриальной страны мира. Западных стран – в особенности. Западный человек, который так гордится своей свободой, является одним из самых управляемых людей в истории наряду с людьми сталинского СССР. Человека, общающегося с западным обывателем, часто поражает некая «заторможенность» при обсуждении тех тем, в коих тот не является специалистом. Потом начинаешь понимать: сама система западного общества способствует некому окостенению ума. Это российский житель должен быть вечно готов к жизненным сюрпризам. Выверенная до мелочей система западного быта доводит до автоматизма те жизненные операции, которые заставляют нас шевелить мозгами. К Вашим услугам – супермаркеты, навязчивая реклама на все случаи жизни, развитая служба сервиса. Это – идеальное состояние для элиты, которая может посвятить освободившееся время разного рода интеллектуальным играм. Но у значительной части населения «хобби» сводится к традиционной пивной (очень комфортабельной) и незатейливым телевизионным играм вроде нашего «Поля чудес». Этот быт очень напоминает антиутопии, в которых человечество превращается в благоустроенный свинарник.

Многим такое спокойное житье представляется идеалом. Это так похоже на коммунизм, который нам обещали в оплату за трудовой подвиг. Этот мир и возник как оплата за трудовой подвиг прошлых поколений западных людей. Еще несколько десятилетий назад предки нынешнего западного человека мечтали о преодолении извечной нищеты. Они трудились в поте лица, они благоустраивали европейский мирок и американский мир. И чудо свершилось общество потребления потроено. Западные трудяги и не подозревали, какую злую шутку сыграют со своими внуками, которым все это материальное благополучие дано «от Бога». Теперь жизнь заставляет человека «шевелить мозгами» только в рамках своей узкой специальности. Выйти за эти рамки можно только по своей воле, а воля эта есть пока у меньшинства. В результате западная цивилизация становится менее гибкой, более хрупкой. Это тем более опасно, если учесть, что строение западной цивилизации очень зависимо от мировых сдвигов. Стоило арабскому миру ограничить поступление нефтяных ресурсов на Запад в 1973 г., как Европу, Америку и Японию потряс тяжелейший энергетический кризис. Если в нашей стране любые потрясения гасятся в толще ко всему привыкшего народа, то на Западе любой сбой в жизненной программе может вызвать «великие потрясения».

СООБЩЕСТВО НЕРАВНОДУШНЫХ

Но не все так безнадежно. Не все западное общество поглощено болотом индустриального общества потребления. Вещизм, победивший на Западе накануне революции 1968 г., тут же был отвергнут значительной частью духовной элиты. Дети людей, мечтавших о собственном доме как о венце творения, обвиняли отцов в мещанстве и строили баррикады посреди Парижа. «Бунтующие студенты» еще не понимали, что сам возмущавший их «мещанский достаток» дал им возможность получить образование и задуматься о высоких идеях солидарного, свободного и духовно насыщенного общества. «Потребительское общество» оказалось сильнее – баррикады в Париже исчезли также внезапно, как и появились. Но, несмотря на то, что общество потребления, казалось бы, победило «бунтующих студентов», это было лишь начало его конца. На Западе появилась элита нового типа – поколение равнодушных людей, отрицавших ценности потребительского, индустриального мира. Со временем они стали понимать, что опирающийся на собственный достаток человек (если его волнует не только этот достаток) более независим, чем голодный революционер. «Крайности сходятся» – вожак парижских бунтарей Д. Кон-Бендит стал «реалистом», но ушел не в уютную тишь частной жизни, а в движение Зеленых.

Само появление влиятельного движения Зеленых показывает, что Западная цивилизация выработала некое противоядие против пороков индустриального общества, которое не позволяет жителям «общества потребления» окончательно забыться в сытости «благоустроенного свиначника». Это противоядие – гражданское общество – сеть независимых от государства общественных организаций, которые давят на управленческую систему и заставляют «слуг народа» думать не только о себе. Сильная общественность отвлекает людей от их повседневной текучки, разрушая обывательские скорлупки и выводя людей на свет Божий.

Сеть гражданского общества очень сложна и разнообразна. Это своего рода семья (не всегда дружная) равнодушных людей – экологов, пацифистов, рабочих активистов. Гражданское общество гибко реагирует на действия сильных мира сего. Стоило Маргарет Тэтчер ввести непопулярный «подушный налог» – и вся Британия забурилась. На Лондон двинулись демонстрации в десятки тысяч людей. Центральные площади столицы были запружены двухсоттысячной демонстрацией. Законопослушные шотландцы увешали свои дома плакатами «Извините, мы не платим». И полиция ничего не могла поделать, потому что каждая попытка «власть употребить» вызывала немедленный отпор со стороны всей улицы. Все это происходило не в далеком прошлом, а в 1989–1991 гг. Много ли рассказали нам об этих бурных событиях «объективные» средства массовой информации?

Костяком гражданского общества сегодня являются профсоюзы. В современном обществе – это наиболее мощные организации, которые в силу своих функций независимы от государства и капитала. Профсоюзы то и дело «вставляют палки в колеса» индустриальной машине своими «неразумными» требованиями и забастовками. Но, о чудо! Социально-экономическая система от этого становится только эффективней. Хотя при этом западное общество все меньше соответствует своей «модели», становится менее «рыночным» и более солидарным.

Современные профсоюзы выдвигают собственную позицию практически по всем вопросам современной жизни – будь то война в Персидском заливе или голод в Судане. Этим они начинают «подменять» партии. Но режим партий к концу XX века все более компрометирует себя (взгляните, что делается в Италии). Конечно профсоюзы – плоть от плоти общества. Здесь и бюрократия, и расколы, и партийные влияния. Но характерно, что если несколько десятилетий назад профсоюзы Запада были «приводными ремнями» к той или иной партии, и центральной фигурой в них был профбосс, то теперь это – «шоп стюард» – рабочий активист.

Конечно, западные общественники часто наивны и неловки, когда предлагают собственную альтернативу сложившемуся порядку вещей. Но они ищут эту альтернативу тотальному управлению. И в этом залог развития западной цивилизации.

Важнейшим результатом развития гражданского общества стало появление в недрах индустриальной системы очагов самоуправления в которых люди непосредственно участвуют в решении касающихся их вопросов. Совместными усилиями марксистско-ленинских и «деидеологизированных» теоретиков публике навязывается мысль о том, что самоуправление – это опасная утопия. Общество разнообразно и взаимосвязано – как можно участвовать в принятии всех решений, которые тебя касаются? И дальше делается вывод о необходимости сохранения всеобщей управляемости. Между тем речь сегодня идет не о всеобщем самоуправлении (оно возможно лишь при очень высоком уровне развития коммуникаций и материальной обеспеченности людей). Начать надо хотя бы с частичной компенсации тотального управления самоуправлением.

Люди всегда сочетали управление с самоуправлением, и только индустриальная эпоха свела самоуправление к минимуму. Средневековая коммуна (вольный город), признаваемая королевской властью, и российская община – все это самоуправление. Но когда самоуправление сочетается с жестким государственным регулированием (как в азиатских деспотиях или титовской Югославии), эффективность самоуправления снижается.

Как и общественные организации, органы самоуправления не пример идеальной утопии. Тем более, что, как и все ростки нового, прорастают они через «навоз» индустриального общества и поневоле пропитываются его «запахами». Однако важно отметить, что трудящиеся добились существования органов самоуправления на большинстве производств Европы и не отказываются от этой «вредной затеи». А об экономической эффективности самоуправления уже существует солидная литература. Самоуправление – не панацея ото всех бед, но сегодня это уже и не утопия – это один из институтов современного гражданского общества.

Самоуправлению не мешает и наметившаяся в последнее время структурная перестройка экономики, при которой на место индустриальных гигантов приходят небольшие гибкие производства. Небольшие коллективы легче осваивают самоуправление. «Либеральные» теоретики предсказывали, что такая перестройка вызовет развал профсоюзов, поскольку они были прочней именно в традиционных отраслях. Но и этого не произошло. Численность профсоюзов несколько сократилась, но затем они стали распространяться на новые отрасли.

Усиление гражданского общества, постепенное вытеснение ими структур, основанных на превращении человека в объект управления – это глобальный ответ на вызов кризиса индустриальной цивилизации. Но пока этот ответ еще только может быть дан, и то только в наиболее «развитых» странах мира. А время не ждет. В мире складывается тяжелая демографическая ситуация, при которой население стран Третьего мира растет гораздо быстрее, чем население развитых стран. Это приводит не только к демографическому давлению Юга на Запад, но и к усилению конфликта «Запад-Юг» по политической линии.

Конфликт между Западом и Югом может лишить развитые индустриальные страны относительно дешевых источников сырья. И вот тогда «прогрессивному человечеству» придется отказываться от государственно-монополистической индустриальной модели, которая создала цветущую культуру, не способную существовать автономно. Но это будет означать рождение новой цивилизации.

КОНТУРЫ НОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

XXI век станет свидетелем не только крушения современной «либеральной» цивилизации на Западе, но и постепенного отхода от нее в странах Востока, обладающих своими ресурсами, но выработавшими относительно высокий уровень культуры, чтобы перейти к постиндустриальным отношениям. К тому же эти страны (Россия, Китай и др.) уже нанесли по своей природе такие могучие удары, что наличие ресурсов не спасает их от экологических бедствий. Надо срочно преодолевать индустриализм и двигаться дальше.

Все эти процессы, как и в период падения Римской империи, будут стимулироваться напором нового переселения народов с Юга, которое будет сопровождаться созданием молодых революционных режимов, мечтающих о новой мировой революции.

Каковы могут быть принципы передового общества XXI века? Как мы уже говорили, в центре культуры окажется производство информации (в том числе «ноу хау», что повышает эффективность материального производства). Вторая важная черта – это падение рождаемости. Третья – усиление в обществе горизонтальных связей, доминирование самоуправления над управлением и гражданского общества над государственными структурами. При этом не исключено, что в условиях ослабления и паралича государственной власти именно органы регионального самоуправления, профсоюзы и другие общественные организации возьмут на себя ответственность за общество и станут основой социально-политической структуры.

Это общество не станет идеальным. Оно будет иметь свои острые противоречия (этноконфликты, борьба между самоуправляющимися общинами и «не вписавшимися» в них по разным причинам личностями) и проблемы (возможно – усиление мафий и др.) Но это общество по крайней мере не будет вести человечество к тотальной катастрофе, что дает шанс разобраться с остальными проблемами, найти лекарства, идти дальше. Другой вопрос сможет ли постиндустриальное общество достаточно окрепнуть, чтобы отразить удар с Юга. А это зависит от нас с Вами, от того, как скоро мы сможем добиться преобразования сверхиндустриального, сверхмонополистического, сверхбюрократического общества в общество экологическое, солидарное, информационное, гражданское, самоуправляющееся и демократическое в собственном смысле слова. Преобразовать не «в мировом масштабе», а здесь – по месту жительства.

Александр ШУБИН
1994 г.

ДАМОКЛОВ МЕЧ ЮГА

Демографический вызов XXI века

Современное западное общество по-своему уникально своей неэкономичностью. Доиндустриальные цивилизации брали у Природы гораздо меньше. Правда, это приводило к тому, что человек вынужден был прибегать к животному способу воспроизводства по принципу: высокая рождаемость – высокая смертность. Чтобы из большого количества детей хоть кто-то выжил. Природа и кровавые конфликты «скашивали излишних», пока с началом индустриальной эпохи человек не научился относительно эффективно сдерживать традиционные природные ограничители – голод и болезни. Это немедленно привело к демографическому взрыву и резкому росту совокупного потребления. Ведь рождаемость, основанная на старых культурных стереотипах, сохранилась, а смертность резко упала. Из традиционных «ограничителей численности» осталось только военное взаимоничтожение людей. Многократно увеличив поражающую силу оружия, «человеки разумные» подобно животным расчищают себе место под солнцем. Однако этот ограничитель и эпидемии «нового поколения» (СПИД и т. д.) недостаточны для решения проблемы – человечество все больше потребляет и все сильнее отравляет собственную среду обитания.

Рождаемость резко превышает смертность прежде всего в раннеиндустриальных странах. Сегодня население четырех стран – Китая, Индии, Пакистана и Индонезии, составляет почти половину населения всего мира. Но если в Китае темпы роста населения в последнее время снижаются, то в третьем мире его рост стремителен – во многих

африканских странах каждый год прибавляется 3–5% населения. Это означает удвоение каждые четверть столетия, несмотря на нищенские условия существования. Очень скоро мы будем иметь дело с новыми «демографическими гигантами».

Но где взять продовольствие и ресурсы для обеспечения этого огромного числа людей. И кажется, что спасение может быть только в массовом ограничении потребностей и рождаемости. Иначе XXI век станет в истории человечества последним. Перенаселение Земли и быстрая смена химического состава ее поверхности может привести к гибели всего вида «человек разумный».

Но не все обстоит так мрачно. Когда развитые индустриальные страны достигают определенного уровня развития, в них начинают вырваться принципиально новые явления, которые дают возможность снижать уровень потребления ресурсов без снижения уровня жизни. Прежде всего это – переход от общества потребления вещей к обществу потребления информации (этому способствует и начавшаяся в мире «компьютерная революция»). Поскольку информация, в отличие от вещей, может тиражироваться почти без затрат ресурсов, ее производство при прочих равных условиях гораздо более экономично. По мере развития общества структура потребления заметно меняется. Если средний турок расходует на питание 53 % зарплаты, то средний швед – 23 %. Это еще не говорит о духовности шведа, но по крайней мере свидетельствует о его больших возможностях в этом отношении в сравнении с турком.

Вызревание постиндустриального (информационного) общества имеет и важное демографическое последствие – снижение рождаемости в связи с общим ростом культуры (в том числе и сексуальной). Парадоксально, но факт: если в полуголодных странах Третьего мира в нормальной семье – 5-10 детей, то в сытой шведской семье, где оба родителя получают отпуск по уходу за ребенком – 1–2, что привело к остановке роста численности шведов. Я полагаю, что нельзя заставить африканцев рожать меньше детей. Но когда страны третьего мира в своем развитии достигнут уровня Швеции, то проблема отпадет сама собой (как отпала она в России в наше время).

Но времени на такое созревание нет. Расчеты показывают, что человечеству не хватает примерно полвека, чтобы «дождаться» снижения рождаемости в странах третьего мира благодаря их естественному развитию до уровня современной Европы. «Демографический взрыв» порождает чудовищные диспропорции в распределении населения на планете и может грозить новым «Великим переселением народов». Сейчас такое переселение уже началось в относительно мирных формах. Наиболее предприимчивые люди с одной стороны и наиболее наивные – с другой, покидают страны третьего мира в поисках счастья на Западе. До поры это было даже выгодно Западу – «люди второго сорта» удовлетворяли здесь потребности в чернорабочих. Но эта «экологическая ниша» была быстро заполнена, а приток иммигрантов не ослаб. Непривычные к индустриальной культуре выходцы с Юга часто воспринимаются на Западе как носители бескультурия, «варварства» (это не мудрено и если учесть низкий уровень жизни переселенцев). Турецкие кварталы, например – не самые чистые места германских городов. Ответная реакция в виде всплеска расизма не заставляет себя ждать. И вот уже европейские страны одна за другой принимают решения об ограничении въезда в страну. Как сказала Маргарет Тэтчер, «Европа это не проходной двор».

Но демографический взрыв в Азии и Африке продолжается, и пресечение «ползучего переселения» в «цивилизованные страны» может иметь неожиданные последствия. «Закупоренные» на своей территории развивающиеся страны дозревают до революционной эпохи, которую Европа проходила в XIX в., а Россия – в начале XX столетия. Тяжелая демографическая ситуация лишь усилит энергию революционного взрыва и пробивную силу возникающих в результате авторитарных и тоталитарных режимов. Это чревато «революционным походом» на Север против богатой Европы и Америки. Победа такого похода может отбросить мир назад на века.

Понимая угрозу, Запад пытается «ускорить» развитие Азии и Африки насаждением там стандартной западной модели общества. Такое «ускорение» с помощью «Большой дубинки»

только тормозит третий мир, поскольку перед каждой из его стран стоят свои индивидуальные задачи, которые гораздо сложнее обыденных представлений западных журналистов и президентов. В итоге гуманитарные акции быстро перерастают в военную интервенцию и, как ответ – в национально-освободительные войны, как это было в Сомали.

Помощь Третьему миру в развитии может оказываться только мирным путем (иначе неизбежна «патриотическая» реакция) и только с учетом конкретно-исторической ситуации в каждой стране. Кстати, принципы такого тактичного вмешательства были в свое время прекрасно описаны в сочинениях братьев Стругацких, посвященных прогрессорству. Главная задача современного прогрессорства – сохранение и развитие культуры, причем не вестернизированной, а местной.

Ускорение развития страны может быть органичным, если оно будет основываться на культуре, присущей данной стране, на приспособлении к новой эпохе структур, вызревших в обществе. Классический пример такого ускорения – Япония, где к нуждам индустриального развития удалось приспособить общинную корпоративность традиционного общества. В итоге страна совершила относительно безболезненный рывок с уровня развития, на котором тогда находилась и Россия, к порогу постиндустриальной цивилизации.

Укрепление общинных традиций, прежде всего их демократических составляющих (самоуправление, социальная взаимопомощь и др.) может способствовать стабилизации и российского общества. Несмотря на то, что Россия уже «вышла из того возраста», когда стране угрожает «демографический взрыв», ускорение ее развития также жизненно важно для всего мира. Миссия среднеразвитых стран (Россия, Китай, часть Восточной Европы, часть Латинской Америки) – смягчать и сдерживать столкновение Севера и Юга, сохранять и впитывать достижения цивилизации, которая может оказаться под угрозой на Западе. Это может позволить Среднеразвитым странам стать основой для возрождения мировой цивилизации после демографических бурь XXI века.

Александр Шубин
1994 г.

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ

В последнее время перед человечеством зримо встала перспектива экологической катастрофы, то есть быстрого сокращения численности вида *homo sapiens* за счет резкого роста смертности. Экологическая катастрофа может стать результатом стихийного развития человеческого сообщества, и задача экологического движения (и не только его) – противопоставить разум стихии «цивилизованного общества».

ДВА ПОДХОДА

В решении этой проблемы возможны два подхода: социально-экологический (реформистский) и биолого-экологический (элитарный). Они основаны на принципиально различных постулатах, которые, несколько упрощая, можно выразить так:

Социально-экологический подход: экологический кризис и перспектива экологической катастрофы связаны с конкретной формой человеческой цивилизации (структуры общества и господствующих в нем ценностей). Преодоление экологического кризиса возможно на пути изменения формы цивилизации.

Биолого-экологический подход: экологический кризис и перспектива экологической катастрофы неизбежное следствие человеческой психологии в ее массовых проявлениях. Преодоление экологического кризиса невозможно, экологическая катастрофа неизбежно

уничтожит большую часть населения.

Из этого различия следуют принципиально разные выводы в отношении социальных проблем. Социально-экологический подход видит причину экологических бедствий в авторитарной индустриальной форме цивилизации, при которой возможна концентрация энергии в руках узкой отчужденной от общества элиты. Последствия этого очень велики – благодаря решениям этой элиты возможны серьезные нарушения энергетического (а значит и экологического) баланса, разрушительные диспропорции в природной среде.

Соответственно, и преодоление авторитарной индустриальной формы цивилизации возможно на пути усиления в обществе демократических начал, самоуправления, вовлечения широких слоев людей в принятие решений, просвещение этих слоев для того, чтобы принятие решений было как можно более компетентным. Люди, на которых воздействуют властные решения, должны непосредственно влиять на процесс их принятия. Это по крайней мере сделает «власть» заинтересованной в минимизации издержек для большинства жителей. А где есть интерес, там возникает и соответствующее информационное и культурное обеспечение этого интереса. Таким образом социально-экологический подход принципиально антиавторитарен и апеллирует к здравому смыслу широких слоев населения, нацелен на участие в политической жизни, участие в выборах и т. д.

Биолого-экологический подход предполагает иную логику: большинство населения не в состоянии воспринять наши идеи, оно враждебно им и обречено на вымирание. Поэтому сдерживать кризис может только просвещенное меньшинство, элита. Более эффективным это сдерживание будет, если элита получит в руки рычаги авторитарной власти. Получить их с помощью выборов нельзя, поэтому следует либо внедрять своих людей в бюрократические структуры, либо опираться на поддержку «цивилизованных стран».

КОНТУРЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФОРМАЦИИ

Каковы могут быть главные направления реформ, вытекающие из социально-экологических постулатов? Может быть для предотвращения катастрофы достаточно лишь западного уровня «демократии»? Сомнительно. Экологическая ситуация на Западе хоть и лучше нашей, но далеко не безупречна. К тому же экологическое и экономическое благосостояние Запада во многом поддерживается за счет стран Третьего мира. Увы, но Западное общество, как и наше, является индустриальным, пронизанным на всех уровнях духом управления, господства над личностью и природой со стороны элиты – будь то подчинение рабочего менеджеру на производстве или подчинение сознания манипуляциям средств массовой информации. Современное индустриальное общество является не просто авторитарным, а сверхуправляемым. Более тесно связанные с природной средой группы населения отчуждаются от компетентного участия в принятии касающихся их (в том числе здоровья их членов) решений.

Может быть сверхиерархичное индустриальное общество – «недоразумение», от которого можно избавиться мгновенно, просто объяснив людям, что «так жить нельзя»? Увы, иерархия обусловлена вполне объективным опережением человеческих потребностей по отношению к возможностям общества. Уж так человек устроен – абстрактное мышление заставляет его мечтать о том, чего еще нет у него в руках. И пока человек мечтает прежде всего о материальных благах (а это будет продолжаться, пока он этими благами не насытится), общество будет концентрировать усилия для добывания все новых и новых энергетических возможностей. А это невозможно без иерархии и специализации. Чем больше концентрация энергии (а с ней – и экологические дисбалансы), тем сильнее иерархия и специализация, тем более одномерен человек и отчуждена от общества элита.

Так возникает тесная увязка иерархической культуры и «вертикальной», управляемой структуры общества. Соответственно, и индустриальная структура общества тесно связана с технократическим сознанием, предполагающим подконтрольность сил природы человеческому разуму. Распространение технократической идеологии в качестве

«нормальной», «общепринятой» происходит целенаправлено, так как эта идеология соответствует властным и имущественным интересам правящей элиты, отчужденной от остального общества и от природной среды. Технократическая культура, культура материального потребления, таким образом, становится инерционной силой, продолжающей раскручивать механизм энергопотребления-укрепления управляемого общества уже тогда, когда основные материальные потребности общества удовлетворены, и возникает возможность развития прежде всего информационно-духовных его потребностей (что предполагает при прочих равных условиях меньшее энергопотребление, так как информация делима без значительных материальных затрат).

Есть ли выход из замкнутого круга, в котором сложившаяся социальная структура упорно воспроизводит сама себя? Судя по опыту стран, опережающих Россию в своем развитии, отчуждение индустриального общества все же постепенно смягчается, растет влияние групп, не входящих в правящую элиту, «вертикализация» общества снижается, становится менее напряженной демографическая ситуация. Такие изменения благоприятно сказываются и на состоянии природной среды. Это дает шанс на выход из острого экологического кризиса, «граничащего» с экологической катастрофой. Эти перемены на Западе стали возможными благодаря систематической и иногда весьма решительной борьбе общественных организаций и реформистских партий против государственных и финансовых институтов. Опыт этой борьбы и осмысление причин кризиса современной индустриальной системы помогает сформулировать основные направления социально-экологической реформы.

Во-первых, социально-экологическое движение должно бороться за вытеснение управленческих структур самоуправлением, усиление роли локальных интересов, теснее связанных с конкретной природной средой. Это может достигаться как путем «лоббирования» в пользу соответствующего законодательства, так и проведения просветительских программ, позволяющих населению освоить технику самоуправления и понять его преимущества. Одновременно экологическое движение должно, на мой взгляд, поддерживать создание самоуправляющихся организаций (общин, предприятий, поселений, причем необязательно специфически экологических). Действительное самоуправление при доступе к экологической информации неизбежно тяготеет к экологичности.

Во-вторых, политическая задача социально-экологического движения – ограничение функций централизованной бюрократии в пользу общественных институтов и представительных органов власти, поскольку исполнительная власть (кроме специализированных экологических органов, которые должны быть скорее не исполнительными, а контрольными) в силу своих объективных интересов всегда противостоит экологическим приоритетам. Зависимость исполнительной власти от представительной не только снижает уровень авторитаризма в обществе, но и усиливает роль низовых гражданских движений, в том числе экологических. Идея выдвинуть и добиться избрания «экологического президента» гораздо дальше от воплощения, чем планы получить сильную фракцию в парламенте, способную влиять на курс правительства. Таким образом, как эта мысль не покажется далекой от экологии, при прочих равных условиях экологи должны выступать за правительство, ответственное прежде всего перед парламентом, а не перед президентом. Это, конечно, не значит, что парламентская система является идеальной. Мы должны выступать за постепенную передачу полномочий всех центральных органов (в том числе и парламентских) на места, за усиление региональных институтов. Но за несколькими важными исключениями, о которых ниже.

В-третьих, с точки зрения экологического движения предпочтительнее децентрализация экономической структуры, общественная поддержка альтернативных индустриальным форм жизни и «чистых» технологий, технологической демонополизации и разукрупнения. Например, пока преобладает централизованное энергоснабжение, переход к «альтернативной энергетике» остается утопией. Целенаправленная политика демонополизации и экологический контроль за качеством потребления невозможны без

вмешательства общества в отношения собственности, без общественного регулирования экономики, то есть без элементов социализма в изначальном, небольшевистском значении этого слова.

И, наконец, в-четвертых, общее стремление «зеленых» к самоуправлению, регионализации, разгосударствлению и децентрализации не должно означать немедленного демонтажа и радикального разрушения государственных структур, воспринимаемых подчас «радикальными» экологистами как «временное недоразумение». Многие функции государства будут сохраняться длительное время по двум причинам: во-первых, экологический кризис носит глобальный характер, и для его сдерживания локальных мер не достаточно; во-вторых, технократическое и авторитарное сознание может реализовываться и через структуры самоуправления. Несмотря на то, что самоуправление как таковое способствует антиавторитарным тенденциям, легко себе представить вырождение какой-либо общины в очень деспотичное, замкнутое и, кстати, экологически опасное сообщество. Так, например, некоторые общины индейцев в Америке готовы хранить у себя радиоактивные отходы за плату несмотря на протесты соседей. Своя рука владыка – эти общины автономны. Этот пример и многочисленные примеры нашего «парада суверенитетов» показывают, что автономия самоуправляющихся сообществ на нынешнем уровне развития культуры должна быть ограничена обязательствами перед обществом в целом с помощью федеральных стандартов – экологических, социальных и гражданских. Нарушение одного из двух последних неминуемо воспроизводит авторитарную систему, являющуюся при современном уровне знаний и технологических возможностей мотором экологического кризиса. Решения по поводу поддержания этих стандартов должны приниматься не исполнительной властью, которая заинтересована в их нарушении, а отдельной контрольной властью, специализирующейся только на поддержании законодательно установленных стандартов и обладающей безусловным правом вето в отношении любых решений и соответствующим аппаратом принуждения. Незыблемость основных стандартов будет способствовать укреплению права как такового, поможет перейти в режим его автоматического соблюдения, обусловленного не страхом перед правоохранительными органами, а культурной традицией. Это, в свою очередь, поможет перейти от законодательства к преобладанию договорного права.

Понятно, что это лишь штрихи к портрету экологической реформы, ее основные «киты» – самоуправление, приоритет представительной власти над исполнительной, общественное регулирование, децентрализация, стандарты и прочность права. Конкретные формы реформ производны от них и разнообразны.

ЧТО ТАКОЕ ЭКОЛОГИЯ

Все эти реформистские проблемы до недавнего времени мало интересовали представителей биолого-экологического течения и воспринимались как чуждая экологии (понимаемой скорее как биология) политика. Поскольку попытки решения экологических проблем постоянно натывались на стену исполнительной власти, то и наиболее эффективной политикой среди экологов считалось внедрение «своих людей» в административные органы.

Однако для людей, сходящих во власть, становится ясно, что бюрократический аппарат легко парализует активность «агентов экологического движения». И тогда возник своеобразный синтез биолого-экологического и социально-экологического подхода, который, однако, пока нельзя признать удачным. В силу своей непоследовательности новая концепция унаследовала от биолого-экологического подхода его элитаризм. Суть этой концепции такова: раз уж безумный мир обречен, нужно объединить всех, кто понимает опасность, кто «не желает мириться с самоубийственной практикой большинства» в альтернативное общество, живущее в соответствии с экологическими законами. Это альтернативное общество станет «ноевым ковчегом» цивилизации.

От этой идеи – один шаг до социально-экологического подхода. Если альтернативное

общество будет готово стать опорой движения за преобразование существующего социума, этот шаг будет сделан. Увы, сторонники концепции альтернативного общества считают, что «политическая активность, участие в борьбе за власть, лоббирование, реформирование в рамках существующих государственных и межгосударственных образований... не способны привести к изменениям, необходимым для достижения социальной гармонии в обществе и экологической устойчивости природных сообществ». Не лезть в систему власти, не «лоббировать», не реформировать «в рамках» (а вне рамок и нельзя реформировать). Остается только пропаганда и акции прямого действия. Несмотря на декларативное отрицание замкнутости и элитаризма, это означает именно замкнутость, оторванность от общества большинства. Иначе придется и «лоббировать», и бороться за реформирование.

Очевидно, что земельный участок, входящий в конфедерацию «альтернативного общества», вряд ли будет экологически чистым, если рядом стоит грязный химический завод. Попытки атаковать именно этот завод, не обращая внимание на преобразование общества в целом, также обречены. Это показал опыт многих наших «радикальных акций», принесших отнюдь не радикальные результаты. Оставляя корни системы невредимыми, нельзя выхолотить ростки в виде многочисленных монстров индустриализма.

Отдельный вопрос, будет ли построенное искусственно альтернативное общество свободным от авторитаризма. Как будет организовано это общество? «Как биоценоз» – слышится в ответ. Интересно, кто в нем будет играть роль хищников?

Пора вспомнить, что экология – не часть биологии, а наука о взаимоотношении человеческого общества и его среды обитания (экология – «наука о доме», обратите внимание – даже не о «природе»). Это социально-естественная наука, социально-биологическая, если хотите. Доказывать что-то в экологии механическим перенесением законов биологии на общество можно с тем же успехом, как и объяснять с помощью этих законов астрономические явления. Именно поэтому экология должна исходить из взаимодействия социальных и биологических законов. Если вы концентрируете свое внимание на программе биоразнообразия – вы должны прежде всего применять биологические инструменты, но если речь зашла о вмешательстве в общественные дела, о воздействии на социум – экология разворачивается своей социальной стороной. И государство становится не «недоразумением», как считает часть экологистов, а очень важной, прочной и обусловленной тысячей причин болезнью, лечить которую можно только имея соответствующие знания, только постепенно и только внедряя свои инструменты внутрь этой болезненной опухоли. И здесь уже без политики не обойтись.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТАКТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ ОПОРА

В нашей стране в силу ряда причин сформировалась модель индустриального общества, отличающаяся особенно высокой концентрацией управления в руках технократической элиты. Распад этой модели не привел к благоприятным последствиям в отношении среды. Технократическая элита пыталась решить проблемы, возникавшие в результате существования сверхгосударственной системы и ее трансформации, за счет несдерживаемой эксплуатации природных ресурсов. Тяжелое положение, возникшее в стране к концу XX века, снижает реально существующие возможности избежать глобальную экологическую катастрофу. У нас просто не остается времени, чтобы благоприятные стратегические тенденции перехода от индустриального к постиндустриальному обществу реализовались сами собой или при минимальном вмешательстве общественности. Страна может раньше превратиться в экологическую пустыню.

Так возникает важная дилемма: слишком медленно реформировать общество нельзя – можно просто не успеть. Но господствующие силы общества насквозь пропитаны авторитарной культурой и не дадут реформировать общество быстро, если не будут подвергаться давлению извне. Именно давлению, потому что попытка «революции», предпринятая радикальным меньшинством лишь воспроизводит авторитарную систему.

Стало общим местом утверждение о том, что экологическое движение недостаточно влиятельно, потому что оно защищает не конкретный слой людей, а всех сразу, притом что эти «все» не видят в этой защите своей выгоды. В итоге экологи «зависают», теряя свою социальную опору. Между тем без воздействия мощной социальной силы махину индустриального общества не изменить.

Какие же силы могут давить на структуру общества? Лишь те, которые в силу своей структуры связаны с самоуправлением, которые составляют костяк гражданского общества, а не государства или хозяйственных корпораций. Речь идет о тех слоях, которые достаточно компетентны, чтобы участвовать в управлении собственным производством (я имею в виду не только традиционное материальное производство, но и производство информационной продукции). Понятно, что эти социальные группы станут внушительной силой, осознают свой «классовый интерес» (и тогда можно будет говорить об образовании гражданского «класса» как основы гражданского общества) лишь по мере развития культуры.

Сегодня эта новая общественная сила формируется вместе с гражданским обществом – сетью организаций, независимых от государства и хозяйственных монополий. Помимо экологических движений в эту сеть входят профсоюзы, правозащитные организации и общества потребителей, органы самоуправления на производстве, небольшие фирмы, лишенные жесткой иерархии внутри себя, самоуправляющиеся поселения, некоторые комитеты самоуправления в городах, малые партии, напоминающие скорее политические клубы и т. д.

Но поскольку социальный интерес этого слоя еще только формируется, эти организации раздроблены, не осознают себя как общность, относятся друг к другу с недоверием. Задача экологического движения – помочь сближению этих сил, отказаться от собственной ограниченности и узкой специализации. Принцип многих экологов «все что не касается непосредственно экологии – не касается и нас» порочен в корне. Никогда не удастся вылечить экологические болезни, не трогая их социальных корней. Призывы «зеленых» мыслить глобально касаются не только географии, но и сферы мышления – экологи должны думать обо всем: о правах беженцев и вопросах государственного устройства, обсуждать минимум зарплаты и положение в Сербии. Все это связано с экологией и необходимо для нашего дела, в том числе для поиска союзников, без которых наше движение не сможет стать достаточно влиятельным для выполнения своих задач. Социальная трансформация, способная снизить остроту экологического кризиса, может проводиться в союзе с теми социально-политическими силами, которые не считают экологические проблемы приоритетными, но разделяют конкретные программные положения социально-экологического движения.

Поиск политических союзников – дело сложное. И здесь бытуют две основные ошибки, которые, как правило, делают одни и те же люди. Первая ошибка – отказ от собственного лица в политике и поддержка всех, кто на каком-то этапе одобряет какие-то экологические лозунги и программы. При отсутствии собственного лица это приводит лишь к проталкиванию в систему власти людей, забывающих об экологии сразу после того, как «попользовались» поддержкой экологов. На эти грабли движение наступило в 1989–1990 гг., но наши «аполитичные» товарищи хотят наступать на них снова и снова.

Вторая ошибка – попытка объединить «всех экологов» в единый фронт. Но среди людей, которые считают себя экологами – представители самых разных направлений, придерживающиеся диаметральных представлений по общественным вопросам от гайдаризма до национал-радикализма. Постоянно всплывают новые группы граждан, желающие, как например «кедровики», использовать экологическую вывеску в своих отдельных целях. Таким образом блок «всех экологов» представляется мне беспринципным.

Для эффективного воздействия на систему власти наиболее целесообразным может быть сближение социально-экологических сил (то есть социально ориентированных экологов) с другими гражданскими и социально ориентированными (лево-центристскими,

социал-демократическими в подлинном смысле этого слова) общественными и политическими организациями. Осознав свои политические приоритеты, мы должны сближаться с теми, кто эти приоритеты разделяет, а не с теми, кто разделяет лишь кусочек нашего названия.

Александр Шубин
1994 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТЕЗИСЫ к предвыборной платформе ФНПР

1. Почему профсоюзы идут на выборы?

Профсоюзы – не политическая организация. Они объединяют наемных работников для защиты их социально-экономических интересов: права на труд, на достойные условия и размер его оплаты, на социальную поддержку со стороны государства.

Наше главное оружие в этой борьбе – коллективные договоры и соглашения между работниками и работодателями. По инициативе Федерации Независимых Профсоюзов России, входящих в нее профобъединений в стране действует целая система таких договоров, начиная с Генерального Соглашения между Правительством РФ, профсоюзами и предпринимателями и кончая коллективными договорами на каждом предприятии. Система социального партнерства призвана гарантировать соблюдение прав трудящихся.

Но сегодня она практически не работает из-за безответственности властей и работодателей. По их вине на плечи трудящихся взвалена вся тяжесть проводимых в стране реформ. Да и сами результаты подобного реформирования вызывают все большую тревогу.

1.1. Продолжается спад промышленного и аграрного производства и рост инфляции. Разрушается структура отечественной промышленности: в первую очередь гибнут предприятия наиболее передовых отраслей, обеспечивавших технологическое развитие и независимость страны – оборонная промышленность, точное приборостроение и машиностроение. Топливо-энергетический комплекс, бывший на протяжении многих лет источником национального богатства, растаскивается под давлением региональных интересов. Сельское хозяйство, лишенное поддержки перед лицом импортной интервенции, резко снизило свою продуктивность. Потерпел крах план повальной фермеризации страны; колхозы и совхозы объявлены «неперспективными» и брошены на произвол судьбы.

1.2. Общий спад производства и бюджетный дефицит привели к глубокому кризису отечественной науки, культуры, системы образования и здравоохранения, финансируемых по остаточному принципу. Следствием этого явилась серьезная духовная деградация общества.

1.3. Экономические реформы по сути свелись к либерализации (росту) цен и неупорядоченной приватизации бывшей общенародной собственности. Вопреки заверениям, это не привело ни к росту производства и качества продукции, ни к превращению трудящихся в подлинных совладельцев своих предприятий. Собственность все больше сосредотачивается в руках нескольких неподконтрольных обществу финансовых групп, капитал перетекает из сферы производства в сферу обращения. Возрастает отчуждение трудящихся от средств производства и продукта своего труда, растет криминализация экономики, спекуляция и вывоз из России ресурсов и капиталов.

1.4. Такие реформы привели к невиданному падению уровня и качества жизни населения:

– рост заработной платы, стипендий, пенсий и пособий резко отстает от роста цен; установленный Государственной Думой размер минимальной оплаты труда перестал играть

сколь-нибудь регулирующую функцию. В результате сегодня 47 миллионов граждан живут за чертой бедности; происходит неуклонное сокращение числа рабочих мест. Сегодня 10 миллионов человек не имеет работы. На карте России появились зоны социального бедствия, где на одно рабочее место претендуют сотни людей;

– настоящей бедой стала хроническая невыплата государством и работодателями задолженности по заработной плате. В апреле эта задолженность составляла 5,6 трлн. рублей.

– несмотря на спад производства продолжает ухудшаться экологическая ситуация. 17 % территории страны по экологическим причинам не пригодны для нормального проживания. Из-за несоблюдения работодателями требований экологической и технической безопасности растет производственный травматизм. Аварии на производстве и транспорте убивают и калечат ежегодно сотни тысяч людей;

– резко снизилось качество медицинского обслуживания. Отсутствие либо чрезмерно высокая цена лекарств уже стали причиной смерти многих больных;

– миллионы людей потеряли трудовые сбережения, свои права на собственность в результате резкого роста цен, разрекламированных государственным телевидением мошеннических операций с ваучерами и акциями;

– переход в государственное управление пенсионного фонда и фонда социального страхования привел к резкому росту бюрократического аппарата этих организаций, потерей общественного контроля за расходованием средств. Миллионы людей лишились возможности получать нормальную пенсию, отдыхать и оздоравливаться в санаториях и домах отдыха. Под угрозой развала – система летнего отдыха детей и подростков.

– резко сократился доступ трудящихся к благам культуры, повсеместно закрываются бесплатные клубы и библиотеки, дома культуры и народного творчества. Потерян престиж честного труда, престиж образования и квалификации, теряется вера людей в собственные силы, в свою страну, в будущее своих детей.

1.5. ФНПР, профсоюзы России не могли и не могут мириться с подобными процессами. Повсеместно они выступили в качестве организаторов коллективных действий трудящихся – собраний и митингов, пикетов и забастовок. Десятки тысяч рабочих и служащих при поддержке своих профсоюзных комитетов подали иски в суды с требованиями выплаты задолженности по заработной плате, восстановления их трудовых прав.

Профсоюзные органы всех уровней неоднократно обращались к Президенту, Правительству РФ, главам администраций, руководителям предприятий с конкретными предложениями по решению социально-экономических проблем.

Мы никогда не отказывались от переговоров и полностью прошли свою часть пути. Не наша вина, что диалог не приносит успеха.

В апреле 1994 г. свыше 2,5 миллионов россиян поставили свои подписи под Первомайскими требованиями профсоюзов, 27 октября 1994 г. и 12 апреля 1995 г. миллионы наших сограждан участвовали по призыву ФНПР во Всероссийских коллективных акциях.

Но Правительство пошло лишь на частичные уступки, не меняющие сути нынешней ситуации. Новые долги по зарплате растут быстрее, чем гасятся старые, вопреки обещаниям бумажных программ останавливаются предприятия и растет безработица.

Все больше людей сегодня убеждается: виной нынешнего кризиса – не конъюнктура рынка, не промахи и ошибки реформаторов, а сам социально-экономический курс правительства – курс на реформы исключительно в интересах меньшинства «новых русских» за счет огромного большинства населения страны. Свидетельством тому – все возрастающая дифференциация доходов, разрыв общества между полюсами ужасающей бедности и непомерного богатства.

Профсоюзы не против реформ. Мы понимаем необходимость модернизации экономики, всего уклада жизни, с тем, чтобы преодолеть технологическое отставание от Запада, сделать людей богаче и свободнее. Но для этого нужны совсем другие реформы. Необходим новый курс, ставящий во главу угла интересы трудящихся, отечественных

товаропроизводителей.

Наши попытки внести коррективы в проводимые преобразования, придать им социальную направленность, в том числе путем взаимодействия с фракциями Думы, не достигли успеха. Дума покорно шла в хвосте у Правительства, пренебрегая нуждами людей во имя «большой политики».

Вместо того, чтобы помочь нашей борьбе за право на труд и зарплату, думская оппозиция пыталась использовать «профсоюзную карту» в игре с властью.

Поэтому сегодня мы поднимаем лозунг непосредственного представительства трудящихся в органах законодательной власти. Мы будем бороться за то, чтобы наши представители вошли в новый состав парламента, чтобы голос трудящихся и их профсоюзов играл решающую роль в выработке новой социально-экономической политики.

Наша платформа должна лечь в основу действий будущей левоцентристской коалиции, в основу нового курса реформ.

2. Чего мы добиваемся?

Связанные с профсоюзами жесткими обязательствами, наши представители в Думе будут добиваться практической реализации принципов:

2.1. Социального государства, предполагающего:

– гарантированное право на труд для каждого взрослого здорового гражданина и проведение государством политики стабильной занятости (принятие энергичных мер по сдерживанию безработицы, создание новых рабочих мест в общественном секторе экономики, налоговое поощрение создания рабочих мест в негосударственном секторе, организацию разветвленной системы планирования трудовых ресурсов и переквалификации кадров, жесткий контроль профсоюзов на всех уровнях за увольнениями и сокращением производства);

– гарантированную справедливую оплату труда, включая установление минимальной заработной платы на уровне выше официально рассчитанного с участием профсоюзов прожиточного минимума, обеспечение справедливых пропорций оплаты труда для работников разных секторов экономики по принципу: за одинаковую работу одинаковая зарплата и – более высокая зарплата за более квалифицированный труд;

– гарантированное от смерти до рождения право на получение гражданином пособия в размере прожиточного минимума, если он не может трудиться по независящим от него причинам;

– гарантированное право каждого гражданина на отдых и восстановление здоровья за счет работодателя, включая ежегодный оплачиваемый отпуск и при необходимости санаторно-курортное лечение;

– право каждого гражданина на бесплатное образование – среднее – для всех, среднее-специальное и высшее – по конкурсу и на бесплатную переквалификацию в случае потери работы;

– гарантированное государственное пенсионное обеспечение на уровне не ниже прожиточного минимума по старости и инвалидности;

– гарантированное бесплатное медицинское обслуживание в экстренных случаях и при хронических заболеваниях (включая частичную или полную оплату лекарств для необеспеченных граждан);

– право на обеспечение жильем по государственной норме площади на человека;

– наличие государственных программ адресной поддержки наиболее уязвимых групп населения: инвалидов, ветеранов, молодежи, детей, многодетных и неполных семей и т. п.

– проведение налоговой и кредитной политики, поощряющей квалифицированный труд, науку, культуру, производственное вложение капитала, благотворительность.

2.2. Экономической демократии, предполагающей:

– участие трудящихся через систему коллективных договоров и соглашений в

определении условий труда и его оплаты; обязательность для работодателей вести переговоры с объединениями трудящихся, заключать с ними коллективные договоры и соглашения;

– безусловное право наемных работников, лиц свободного труда, ассоциированных товаропроизводителей и их объединений на защиту своих социально-экономических интересов в органах государственной власти и непосредственно путем организации на основе закона коллективных действий вплоть до забастовок;

– участие трудящихся через свои профсоюзы и иные представительные органы в управлении предприятием, контроле за распределением прибыли и инвестиций, в определении дальнейшей судьбы предприятия – независимо от формы собственности;

– участие объединения трудящихся и ассоциаций работодателей на паритетных началах в формировании социально-экономической политики государства, установлении социальных гарантий;

– государственный контроль при участии объединений трудящихся за инвестициями, уровнем цен, экспортно-импортными операциями;

– сохранение сильного общественного сектора экономики (включая государственные, муниципальные, коллективные и смешанные предприятия), его модернизацию, повышение роли трудовых коллективов и профобъединений трудящихся в управлении предприятиями общественного сектора;

– подлинное равенство всех форм собственности и равную ответственность работодателей за сохранение и развитие общественного производства, создание нормальных условий труда и его оплаты.

2.3. Личной безопасности граждан, включая:

– гарантированную неприкосновенность личности, жилища и собственности;

– борьбу с преступностью, включая полное уничтожение организованной преступности, активную профилактику правонарушений;

– гарантированную защиту от экологической опасности и аварий на производстве, ужесточение государственного контроля за нарушением экологической и технической безопасности, придание необходимых прав контроля общественным объединениям граждан; безоговорочную и полную оплату вреда, нанесенного потерпевшему за счет нарушителя, а при его неплатежеспособности – за счет государства;

– гарантированное право и возможность самообороны, защиты личности, здоровья, собственности, чести и достоинства.

2.4. Политической демократии, включая:

– безусловное соблюдение неотъемлемых прав и свобод граждан: права на жизнь, на получение и распространение информации, на владение имуществом и передачу его по наследству, свободу вероисповедания, общественной и политической деятельности;

– выборность и сменяемость всех органов государственной власти, разделение законодательной, исполнительной и судебной власти, функций главы государства и ветвей власти, подконтрольность и подотчетность исполнительной власти органам законодательной (представительной) власти соответствующего уровня;

– свободу печати и средств массовой информации, обеспечение их независимости от государственных и коммерческих структур, гласность в деятельности всех органов государственного управления;

– свободу деятельности добровольных общественных объединений граждан, обеспечение для них возможности контролировать работу органов государственной власти и управления, пропагандировать свои идеи среди населения;

– четкое разграничение полномочий между центральной властью и субъектами федерации (обеспечение равноправия всех субъектов федерации) укрепление структур местного самоуправления;

– решение важнейших вопросов жизни страны, включая изменение Конституции, перераспределение полномочий между ветвями власти, центром и регионами, изменение

общественного строя, в том числе путем изменения формы собственности на значительную часть предприятий и т. п. – исключительно на всенародном референдуме.

2.5. Национальной безопасности, включая:

– укрепление обороноспособности страны, исходя из принципов сохранения стратегического паритета со странами НАТО и КНР и обеспечения оборонной достаточности;

– проведение активной внешней политики, направленной на сохранение мира и стабильности в Евразии, реинтеграцию республик бывшего СССР (включая в последующем поэтапное мирное восстановление союзного государства), поддержку постоянных стратегических союзников России;

– укрепление единого федеративного государства при жестком соблюдении прав и интересов субъектов федерации, наций и народностей РФ, борьбу с проявлениями сепаратизма и национализма;

– запрет и пресечение деятельности экстремистских организаций, разжигающих религиозную, национальную и социальную вражду, призывающих к насильственному свержению конституционного строя, террору и дискриминации граждан;

– защиту национальной культуры, борьбу с пропагандой насилия и порнографии, сотрудничество государства с традиционными для России конфессиями в деле защиты национальной духовности;

– сотрудничество с другими государствами в борьбе с мафией и международным терроризмом.

3. Наши союзники и оппоненты

В борьбе за реализацию этих целей наши депутаты будут сотрудничать с представителями всех социально-ответственных, патриотических сил, выступающих за дальнейшее демократическое преобразование общества и утверждение принципов гражданского мира и согласия. В Государственной Думе и вне стен парламента мы будем стремиться сформировать широкую коалицию с участием левоцентристских партий, общественных движений, выступающих в защиту гражданских, социальных и экологических прав людей.

Нам не по пути с теми, кто вверг страну в хаос экономического экспериментирования, предал идеалы демократии и национальные интересы России.

Но мы будем выступать и против тех, кто использует тяжелое положение трудящихся в собственных авантюристических целях, кто зовет нас к диктатуре, реставрации тоталитарного режима, безграничной власти партийной и государственной бюрократии, пытается подчинить своему контролю рабочее движение.

Вместе с нашими союзниками мы готовы взять на себя ответственность за судьбу России, принять участие в формировании коалиционного правительства народного доверия, предложить новый курс социально-экономического развития.

Но и в том случае, если мы окажемся в меньшинстве в новом составе Государственной Думы, голоса, отданные за профсоюзных кандидатов, не пропадут.

Мы будем добиваться принятия законопроектов, жизненно важных для спасения отечественного производства, для всех трудящихся.

4. Какие шаги предлагают профсоюзы для выхода из кризиса?

4.1. Мы считаем, что для преодоления системного экономического кризиса необходимо активное использование механизмов государственного регулирования:

– изменение налоговой системы: снижение налогового бремени для предприятий-производителей конкретной продукции, учреждений образования, здравоохранения и культуры и налогообложения на капитал, инвестируемый в производство

за счет увеличения налогов на торгово-посредническую деятельность и экспортно-импортные операции;

– протекционизм, защита отечественного производителя, ограничения импорта производимых в стране товаров;

– государственное регулирование цен на сырье, энергоносители, товары первой необходимости и продукцию предприятий-монополистов;

– ограничение доходов в высокомонополизированных отраслях и сверхдоходов;

– ужесточение контроля за использованием государственной собственности;

– предоставление кредитной поддержки малому и среднему бизнесу;

– создание комплексной программы развития наиболее перспективных отраслей народного хозяйства, способных своими заказами «вытянуть» другие отрасли – наукоемких производств, «оборонки», жилищного строительства;

Эти меры должны сочетаться с поощрением личной инициативы граждан: снятием косвенных ограничений с трудовых доходов, поддержкой индивидуальной трудовой и производственной предпринимательской деятельности.

4.2. Необходимо навести порядок в вопросах собственности:

– определить перечень отраслей и объектов, которые в силу монопольного положения и общенационального значения могут находиться только в исключительной собственности государства (предприятия топливно-энергетического комплекса, добывающие стратегическое сырье, энергетика, железнодорожный и авиационный транспорт и т. п.);

– провести проверку законности приватизации объектов народного хозяйства, соблюдения при этом прав трудовых коллективов и в случае выявления нарушений вернуть эти предприятия в государственную собственность;

– определить, что земля (в том числе и находящаяся в пожизненном владении граждан) является общенародной собственностью и не может быть предметом купли-продажи, кроме как продажа ее государству и приобретение у государства;

– закрепить и гарантировать права законно приобретенной частной и коллективной собственности.

4.3. Необходимо принять комплексные государственные программы развития науки, культуры, образования, государственной и страховой медицины. Перейти от остаточного к приоритетному принципу бюджетного финансирования этих отраслей.

4.4. В целях обеспечения социальной защиты населения:

– принять государственный закон о прожиточном минимуме, устанавливающий порядок расчета государственными органами совместно с профсоюзами минимального набора товаров и услуг, необходимых для нормального питания, проживания, охраны здоровья и пользования благами культуры. Определить, что размер минимальной зарплаты во всех секторах экономики, пенсий и стипендий не может быть ниже прожиточного минимума;

– принять закон о защите заработной платы и порядке индексации задержанной заработной платы, предусматривающий жесткие санкции к виновным в задержке заработной платы (вплоть до уголовной ответственности) и компенсацию потерпевшим;

– провести компенсацию вкладов населения, потерянных в результате либерализации цен в январе 1992 г.;

– принять закон о зонах социального бедствия, определив, что к таким относятся регионы, где уровень безработицы оказался вдвое выше или среднедушевой доход населения вдвое ниже, чем в среднем по России, и предусмотрев введение на таких территориях прямого государственного управления предприятиями, регулирование цен, оказание помощи из федеральных фондов;

– принять научно обоснованную государственную программу занятости и закон о защите занятости, предусматривающий применение к предприятиям, проводящим необоснованные сокращения, санкций, вплоть до санации по процедуре банкротства;

– вернуть средства государственного пенсионного фонда и фонда социального

страхования в управление профсоюзов, под контролем государственных органов;

– ратифицировать конвенции Международной Организации Труда и привести в соответствие с ними законодательство РФ.

4.5. В целях укрепления законности и правопорядка, защиты безопасности граждан и государства:

– активизировать борьбу с организованной преступностью, передав дела о бандитизме, вооруженном разбое, вымогательстве (рэкете), терроризме в юрисдикцию военных трибуналов и военных коллегий судов;

– принять закон о самообороне, позволяющий гражданам в пределах необходимой обороны с оружием в руках защищать свою жизнь, здоровье и собственность, а также создавать общественные формирования для самозащиты и охраны порядка;

– укрепить правоохранительные органы;

– запретить совмещение государственной службы (включая службу управляющего госпредприятием) и коммерческой деятельности;

– ужесточить контроль за экологической безопасностью.

4.6. В целях обеспечения демократического развития страны:

Мы считаем необходимым подготовить и созвать Конституционное собрание для внесения поправок и дополнений в действующую Конституцию. имеющих целью:

– разделить функции главы государства и главы исполнительной власти;

– перераспределить полномочия между ветвями власти в пользу парламента, сделать правительство подотчетным и подконтрольным законодателям;

– уравнивать в правах субъекты федерации;

– закрепить важнейшие социальные гарантии, включая право на труд, на жилище, на минимальное социальное обеспечение и т. п.

Окончательный текст Конституции подлежит утверждению на всенародном референдуме.

Тех, кто поддерживает и разделяет наши принципы, кто мечтает видеть Россию свободной, процветающей, независимой страной, кто живет своим трудом и хочет сполна получать за честный труд, кого заботит судьба российской природы и культуры, науки и образования, мы зовем в наши ряды.

Профсоюзы не намерены откладывать достижение своих целей до выборов, борьбу мы начинаем уже сегодня.

Свобода – Справедливость – Солидарность – Россия

P.S. С поправками эти тезисы были приняты в качестве платформы избирательного объединения «Профсоюзы России – на выборы».

ИСАЕВ Андрей Константинович.

Родился 1 октября 1964 г. В 1989 г. закончил исторический факультет Московского государственного педагогического института. В 1982–1986 гг. участвовал в нелегальных социалистических кружках. В 1987 г. был одним из основателей социалистического клуба «Община», в 1987–1991 гг. входил в редакцию одноименного журнала – старейшего социалистического издания в современной России. В 1988 г. был членом совета первой всесоюзной оппозиционной политической организации – Федерации социалистических общественных клубов. В 1989–1991 гг. – один из лидеров Конфедерации анархо-синдикалистов. Участвовал в организации информационного агентства КАС-КОР, обеспечивавшего становление независимого от КПСС рабочего движения в стране. С 1991 г. – главный редактор газеты профсоюзов «Солидарность». С 1995 г. – руководитель информационно-аналитического центра и секретарь Федерации независимых профсоюзов России.

ШУБИН Александр Владленович.

Родился 18 июля 1965 г. В 1989 г. закончил исторический факультет Московского государственного педагогического института. В 1985–1986 гг. участвовал в нелегальных социалистических кружках. В 1987 г. был одним из основателей клуба «Община», с 1988 г. входит в редакцию одноименного журнала. В 1988 г. был членом совета Федерации социалистических общественных клубов. В 1989–1991 гг. – один из лидеров Конфедерации анархо-синдикалистов. В 1990–1991 гг. был членом совета Конфедерации труда, объединявшей независимые от КПСС рабочие организации. Один из основателей Партии Зеленых, с 1991 г. – ее сопредседатель. Кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории. Автор книги «Гармония истории».

«Socialism – future of Russia» is a collection of the articles of the ideologists of the antiauthoritarian socialist and trade union movement A. Isaev and A. Shubin. In the book you shall find materials about theory and reality of socialism in XVI–XX centuries, political situation, social and trade union activity in Russia, social ecology, european process and perspectives of XXI century.